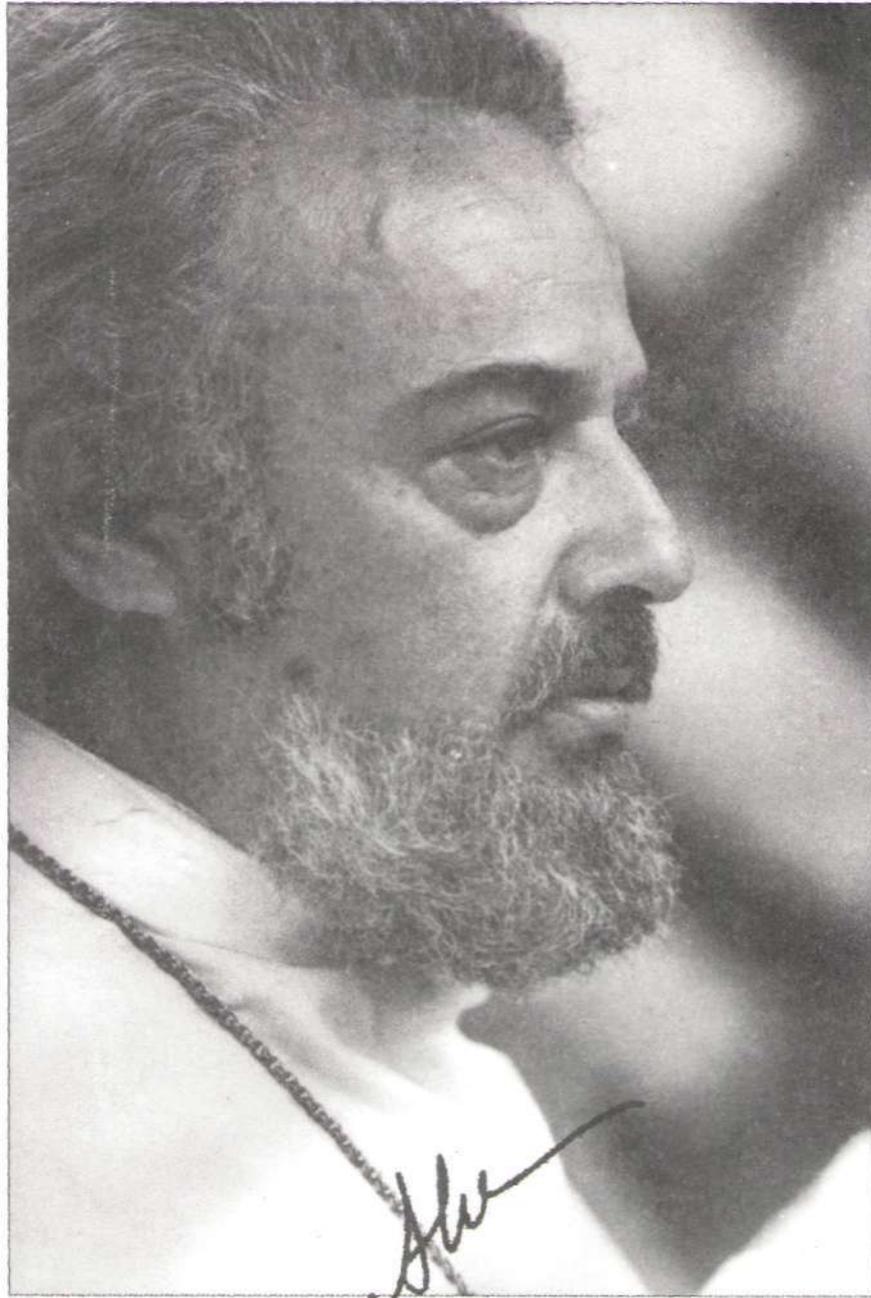

АЛЕКСАНДР МЕНЬ
ИСТОРИЯ
РЕЛИГИИ

**В ПОИСКАХ ПУТИ,
ИСТИНЫ
И ЖИЗНИ**

ВНОСНА ЗАДАЧА
РЕШЕНИЕ

Handwritten signature

2
14-510
2

АЛЕКСАНДР МЕНЬ

ИСТОРИЯ

РЕЛИГИИ

В ПОИСКАХ ПУТИ,
ИСТИНЫ,
И ЖИЗНИ

1
книга

Рекомендовано Министерством
общего и профессионального образования
Российской Федерации
в качестве пособия
для системы дополнительного образования учащихся

O'z MU
Ilmiy kutubxonasi

3105

Москва
2001

НОВЫЙ СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

Института «Открытое общество» и Министерства общего среднего
и профессионального образования РФ

«Учебная литература нового поколения»

Проект направлен на создание учебных материалов, соответствующих лучшим образцам мировой учебной литературы как с точки зрения содержания, методики, так и формы подачи материала. Новые учебные материалы будут прежде всего ориентированы на гуманитарные гимназии, лицеи и школы с углубленным изучением определенных предметов.

ББК 86.3
М 50
УДК 27+29

Составители:

*священник Александр Борисов, Р.И.Альбеткова,
А.Я.Андреева, Е.Ф.Сабуров, В.Л.Файнберг, П.В.Мень*

Редакционная коллегия:

*Н.В.Веселовская, В.И.Власенко, В.И.Даниленко,
М.А.Журинская, А.И.Княжицкий, А.Г.Николаевская*

Макет и оформление:

В.П.Кузнецов

Мень Александр

М 50 История религии. В 2 кн. Кн. 1-я: В поисках Пути, Истины и Жизни: Учеб. пособие. — М.: Издательская группа «ФОРУМ-ИНФРА-М», 2001. — 216 с.: ил.

Книга Александра Мень «История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни» — это повествование о духовных исканиях человечества. Читатель найдет в ней богатый материал о духовных традициях Древнего Востока, о религии и философии Древней Греции, о событиях библейской истории со времен вавилонского плена до прихода в мир Иисуса Христа.

Книга предназначена для преподавателей и учащихся средней школы, гимназий, лицеев, а также для всех, кто интересуется историей религии. Она может быть использована как самостоятельное учебное пособие и как дополнительный материал при изучении других исторических дисциплин.

ISBN 5-86225-621-0

© Фонд имени Александра Мень, 1997
© Издательский Дом «ФОРУМ», 1997

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Творческое наследие Александра Меня поражает своей многогранностью и широтой научного кругозора. Когда окидываешь взглядом проделанную им работу в области библиологии, религиоведения, истории культуры, литературы, то удивляешься громадному объему его труда. Видный деятель Русской Православной церкви, библиист, богослов, проповедник, он за свою недолгую жизнь сделал столько, что было бы по силам только целому коллективу.

Его глубокие теоретические исследования сочетались с активной проповеднической деятельностью. Он жил предельно насыщенной жизнью: служил в храме, писал книги и статьи, читал лекции в школах и вузах, выступал по радио и телевидению. Отец Александр без остатка отдавал себя служению Богу и людям.

Будущий пастырь родился в 1935 г. Уже в ранней юности Александр ясно осознал, что станет священником. В школьные и студенческие годы он жадно пополнял и расширял свои религиозные познания. Не следует забывать, что пора его юности пришлась на разгул атеизма, когда государство и общество оказывали на верующих невероятное давление. Сохранить, защитить веру в таких условиях значило совершить нравственный подвиг.

Удивительным внутренним благородством была отмечена вся деятельность Александра Меня — пастыря и ученого. Человек энциклопедических знаний, он был открыт великой Правде. Главный труд его жизни — серия книг по истории религии, а также книга об Иисусе Христе «Сын Человеческий». В них отец Александр прослеживает духовную историю человечества, поиски смысла бытия. В своих работах он показал, что эти искания есть не что иное, как восхождение к Истине, а Истина — это Христос.

Крупнейший ученый-библиист, Александр Мень мечтал написать учебник по истории религии. Трагическая гибель священнослужителя в 1990 г. помешала осуществлению этого плана. Грандиозный замысел не был завершен, но остались книги отца Александра, его бесценный научный архив. Работа по созданию учебника была продолжена друзьями и близкими Александра Меня.

Предлагаемые вниманию читателей учебные пособия, объединенные общим названием «История религии», составлены по материалам книг, написанных отцом Александром. Составители сочли своим долгом сохранить его неповторимую интонацию, которая так памятна всем, кому выпало счастье слышать этого незаурядного человека.

В первой книге «В поисках Пути, Истины и Жизни» исследуются истоки религии, рассказывается о первоначальных верованиях — от доисторической мистики до представлений о живом Боге. В книге повествуется о возникновении древней израильской религии, давшей миру освобождающий огонь Света и Истины, о приходе Мессии в мир, о Его земной жизни и победе над смертью. Мы осознаем, что духовные искания человечества воплотились в личности и учении Иисуса Христа, что Его рождение по самым глубинным причинам стало началом новой эры — эры торжества Истины.

Вторая книга «Пути христианства» охватывает I тысячелетие по Р.Х. В ней рассказывается о распространении христианства, о миссионерской деятельности учеников Иисуса, о первой христианской империи, об Отцах Церкви, о причинах великого церковного раскола, о крещении Руси. Автор раскрывает тайну приобщения к Церкви тысяч и тысяч людей через любовь, что сегодня чрезвычайно важно для духовного возрождения России.

Александр Мень не идеализирует христианство, он показывает реальную картину жизни Церкви, не скрывая ее драматических сторон: борьбы мнений, раскола, ересей, вспышек фанатизма. Высочайшая нравственная позиция автора позволяет объективно освещать все эти вопросы.

I. ИСТОКИ РЕЛИГИИ

ВВЕДЕНИЕ

В духовной жизни человека трудно найти фактор, который играл бы более важную роль, чем религия. В поисках Бога человечество исходило немало дорог, пройдя путь от мироотрицающей мистики до богоотрицающего материализма. И лишь тогда, когда путь этот был пройден, наступила, выражаясь библейским языком, «полнота времён». Мир подошел к Откровению величайшей тайны, и человеку был указан путь к совершенной жизни.

Однако человеку была дана свобода выбора — принять Евангелие или отвергнуть его. Свобода осталась неприкосновенной; ее залогом было историческое уничтожение Иисуса Назарянина, Его крестная смерть и неслыханное в своей парадоксальности учение, принять которое было невозможно без подвига веры.

Тщетно люди прилагали к христианству привычные им мерки: одни требовали знамений, другие — философских доказательств. Но Церковь устами апостола Павла отвечала: «Мы проповедуем

Христа распятого, для иудеев — соблазн, а для эллинов — безумие» (1 Кор 1:23).

Не человеческой, а Божественной вестью вошло Евангелие в историю человечества. Покорив многих, для иных оно осталось соблазном или безумием. Некоторые, приняв его, потом отступились. Но идти миру было, в сущности, уже некуда. Оставалось лишь снова и снова бродить в потемках заблуждений, которые увлекали человеческий дух в дохристианские времена. Отход от Христа на деле означал возврат к Будде или Конфуцию, Заратустре или Платону, Демокриту или Эпикуру.

Ты создал нас для Себя,
и мятется сердце наше,
доколе не успокоится в Тебе.

Августин

Сотворение света.

Г. Доре.

Гравюра

Поистине прав был Экклезиаст, когда говорил: «Нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1:9). Рассматривая любое из учений, возникших за двадцать веков, мы убеждаемся, что все они сводятся к повторению чего-то уже пройденного.

Рецидивы доевангельского сознания еще слишком часто дают о себе знать и среди христиан. Они проявляются и в отрешенном спиритуализме¹, и в авторитарной нетерпимости, и в магическом обрядоверии. Это вполне объяснимо: ведь две тысячи лет — срок ничтожный для того, чтобы преодолеть «язычество» и осуществить хотя бы часть задач, поставленных миру Богочеловеком. А они поистине абсолютны и неисчерпаемы. Можно сказать, что «закваска» Евангелия только начала свое преобразующее действие.

* * *

История не знает ни одного народа, который был бы совершенно лишен веры. Даже атеистов нельзя считать людьми по-настоящему неверующими. Идеологические мифы, которые принимаются ими на веру, — это, по существу, перелицованная религия. В результате возникают «верования» атеизма, пытающиеся привнести смысл в бессмыслицу, предназначенные примирить человека с тем, что он по своей природе *не может* принять.

Есть что-то трагическое и таинственное в стремлении атеистов укрыться от бездны равнодушной Вселенной, от пустого холодного неба. Тут не просто страх и тревога, но неосознанное тяготение к тому, что догматика материализма отрицает, а именно к Смыслу, Цели, разумному Началу мира.

Дух человека веками стремился к красоте, добру и чему-то Высшему, достойному поклонения. Можно ли видеть в этом лишь пустой самообман? Не естественнее ли признать, что подобно тому, как тело связано с материальным миром природы, так и дух тяготеет к незримой Реальности? И разве не показательно, что, когда человек отворачивается от этой Реальности, вместо нее возникают суеверия и секулярные² «культы»? Иными словами, если человек уходит от Бога, он неизбежно приходит к идолам.

Плохо, когда пустуют храмы, однако еще хуже, когда храмы полны, но пустуют сердца. Внешнее исполнение обрядов — далеко не всегда показатель благополучия веры, и, напротив, слабая посещаемость храмов отнюдь не доказывает ее упадка. К тому же внешние формы церковной жизни всегда менялись в прошлом, будут меняться они и в дальнейшем.

Даже потеряв Бога, люди страстно ищут абсолютного. И только религия остается наиболее личностной из всех форм человеческой деятельности. Поэтому именно в ней дух, затерянный в лабиринтах цивилизации, вновь и вновь обретает для себя прочную основу и внутреннюю свободу. Личность, т. е. высшее проявление человеческого, всегда будет находить оплот в Святыне.

Знаменитый физик Макс Борн, говоря о пропасти, в которую катится цивилизация, подчеркивал, что лишь религиозные идеи могут вернуть здоровье обществу. «В настоящее время, — писал он, — только один страх вынуждает людей сохранять мир. Однако такое положение неустойчиво и должно быть заменено чем-то лучшим. Нет необходимости искать где-то далеко принцип, который мог бы стать более прочной основой для устройства наших дел... В нашей части мира этот принцип содержится в христианской доктрине».

Люди, говорящие о «гибели религии», либо близоруки, либо намеренно закрывают глаза на действительность, либо, наконец, являются жертвами дезинформации.

Сегодня, как никогда, актуально звучат слова апостола Павла, сказанные две тысячи лет назад: «Нас почитают умершими, но вот, мы живы» (2 Кор 6:9).

¹ Спиритуализм (от англ. *spirit* — дух) — философское воззрение, утверждающее примат духовного начала мироздания при вторичности, «ненужности» его материального начала. Не является учением христианской Церкви.

² Секулярный — светский, не относящийся ни к сфере религиозной жизни, ни к церковным структурам; например, секулярное государственное устройство подразумевает, что религиозные воззрения являются частным делом людей, а не их гражданской обязанностью.

ПРИРОДА ВЕРЫ

Бытие и вера

Что же такое вера? Ученые и богословы определяли ее по-разному и порой очень противоречиво. Религию связывали с чувством нравственного долга (Кант), с чувством зависимости (немецкий богослов Шлейермахер); английский мыслитель Рассел определял ее как страх перед неведомым и т. д.

Мы, конечно, не будем останавливаться здесь на мнении «просветителей», будто религия есть продукт намеренного обмана. От этого взгляда давно отказались и сами атеисты. Зато гораздо упорнее держались они за другую концепцию XVIII в., согласно которой религия — это плод невежества первобытного человека, не знавшего законов природы. Подобные утверждения еще встречаются довольно часто в антирелигиозной литературе. Однако вера живет и тогда, когда знания человека о природе становятся полнее; ее исповедуют люди, стоящие на самом высоком уровне интеллектуального развития.

На особенности верований того или иного народа в значительной степени влияют исторические, географические и этнические факторы. Но религия превалирует над ними: этим объясняется та поразительная духовная общность, которая нередко возникает у народов, разделенных психологическими, расовыми и историческими барьерами. И наоборот, два народа могут составлять

расовое, экономическое, историческое и географическое единство, а по своему религиозному сознанию существенно различаться. «Главные барьеры между народами, — пишет английский философ и историк Кристофер Даусон, — не раса, язык или география, но различие духа: эллины и варвары, иудеи и неиудеи, мусульмане и индуисты, христиане и язычники. Во всех этих случаях существуют разные концепции действительности, разная мораль и разные эстетические нормы, словом, раз-

ный внутренний мир. В основе каждой цивилизации лежат два духовных фактора: исторически сложившаяся общность мысли и действия и внезапное озарение пророка или мыслителя.

Но если интеллектуальные и духовные изменения приносят ощутимые результаты в материальной жизни народов, то чисто внешняя материальная перемена дает ничтожный положительный эффект, когда она не имеет корня в культуре и психологии. Хорошо известно, что влияние современной материальной цивилизации на примитивные народы обычно не ведет к культурному прогрессу. Наоборот, если оно не сопровождается процессом духовной ассимиляции, оно разрушит культуру, которую завоевало».

Отрыв культуры от ее религиозных основ не может остаться без роковых последствий. Подлинный культурный расцвет немыслим без интенсивной духовной жизни.

Чем была бы история Израиля без Библии и чем без Библии была бы европейская

Четвертый день творения.

Ю. Карольсфельд.

Гравюра

цивилизация? Чем была бы западная культура без католичества, индийская — без ее религий, русская — без православия, арабская — без ислама? Кризисные и упаднические явления в культуре, как правило, бывают связаны с ослаблением религиозного импульса, что приводит творчество к деградации и омертвлению.

Большинство определений религии говорит почти исключительно о психологических предпосылках веры, но нас интересует сама ее сущность.

Религия есть преломление Бытия в сознании людей, но весь вопрос в том, как понимать само это Бытие. Материализм сводит его к неразумной природе, религия же видит в его основе сокровенную Божественную Сущность и осознает себя как ответ на проявление этой Сущности.

Материальное бытие очевидно для нас — но как мы можем узнать о Бытии Божественном? Мы не видим и не слышим Высшего Бытия, откуда же нам известно, что оно реально?

Вера представляет собой такое состояние человека, когда он убежден в существовании чего-либо, не основываясь при этом на каких-либо внешних фактических и формально-логических доказательствах, т. е. интуитивно.

На пороге последней тайны

Познавая природу, человек во многом опирается на интуицию; она тем более важна в сфере, относящейся к самой сущности бытия. Великий католический мыслитель Фома Аквинат говорил, что если бы путь человека к Богу проходил только через философское, абстрактное мышление, то вера

осталась бы уделом ничтожнейшего меньшинства. На деле же мы видим, что религиозность присуща и неграмотному индийскому крестьянину, и европейскому ученому, достигшему вершины современных знаний. И происходит это именно потому, что духовное познание есть плод живой интуиции.

Религиозный опыт можно в самых общих чертах определить как переживание, связанное с чувством реального присутствия в нашей жизни некоего Высшего Начала, которое направляет и делает осмысленным наше существование. Это ощущение дается через непосредственное «видение», исполненное такой же внутренней достоверности, какую имеет видение собственного «Я». И, только проходя через интелек-

Бог создает Адама.
У. Блейк.

Иллюстрация к Книге Бытия. 1795 г.

туальное осмысление, этот опыт кристаллизуется в понятия и символы.

Плотин, выдающийся философ эллинистического мира, так говорил об этом: «Когда мы видим Бога, то видим его не разумом, а чем-то более высшим, чем разум».

Религиозное переживание нельзя свести ни к какой другой сфере человеческого духа. Точнее всего его можно определить как чувство благоговения. Эйнштейн говорил, что «самое прекрасное чувство связано с переживанием Таинственного... Человек, которому это ощущение чуждо, который потерял способность удивляться и благоговеть, — мертв. Знание о том, что есть сокрытая Реальность, которая открывается нам как высшая Мудрость и блистающая Красота, — это знание и это ощущение есть ядро истинной религиозности».

Самое важное состоит в том, что человек через себя и в себе открывает *иное*, отличное от природы бытие. И чем интенсивнее и совершеннее процесс человеческого самопознания, тем более достоверным становится этот невидимый мир. «Подняться к Богу, — говорил французский философ Габриэль Марсель, — это значит войти в самих себя, более того, в глубину самих себя, — и себя же самих превзойти».

Наше духовное «Я» — окно в мир вселенского Духа. Как гармония человека с природой является основой его жизни на земле, так Единение с Высшим определяет его духовное существование. Анри Бергсон видел в мистическом опыте не только прорыв к Божественному Единству, но и залог дальнейшего становления человечества.

Происхождение Вселенной всегда волновало людей, особенно людей науки. Жан Жак Руссо еще двести лет назад писал: «Ум путается и теряется в этой бесконечности отношений, из которых ни одно не запуталось и не потерялось в массе. Сколько нужно абсурдных предположений, чтобы вывести всю эту гармонию из слепого механизма материи, случайно приводимой в движение! Напрасно те, которые отрицают единство замысла, обнаруживающегося в отношениях всех частей этого великого целого, прикрывают свои нелепости абстракциями, координациями, общими принципами, всякими эмблематическими терминами; сколько бы они ни старались, я не могу постичь систему существ, подчиненных столь незыблемому порядку. Я не в силах верить... чтобы слепая случайность могла произвести разумные существа, чтобы немыслящее могло произвести существа, одаренные мышлением».

Известно и признание Эйнштейна: «Моя религия — это глубоко прочувствованная уверенность в существовании Высшего Разума, который открывается нам в доступном познанию мире».

Материалисты ставят на его место нечто, называемое ими «материей». Но если этой «материи» присущ разум, то это уже не материя...

Технические открытия и научные теории XIX в. на первых порах, казалось, могли служить подтверждением материализма. Тем не менее он неизменно оставался уделом популяризаторов,

а также философов, плохо знакомых с наукой, или ученых, плохо знавших философию. В XX в. под влиянием открытий в области физики и биологии материализм вынужден был сделать уступку: «материей» было объявлено *все*, что имеет объективную реальность.

Но главный внутренний «нерв» материализма остался неизменным. Этим нервом было *богоотрицание*. На первом плане оказывались не научные и философские проблемы, а эмоциональный пафос богоборчества.

У Маркса протест против религии диктовался его политической борьбой, так как он отождествлял религию с реакцией. Таким же глубоко эмоциональным, далеким от всякой «научности» был и атеизм Ленина.

«Научное мировоззрение», на которое ссылаются атеисты, само по себе весьма спорное явление. Нет доказательств, что *все* бытие поддается анализу науки. Корни мировоззрения всегда уходят глубже научного уровня — в веру, в то или иное убеждение.

Теперь уже никто не ищет в Священном Писании ответов на вопросы химии или геологии, а христианство не ставит себя в зависимость от непрестанно меняющихся научных представлений. Человек обращался к Богу и тогда, когда считал Землю плоской, и тогда, когда считал ее планетой, находящейся в центре мира, и тогда, когда поставил на это центральное место Солнце...

Главный спор материализма и религии лежит за пределами экспериментального исследования и относится к проблеме возникновения мироздания. Материалисты утверждают, что Вселенная *бесконечна* во времени и пространстве. Но какой научный опыт может проникнуть в беспредельное и безначальное? Можно ли согласиться с утверждением материалистов, что творческое Начало, находящееся вне пространства, не могло создать бесконечную Вселенную?

Со времен Средневековья богословы высказывают мнение, что Вселенная могла и не иметь «начала» во времени, ибо сам творческий акт по природе своей является вневременным.

Чем больше развивается естествознание, тем яснее становится, что познание самих основ мира

Софийский собор в Киеве.
XI в.

лежит за пределами науки. Поэтому не приходится удивляться тому, что для большинства подлинных творцов науки, для всех, кто содействовал ее движению вперед, идея создания мира Богом была полна глубокого смысла и жизненного значения.

К высшей Реальности человека приобщают и внутренний духовный опыт, и пути разума, и развитие науки.

«Пожалуй, самым непосредственным доказательством совместимости науки и религии, —

писал Макс Планк, — является тот исторический факт, что именно величайшие естествоиспытатели всех времен, такие люди, как Кеплер, Ньютон, Лейбниц, были проникнуты глубокой религиозностью».

Карл Линней, создатель биологической классификации, говорил, что в многообразии мира живых существ видит силу Творца. Ломоносов называл веру и знание «дочерьми одного Отца». Паскаль, Ньютон, Фарадей были богословами. Пастер заявлял, что он молится в своей лаборато-

рии, а Ф. Бэкон считал, что «малые знания удаляют от Бога, большие — к Нему приближают».

Человек перед Богом

Божественная Реальность остается сокровенной и не подавляет человека необходимой очевидностью, и это сохраняет нашу свободу перед Богом. Постигание Его совершается постепенно, в строгом соответствии с готовностью человека к мистической Встрече. Бог как бы сокрыт от непосредственного восприятия. Шаг за шагом входит Он в сознание людей через природу, любовь, чувство тайны и переживание Священного. С этим связано и историческое многообразие религий, которое отражает различные фазы и уровни Богопознания.

Тем не менее у нас есть право говорить о единстве религий. Оно связано и с единством человеческой природы, и с родственностью переживаний, которые вызывают чувство Высшего и мысль о Нем. Пусть зачастую вера затемняется эгоизмом, корыстью, примитивным страхом — ее подлинное ядро, *благоговение*, роднит между собой и язычника, и последователя высших мировых религий. Даже атеист в какие-то моменты своей жизни оказывается причастным к этому чувству и испытывает близость «неведомого Бога» (см. Деян 17:22–23).

Для того чтобы соприкоснуться с Божественным, необходима особая внутренняя духовная и нравственная подготовка. «Душа никогда не увидит красоты, если она сама прежде не станет прекрасной, — писал Плотин, — и каждый человек, желающий увидеть прекрасное и божественное, должен начать с того, чтобы самому сделаться прекрасным и божественным». Великие святые потому и были «боговидцами», что их души были действительно инструментом богопознания. И такими инструментами являлись миллионы чистых сердец, искренне любящих Истину. Различие в богопознании религиозных гениев, таких, как Франциск Ассизский, Тереза Авильская, Мейстер Экхарт, Серафим Саровский и оптинские старцы, и обыкновенных людей заключается в следующем: первые всем своим существом при-

Синагога «Слава Израиля»
в Иерусалиме

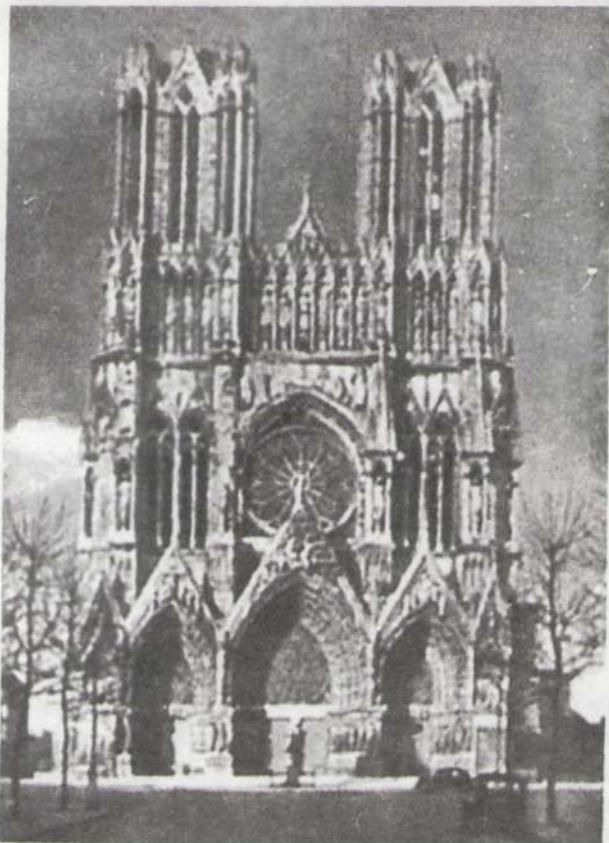
общались Божественной жизни и сами становились ее носителями, для вторых же встреча с Богом была подобна мгновенной вспышке молнии, вслед которой наступает мрак. Сознание первых восходит на такие ступени созерцания, где бессильны человеческие слова и мысли. Поэтому-то, когда они пытаются поведать нам о постигнутом, они с трудом выражают лишь тысячную часть того, что пережили.

Встреча с Богом происходит в жизни каждого человека, и религиозный опыт есть опыт *универсальный*, всечеловеческий. Разница состоит лишь в том, к какому результату приводит эта встреча, готов ли к ней человек или проходит мимо нее. Призыв Незримого часто воспринимается чело-

веком сквозь призму предрассудков и недоверия ко всему, что выходит за пределы повседневного. Иногда этот призыв раздаётся в душе вялой, ограниченной, прикованной к примитивным интересам и целям; в обоих случаях он поистине остаётся «гласом вопиющего в пустыне» (см. Мф 3:3; Мк 1:3; Лк 3:4; Ин 1:23), ибо душа, не ответившая на Божественный призыв, есть духовная пустыня.

«Я жил, — говорит Лев Толстой в своей «Исповеди», — только тогда, когда верил в Бога. Как было прежде, так и теперь: стоит мне знать о Боге, и я живу; стоит мне забыть, не верить в Него, и я умираю». Переворот в сознании верующего человека, совершившийся благодаря его встрече с Вечностью, отражается на всем его существовании и на его деятельности. Пророк Исайя или Будда, Мухаммад или Савонарола, Гус или

Собор Нотр-Дам в Реймсе

Лютер и другие духовные вожди радикально изменяли ту социальную среду, в которой жили, и эти изменения пережили века.

История всех времен и народов, говорит Макс Планк, весьма убедительно свидетельствует о том, что из непосредственной, незамутненной веры, которую религия внушает своим последователям, живущим деятельной жизнью, исходили самые сильные стимулы и значительные творческие достижения, причем в области социальной не меньше, чем в области искусства и науки. Действительно, невозможно переоценить вдохновляющую роль веры в жизни великих мыслителей, поэтов, художников, ученых и реформаторов.

Верующий не закрывает глаза на мировое зло, но при этом он отказывается признать его непобедимым. Он может смело сказать словами Альберта Швейцера: «Мое знание пессимистично, моя вера — оптимистична». Благодаря этому наша простая человеческая жизнь, несмотря ни на что, сверкает красками вечности.

Слово «религия» происходит от латинского глагола religare, что значит «связывать». Она есть сила, связующая миры, мост между тварным духом и Духом Божественным. Укрепленный этой связью, человек оказывается активным соучастником мирового созидания. Бог не порабощает человека, не сковывает его волю, а, напротив, дает ему полную свободу, включающую и возможность отвергнуть Его, искать своих путей.

В единении с Богом человек обретает полную бытия, а не жалкую покорность. «Когда человек, — замечает историк религии Отто Пфлейдерер, — в свободном повиновении отдает себя Богу, он не боится потерять через это свою человеческую свободу и свое достоинство, а, наоборот, верит, что только в союзе с Богом он может поистине стать свободным от тяготы мира, от тисков природы вне нас и от еще худшего ига природы внутри нас... Повиновение Богу есть свобода, — сказал уже Сенека».

Жизнь в вере неотделима от борьбы за торжество добра, борьбы за все светлое и прекрасное; она должна быть не пассивным ожиданием «манн небесной», а мужественным противостоянием злу. Религия есть подлинное основание

нравственной жизни. В природе мы не находим основ для этических принципов. По остроумному замечанию биолога Томаса Гексли, и преступник, и добродетельный человек одинаково следуют природе, причем первый — в большей степени. Могут возразить, что нравственность диктуется долгом перед обществом. Но ведь само сознание этого долга есть, в свою очередь, не что иное, как нравственное убеждение, в то время как именно отрицание осмысленности бытия, отрицание Бога есть путь к торжеству безграничного эгоизма и взаимной борьбы.

Часто и мучительно люди ставят вопрос: почему в мире так много зла? Как совместить Откровение о всеилии Творца и благи Божией со злом, царящим на земле? Боль и гибель, постигающие любое живое существо, накладывают страшную печать на всю нашу жизнь. Смерть захлестывает жизнь, хаос — организованность. Мир созидания постоянно подрывается силами разрушения.

Христианство согласно с тем, что бытие в самом себе несет черты несовершенства, что космогенез неотделим от борьбы полярных начал. Но Библия, говоря о мире как о творении Бога, рассматривает Вселенную в плане динамическом, в перспективе ее совершенствования. Ветхий Завет знает о силах Хаоса, но он не обожествляет их, а видит в них лишь тварное начало, которое противится замыслам Творца. Бог, согласно Библии, не может быть источником зла. Оно есть нарушение тварью божественных предначертаний, а не просто «промедление на пути к совершенству», как говорил Эфраим Лессинг.

Образы чудовища Хаоса и Сатаны, которые мы находим в Писании, означают, что катастрофа совершилась в мире духовном. Именно там возник очаг демонического «своеволия», мятеж против гармонии, который отозвался на всей природе. «Вся тварь, — говорит апостол Павел, — совокупно стенает и мучится донине...» (Рим 8:22). «...Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее» (Рим 8:20). Эти слова указывают на зависимость нынешнего состояния природы от вселенского Грехопадения. Не является ли и само необратимое природное время с его жестокой неумолимостью

Мечеть в Стамбуле

своего рода недугом мироздания? Ведь Апокалипсис предсказывает, что в грядущем Царстве времени не будет (Откр 10:6).

Подобное представление может показаться отрицанием Божественного Всемогущества. Но христианство учит, что любой акт Бога по отношению к миру есть Его самоограничение или, как говорили Отцы Церкви, «кенозис» («умаление») Абсолютного. Именно «кенозис» оставляет место тварной свободе, которая не позволяет исказить образ своего Создателя.

«Безрелигиозное сознание, — говорит Н.Бердяев, — мысленно направляет дело Божие и хватается, что могло бы лучше сделать, что Богу следовало бы насильственно создать космос, сотворить людей, неспособных ко злу, сразу привести бытие в то совершенное состояние, при котором не было бы страдания и смерти, а людей привлекало бы добро. Этот рациональный план творения цели-

ком пребывает в сфере человеческой ограниченности и не возвышается до сознания смысла бытия, так как смысл этот связан с иррациональной тайной свободой греха. Насильственное, принудительное, внешнее устранение зла из мира, необходимость и неизбежность добра — вот что окончательно противоречит достоинству всякого лица и совершенству бытия, вот план, не соответствующий замыслу Существа, абсолютного во всех Своих совершенствах. Творец не создал необходимо и насильственно совершенного и доброго космоса, так как такой космос не был бы ни совершенным, ни добрым в своей основе. Основа совершенства и добра — в свободной любви к Богу, в свободном соединении с Богом, а этот характер всякого совершенства и добра, всякого бытия делает неизбежной мировую трагедию. По плану творения космос дан как задача, как идея, которую должна творчески осуществить свобода тварной души.

Творение есть преодоление Хаоса Логосом¹, которое устремлено в Грядущее. Итак, борьба — закон миротворения, диалектика становления твари.

¹ Логос (греч. «слово»): 1) термин древнегреческой философии, означающий первоначально единство слова и смысла; 2) в христианстве — обозначение Иисуса Христа как второго Лица Троицы; христианское понятие Логоса восходит к первой фразе Евангелия от Иоанна — «В начале было Слово».

ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЛЕННОЙ

Творение, эволюция, человек

В представлении многих древних народов Творец — это мастер, который своими руками изготавливает необходимую для жизни утварь. На некоторых египетских рельефах можно видеть изображение бога Хнума, делающего человека при помощи гончарного круга. В Индии и Греции считалось, что мир родился из недр Божества.

Только библейское учение противопоставило язычеству и пантеизму¹ всех оттенков идею творения как акта Божественной Воли, Разума и Любви. Этот акт есть звено, связующее Абсолют со всем тварным. Согласно Писанию, созидательная мощь слова Божия, вызвав тварь из небытия,

постоянно питает ее и поддерживает ее существование.

Библия рисует космогенез² как восхождение от низшего к высшему, от неорганического к высокоорганизованному существу — к человеку. Это понимание истоков Вселенной облеклось, естественно, в форму, соответствующую уровню знаний и типу мышления той далекой эпохи, когда писалась Книга Бытия. Однако дело здесь не только в эпохе. Священный автор говорит о тайне, которая в силу своей природы лучше всего может быть выражена символически. «В начале сотворил Бог небо и землю» — эти слова Писания не есть констатация научного факта, это язык Мифа в высочайшем и священном значении этого слова. Картина, образ, символ, заменяющие абстракцию, — способ, необходимый для выражения непостижимого и присущий языку всех религий.

Интуитивные прозрения, облеченные в миф, нередко опережают развитие науки. Именно в Библии, в отличие от греческих, вавилонских, индийских писаний, мы впервые находим понятие о мире как об Истории, Становлении, Процессе. Мифы и философские системы древности, по существу, стояли вне прошлого и будущего; для них Вселенная вместе с богами, людьми и низшими существами пребывала в бесконечности круговоротов и циклов. Библейским же пророкам первым открылась внутренняя устремленность мира к совершенству.

В XIX в. появилась теория Дарвина. Противники религиозной веры с восторгом уверовали в дарвинизм и с ожесточением обрушились на библейские «дни творения». Дарвинизм стал жупелом, которым пугали благочестивых людей.

Одним из первых понявших подлинно религиозное значение эволюционной идеи был не кто иной, как дед Чарлза Дарвина — поэт и натуралист Эразм Дарвин. «Мир, — писал он в своей “Зоономии”, — развивался... образовывался постепенно из небольшого начала, увеличивался благодаря деятельности присущих ему сил... Какая это возвышенная мысль о безграничной мощи великого Зодчего, Причины всех причин, Отца

всех отцов, Существа существ! Ведь если бы захотели сравнивать бесконечность, то должны были бы признать, что больше бесконечной силы нужно для создания причин действия, чем для создания самих только действий». В этих словах заключена самая суть христианского подхода к эволюции. Согласно Библии, само существование мира зависит от Творца и постепенно питается его созидательной мощью. Отсюда — понятие о «продолжающемся творении».

Эволюция христианского сознания — это не просто движение вперед, но и *возвращение* твари на пути, предначертанные Творцом, ибо развитие направлено на создание человека, чье призвание — одухотворить мир и сделать его открытым для новых творческих деяний Бога. Таков смысл развития с точки зрения веры; наука же лишь изучает формы и этапы становления природы; она еще далека от того, чтобы познать все закономерности эволюции.

После возникновения материальных структур вторым чудом природы стала жизнь, которую Эрвин Шредингер называет «самым прекрасным шедевром, когда-либо достигнутым по линии Господней квантовой механики».

Третьим чудом явился человек. Это было еще более чудесным переворотом, чем возникновение жизни. Впервые в истории планеты та Сила, которая движет мирами, — космический Разум, скрытый за миром явлений, — отобразилась в личностном, тварном существе. До сих пор мироздание — и мертвое и живое — только слепо-бессознательно следовало по пути эволюции, но с появлением человека Вселенная в его лице стала обладательницей духа, разума, творческого дара, ей открылся путь высочайшего восхождения.

Антропогенез³ был уникальным явлением, и все современное человечество представляет собой один вид. Однако едва ли возможно установить, каким образом произошел этот качественный скачок. По-видимому, эволюция психики не может заполнить пробел между разумом высшего животного и *личностным* интеллектом человека. Этот шаг, по верному замечанию Пьера Тейяра де Шардена, «должен был совершиться сразу». Разумеется, развитие умственной деятельности

приматов подготовило среду и условия для этого переворота. Но дух, самосознание личности как таковые — чудо в мире природы, и именно они делают человека человеком.

Наука может пытаться восстановить последовательные ступени в развитии мозга — но более того. Сам же мозг был лишь необходимым инструментом, способным уловить тончайшие вибрации нематериального плана бытия, стать орудием духа.

В тот момент, когда в существе, обретшем форму человека, впервые вспыхнул свет сознания, когда он стал личностью, произошло соединение двух мировых сфер: природы и духа. «Прах земной» (как называет Библия психофизическое естество человека) сделался носителем «души живой» (Быт 2:7).

¹ Пантеизм (греч. «всебожие») — воззрение, характерное для некоторых философских систем и мистических течений, отождествление Бога с «природой», при котором Бог по сути не является личностным.

² Космогенез (греч. «рождение, происхождение мира») — возникновение Вселенной и представление о нем в религиозных системах и научных теориях; христианский космогенез опирается на начальные главы Книги Бытия, так называемый «Шестоднев». Вопреки распространенному заблуждению Шестоднев никак не вступает в противоречие с научными теориями хотя бы потому, что описывает процессы сотворения мира с позиций, неподвластных строго научному мышлению.

³ Антропогенез (греч. «происхождение человека») — совокупность религиозных или научных представлений о возникновении человечества, а также сам процесс этого возникновения.

Образ и подобие

«И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию» (Быт 1:27). Библия всегда говорит о Боге как о Начале *невидимом*. Тема человеческого богоподобия на протяжении веков привлекала внимание богословов, философов и ученых различных школ, исследователей Священного Писания.

Хотя на всей организованной материи можно видеть отпечаток ее разумного происхождения, разум в природе — это, скорее, незавершенная «программа», он безлик, «диффузен», расплывен.

Только на человеческом уровне он становится подлинным «образом и подобием» своего Творца. Вселенский Божественный Разум — Логос, — проявляющий себя в эволюции мира, более всего отобразен в личностном *разуме* и сознательной *воле* человека.

Божество открывается людям как Сила, превышающая механическую причинность: как высшая Свобода и высшее Творчество. И то и другое присуще человеку.

Бог, открывающийся как абсолютное Совершенство, приобщает человека к процессу вечного совершенствования. Разумеется, этот процесс не может ограничиваться малым отрезком временного бытия; бессмертие человеческой личности есть залог ее богоуподобления.

Христианская антропология признает в человеке три уровня, которые соответствуют трем основным аспектам познания и тройственной структуре реальности. Первый, наиболее связанный с внешней природой уровень — *тело*; второй, пограничный — *душа*, или психика; третий, самый глубокий — *дух*. Дух образует человеческое «Я» и те высшие свойства человека, в которых отражен «образ и подобие Божие». Первые два измерения — общие у человека и других живых существ. Духом же обладает лишь он один среди всех известных нам творений. Тело и психика изучаются естественнонаучными методами (тело, во всяком случае, всецело); дух же раскрывается преимущественно в процессе интуитивного постижения и самопознания.

Первым свойством духа является то, что он реализуется через «Я», через *личность*, живущую во взаимосвязи с другими личностями. Христианское учение признает бесконечную ценность каждой отдельной личности, но при этом считает необходимым единение человеческих личностей, образующих в своей совокупности высшее духовное Целое. В христианстве это называется «соборностью», т. е. таким состоянием Целого, в котором все части сохраняют свою индивидуальность и ценность, не нивелируются.

Другим свойством духа является сознающий себя *разум*. Именно он способен воспринимать и осмысливать общие закономерности развития при-

роды и общества, причинно-следственные связи бытия, смысл происходящих в мире процессов. Сознательная, разумная активность настолько отличает людей от природы, что для обозначения человечества применяется термин «ноосфера»¹.

Третье свойство духа — *свобода*. Только человек может быть «хозяином своих поступков и нести за них ответственность. Животное не выбирает — выбирает лишь человек. Только для него существует *нравственная* оценка поступков.

Разумеется, не следует забывать, что сила волевой энергии человека и относительная свобода его от природных факторов тесно связаны с уровнем его духовного развития. Человек способен реализовать свою *потенциальную* свободу только благодаря развитию, упражнениям, воспитанию в себе высших духовных задатков. В противном случае он как бы отрекается от своего дара. Тогда он действительно всецело подпадает под действие низменных инстинктов и общественно-условий. Он оказывается неспособным противоставить что-либо ни своей биологической природе, ни своему окружению. Ведь разум — это также потенциальная способность человека, и если он не подвергается воспитанию, то потенция остается в зачатке. Примером этого могут служить дети, которых вскармливали животные. Несколько таких случаев известно и изучено. Выяснилось, что великий дар разума у них подобен зерну, которое бросили в почву, лишенную влаги и питательных веществ.

Итак, индивидуальное становление, развитие человека есть обязательное условие для выявления его высшей природы. Одна из основных особенностей человека заключается именно в *преодолении* чисто биологических рубежей. На это указывают запросы людей, которые неведомы животным. Природа человека такова, что избыток земных благ не удовлетворяет его желаний, не сдерживает страстей. Человек ищет в жизни полноты и совершенства, которых не может дать одно лишь природное бытие. И дело тут совсем не в обществе и не в «общественных отношениях». У человека, который уже познал свободу, появляются высшие, сверхприродные инт-

связи
е процессов,
юстолько от-
обозначения
Д
Только
«поступков»
Кивотное не
Только для
нка поступ-

что сила во-
свобода
с уров-
ек способен
толь-
воспитанию
противном
дара. Тог-
лет под дей-

противо-
ческой при-
— это
, и если
отенция ос-
гут служить
в! Несколь-
о. Выясни-
зерну,
и пи-

, развитие
выявле-
осо-
в пре-
ем. На это
неведомы
что изоби-
желаний и
в жизни
может ему
дело тут
от-
сво-
инте-

есы и влечения. В этом — залог его бесконечного развития.

Желание обрести свободу настолько сильно в человечестве, что даже марксисты, склонные к детерминизму², грезят о «прыжке из царства необходимости в царство свободы». Мало того, Маркс утверждал, что это царство «лежит по ту сторону сферы собственно материально-го производства». Тем не менее он продолжал считать «базисом» свободы социальное и экономическое переустройство. Нет сомнения, поиски оптимальных общественных систем могут служить делу подлинной свободы, но опыт показал, что без признания прав личности и духовных оснований этих прав дея освобождения превращается в свою противоположность: в диктат, насилие, рабство.

Подобная деградация связана еще и тем, что в человеке наряду с потребностью в свободе живет обязанность ее. Без ориентации на Вечное свобода может пугать и вызывать тоску по рабству. «Человек обречен на свободу», — говорил Жан-Поль Сартр, и в этих словах ощущается скрытый ужас. Но подлинная эра не страшится свободы. Она сознает всю трудность этого дара и радостно идет ему навстречу. Пусть даже иные представители религии превращают ее саму в уютную клетку, где извращается вера. «Комфортабельный атеизм и комфортабельная вера, — по словам Э. Мунье, —

встречаются в одном болоте. Для того, кто верен Евангелию, остается всегда живым завет апостола Павла: «К свободе призваны вы, братья» (Гал 5:13)».

Реализацией духовного начала выступает и стремление к творчеству, неотделимому от истории человеческой культуры. Н. Бердяев в книге «Смысл творчества» считает творчество главной отличительной чертой человека, «позволяющей ему прорываться через этот мир к миру иному».

В процессе творчества человек приобретает к мировому духовному бытию, и тут с необычайной силой проявляется его богоподобная сущность. Так, Микеланджело, работая над своими фресками, видел в этом труде священнодействие, которым руководит Дух Божий. По словам Флобера, художники являются «органами Бога», посредством которых Он Сам открывает Свою Сущность; Мицкевич в своем творчестве

чувствовал «силу, не от людей идущую». Бетховен свидетельствовал, что в моменты музыкальных озарений «Сам Бог говорил над его ухом». А.К. Толстой посвятил Божественной природе творческого вдохновения стихотворение: «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...»

Ценность подлинно художественного произведения заключается прежде всего в том, что его

Благовещение.
Икона. XIV в.

автор создает некий новый, свой собственный мир. Краски и формы, звуки и слова становятся языком духа.

Не случайно творчество для христианства имеет значение космическое: в нем человек как бы продолжает Божественное дело созидания. Это уже не «Земля» или «Вода» с их темной стихийной жизнью, а сознательное существо, творящее свой «второй космос» и тем самым соучаствующее в творчестве Бога.

Именно поэтому созидательный процесс открыт беспредельному совершенствованию. Именно поэтому каждый мастер, закончив свой труд, испытывает *неудовлетворенность*, которая побуждает его к новым творческим поискам.

Все наше земное творчество есть радость, переплетенная с глубокой тоской по совершенству и идеалу. Мы ощущаем в себе огромные возможности, осуществить которые полностью нам не дано. Горизонт и устремления безграничны, а человеческая жизнь коротка, как мгновение. Это касается не только творчества, но и свободы, и разума.

Откуда же такое несоответствие? Является ли оно неустранимой трагедией духа? Если бы наше тяготение к истине, добру и творчеству имело лишь призрачную основу, оно не владело бы человеком с такой силой. Поскольку эти порывы вложены в нас, они должны иметь возможность для реализации. Только в перспективе бесконечного развития человеческой личности, далеко за пределами нынешних условий ее бытия, обретает она подлинный простор. Только тогда разум, совесть, свобода, творчество приводят человека к вершинам подлинного богоуподобления. Иными словами, вопрос о возможностях человека есть вопрос о его *бессмертии*.

¹ Ноосфера (греч. «сфера разума») — человечество как разумный компонент биосферы («сферы жизни»); это понятие ввел священник и философ Пьер Тейяр де Шарден в 1927 г.

² Детерминизм (от лат. «определенность») — философская концепция об объективной закономерной взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений.

Человек: смерть и бессмертие

Во все времена людям было свойственно сознание неразрушимости духа. Это сознание такое же древнее, как и сам человек. Ритуальные погребения у охотников каменного века говорят о начальных фазах веры в бессмертие. А в наши дни у такого «первобытного» (в смысле отношения к цивилизации) народа, как, например, бушмены, представление о бессмертии имеет вполне определенные черты. Согласно их религии, после кончины дух умершего еще некоторое время живет у его могилы и может время от времени появляться и разговаривать с родственниками мертвеца, оставаясь невидимым. Такой подход, при всей кажущейся примитивности, уже содержит основы учения о бессмертии, характерного для большинства мировых религий.

Повсеместное распространение веры в то, что смерть не есть полное уничтожение личности, — факт, заслуживающий внимания. Он свидетельствует о почти врожденном чувстве бессмертия «Я», пусть даже не всегда ясно сознаваемом. Иногда его пытаются связать с инстинктом самосохранения, и, разумеется, какая-то связь здесь действительно существует. Однако мысль о бессмертии — не просто биологический феномен. Прежде всего она — проявление духа, интуитивно ощущающего свою целостную природу.

Одним из распространенных доводов, направленных против идеи бессмертия, является то, что вера в бессмертие, в потустороннее ослабляет волю человека, отвлекает его от земных задач. В значительной степени этот довод порожден извращениями той идеи, которую он оспаривает. Ведь не случайно и Ветхий Завет, и Евангелие столь скупко говорят о посмертии: человек должен в этом мире осуществлять свое призвание, а не пассивно ожидать загробной жизни. Горизонт бессмертия только делает перспективу более широкой и труд — более осмысленным. Однако неверно понятое учение о вечной жизни может подорвать творческую активность людей на Земле.

Обычно материалисты связывают веру в бессмертие с уровнем науки прошлых эпох. У людей, живших тысячи лет тому назад, считают они,

вера в бессмертие возникла в результате непонимания законов природы и общества. Люди не знали биологических причин смерти, не могли научно истолковать человеческое сознание. Однако неясно, почему в этом случае развитие знаний не привело к опровержению идеи бессмертия. Ведь трудно предположить, что такие ее защитники, как Джозеф Томсон, открывший электрон, или Эрвин Шредингер, создатель волновой механики, знали законы природы хуже, меньше, чем пещерный человек или древний египтянин.

Многие крупнейшие представители человеческой мысли разделяли и философски обосновывали учение о бессмертии.

Гибель тела открывает сознанию путь к переходу в другую форму существования. Материалисты обычно говорят, что со смертью сознание «угасает», но это не более чем плохая метафора. Ведь и в чисто физическом плане бытия «угасание» отнюдь не означает аннигиляции¹, а лишь переход одной формы материи или энергии в другую.

Поскольку дух, как мы видим, способен оказывать огромное воздействие на жизнь тела, то вполне возможно представить его как силу, использующую центральную нервную систему в качестве своего инструмента. Мозг в данном случае окажется чем-то отдаленно напоминающим трансформатор или конденсатор.

Когда приемник или электрическая установка выходят из строя, это вовсе не означает, что радиоволны или электроэнергия «испарились», «исчезли». Нечто подобное происходит, по-видимому, в соотношении мозга и духа. Разумеется, смерть и разложение мозга нарушают его контакт с духом. Но значит ли это, что дух больше не существует? Может ли доказать это «молчание могил»?

Единый организм биосферы растет, одолевая смерть, но одна за другой отмирают и сменяются его клетки. Иное бессмертие — в ноосфере. Для нее части столь же важны, как и целое. Она выступает не как безликая масса, а как единство мыслящих индивидов.

Смерть постигает животное и делает его своей жертвой, и в человеке гибнет только животное начало. Дух же его, говоря словами Тейяра де Шардена, «ускользает и высвобождается». То, что дух оказывается в состоянии пережить распад тела,

есть закономерность и важнейший шаг космоса на пути к сверхприродным мирам.

Но если бессмертие — настолько важное для эволюции свойство духа, если оно так желанно для человека, то почему наши представления о судьбе личности после смерти столь неясны и бедны содержанием? На это существует два ответа. По мнению одних, человечеству еще суждено когда-нибудь глубже проникнуть в эти тайны; они лишь мало исследованы, но в принципе —

Богоматерь Владимирская.
Икона. Фрагмент. Начало XIII в.

рационально познаваемы. Согласно другой, более вероятной точке зрения, здесь проходит рубеж, который мы не можем преодолеть, находясь по эту сторону бытия. Как невозможно эмбриону понять всю сложность и многогранность человеческой жизни, так и в нашем ограниченном бытии трудно представить иные миры иначе, как в виде символов. И все же развитие личности *еще здесь*, в земной жизни, приближает ее к созерцанию сверхчувственного мира. Поразительные взлеты человеческой мысли уже являются предчувствием и переживанием бессмертия. Это как бы луч света, который освещает и путь отдельной души, и историю всего человечества. Вопреки тем, кто считает смерть человека концом его жизни, дух в самом своем бытии открывает перспективу вечности. Маленький отрезок, который предстоит человеку пройти по земле, раздвигается в безмерность, когда он ощущает свое бессмертие и единение со Вселенной и Богом. Он трудится, зная, что все прекрасное и подлинное, возникшее в этом мире, достигает в грядущем высочайшего расцвета.

Посмертие невозможно представить себе пустым бездействием, томительной и однообразной «прогулкой в райских садах» — оно явится процессом непрерывного становления и восхождения к вечному совершенству.

«Уверенность в том, что мы продолжаем жить вечно, — говорил Гёте, — вытекает у меня из самого понятия деятельности. И если я, не зная устали, буду деятелен до самого конца, то природа, когда теперешняя моя форма уже не сможет выдержать тяжести моего духа, обязана будет указать мне новую форму существования. Пусть же Вечно Живой не откажет нам в новых видах деятельности, аналогичной тем, в которых мы уже испытали себя. А если Он по-отцовски дарует нам воспоминание обо всем справедливом и хорошем, к чему мы стремились и что уже создали, тогда и мы, конечно, очень быстро ухватимся за зубцы мировой шестерни».

Эти слова великого поэта и мыслителя напоминают нам о том, что посмертие тесно связано со всей земной жизнью, подобно тому, как наследственность и условия существования в теле

матери влияют на рождение и жизнь человека. Земное существование дано нам не случайно и не бесцельно. Формируя свой дух на путях жизни, мы готовим его к вечности. И эта подготовка должна выражаться в нашей деятельности на земле. Еще философы Индии и Греции поняли, что кроме физических законов существуют и законы *духовно-нравственные* и что они действуют с определенной последовательностью. Каждый несет в посмертие то, что он уготовил сам себе здесь. Семя с червоточиной никогда не даст здорового растения. Зло и духовная убогость на земле эхом отзовутся в нашем запредельном бытии. Поэтому призвание каждого человека — уже здесь стремиться к «спасению своей души», т.е. к приобщению к Божественной Жизни. В этом мы должны видеть не эгоизм, а естественную, заложенную в человеке потребность. Эгоизм же, напротив, есть препятствие к этому приобщению.

Но Библия открывает нам и нечто большее. Символ Древа Жизни, который появляется на первых ее страницах, означает потенциальное бессмертие *всего* человеческого существа, а вместе с ним и всей природы. Человек, согласно Писанию, есть духовно-телесное единство. Поэтому его роль в мироздании не может ограничиться сохранением и совершенствованием одного духа среди общего разложения материи. Незримая энергия, которой он наделен, в земной жизни еще не реализует всех своих возможностей.

Через свое тело человек слит с природным космосом. Эволюция биосферы — это побег от смерти, история же человека — это путь к *воскресению* и одухотворению материи. Следовательно, неразрушимость духа есть лишь этап, а не вершина прогресса. Эту мысль с парадоксальной резкостью выразил Н. Бердяев: «Вера в естественное бессмертие сама по себе бесплодна и безотрадна, для этой веры не может быть никакой задачи жизни, и самое лучшее поскорее умереть, смертью отделить душу от тела, уйти от мира. Теория естественного бессмертия ведет к апологии самоубийства. Но великая задача жизни предстает в том случае, если бессмертие может быть лишь результатом мирового спасения, если моя

индивидуальная судьба зависит от судьбы мира и человечества, если для спасения моего должно быть уготовано воскресение плоти».

Хотя в этих словах, очевидно, есть спорные моменты, они справедливо указывают на более высокое призвание человека, чем просто выход за пределы материального мира. Преодолеть силой духа косность материи, преобразить ее, возвести через себя на более высокую ступень развития — в этом космическая задача ноосферы, а венец ее устремлений — победа над телесной смертью в природе. Человечество должно было найти путь к бессмертию, стать в мироздании «первенцем из мертвых».

Но этого не произошло. Избегает распада лишь дух; смерть же по-прежнему сохраняет свою власть над ноосферой, разрушая тело человека как любую другую структуру.

Что же затормозило движение и роковым образом повлияло на духовную жизнь и историю мира? Христианство называет эту катастрофу первородным грехом, или поврежденностью человеческой природы.

¹ Аннигиляция (букв. «превращение в ничто») — уничтожение.

Перед лицом Сущего

Возвышая человека как «владыку твари» (см. Быт 1:26–28), Библия тем не менее далека от его идеализации. Она одинаково отрицает как приравнивание его к животному, так и лжегуманистическое его обожествление. Очевидную двойственность природы человека, выраженную в поэтической формуле: «Я — царь, я — раб, я — червь, я — Бог», Библия связывает с особым рода духовной болезнью, постигшей человечество на заре его существования. Именно она ослабила и частично парализовала силы, изначально заложенные в ноосферу, отдалила людей от Бога, поставила их в отношения вражды с природой и самими собой. Гармоничный ход развития человека был нарушен, чем и объясняется многое в его истории в современном состоянии.

Мировые войны, уносящие десятки миллионов жизней, массовые убийства мирного населе-

ния, тоталитарные режимы, вырастающие из новых всплесков стадных инстинктов, небывалое озверение и ненависть сословная и национальная. Вспоминаются слова Тютчева: «Не плоть, а дух растлился в наши дни». Нигилисты прошлого века глумились над Апокалипсисом, называя его «произведением сумасшедшего». Могли ли они предполагать, что эпоху, которую они так ждали, придется описывать терминами этой провидческой книги?

В своей жизни человек, сознает он это или нет, всегда стоит перед выбором. «Согласились бы мы, — пишет С. Франк, — чтобы Бог с самого начала создал нас такими, чтобы мы автоматически, сами собой, без размышления и собственного свободного решения, как эта река, исполняли его веления? И был ли бы тогда осуществлен смысл нашей жизни? Но если бы мы автоматически творили добро и по природе были бы разумны, если бы все вокруг нас само собой и с полной принудительной очевидностью свидетельствовало о Боге, о разуме и добре, то все сразу стало бы абсолютно бессмысленным, ибо “смысл” есть разумное осуществление жизни, а не ход заведенных часов. Смысл есть подлинное обнаружение и удовлетворение тайных глубин нашего “Я”, а наше “Я” немислимо без свободы, ибо свобода, спонтанность, требует возможности нашей собственной инициативы, а последняя предполагает, что не все идет гладко, “само собой”, что есть нужда в творчестве, в духовной мощи, в преодолении преград. Царство Божие, которое получалось бы “даром” и было бы раз навсегда предопределено, совсем не было бы для нас Царством Божиим, ибо мы должны быть свободными соучастниками Божественной славы, сынами Божиими, а тогда мы были бы не то что рабами, а мертвым винтиком какого-то необходимого механизма».

Пользуясь данной ему свободой, человек не только изменил своему призванию, но оказал ему сознательное сопротивление. Библия изображает это в виде посягательства на плоды «древа познания добра и зла» (Быт 2:17), а мотивом нарушения запрета называет желание людей «быть, как боги» (Быт 3:5). Это символическое изобра-

жение вечно живой человеческой истории и, возможно, в высшей степени — нашей современной истории. Отпадение, противопоставление своей воли воле Творца не сделало людей богами, а, напротив, подорвало их первозданные силы, отделив их от Древа Жизни. Закон распада и смерти настиг и покорил человека.

Страсти, «воля к власти» терзают дух человека, который стремится к ложному самоутверждению — как бы вновь разыгрывается драма первочеловека. И не отражается ли предмирное грехопадение в нашей горделивой мечте создать мир по своему плану и замыслу? Не есть ли «карамазовский бунт» — уверенность, что мы сотворили бы Вселенную лучше, чем Бог, — лишь слабое эхо предмирного Бунта? Не звучит ли в наших умах, как и в первые дни, змеиный шепот: «Будете, как боги»? Древо познается по плоду, отец лжи — по своему воздействию на людей...

Вся история человечества стала возвратом к утраченной чистоте, но при активном участии собственных сил. Прежде шла борьба хаоса и порядка, жизни и смерти, теперь — борьба между добром и злом. Учение о грехопадении утверждает, что грех праотцев — это прототип греха для всех веков.

Тем не менее как в космогенезе силы Хаоса не в состоянии были прервать процесс становления, так и человек не целиком покорился демонизму и злу. Извращение путей не привело к его окончательной гибели. В нем сохранился здоровый корень, жажда совершенства и познания,

стремление к добру, тоска по Богу. В этой полной утрате первоначальных даров и заключен залог дальнейшего поступательного движения Адамова рода.

Да, поистине жизнь наша — «юдоль плача мир «лежит во зле» (1 Ин 5:19), но даже в этом несовершенном и скорбном мире осуществляет Свою созидательную цель Божественный Логос. Само страдание, сама дисгармония вызывают в человеке протест, побуждают искать пути их преодоления. В борьбе и преодолении куется человеческий дух.

Христианство не считает страдание добром. Христос утешал страждущих и исцелял больных. Но на таинственных путях Промысла даже зло может обернуться добром. Недаром многие мыслители говорят, что только в «пограничных ситуациях», перед лицом смерти, отчаяния и страха выявляется подлинная человеческая сущность. Величайшие победы духа рождены были в горниле страданий. На этом пути Бог не оставляет человека одиноким, укрепляет его, озаряя его тьму и борьбу светом Откровения. И наконец, творящий Логос Сам входит в мировой процесс, соединяясь с Адамом через Воплощение. Он страдает и умирает вместе с ним, чтобы привести его к пасхальной победе.

«Мужайтесь — Я победил мир», — говорит Христос (Ин 16:33). «Победа, победившая мир, — вера наша!» — восклицает Церковь устами апостола Иоанна, прозревшего Царство Божие (1 Ин 5:4).

ю Богу. В этой не-
га даров и заключев!
гельного движения

— «юдоль плача» и!
'••19), но даже и в
ом мире осуществ-1
иль Божественный
дагармония вызы-
кдают искать пути
еодоления куется

традание добром.
" исцелял боля-
< Промысла даже
Недаром многие
в «пограничных
отчаяния и стра-
*еская сущность,
мы были в гор-
>ог не оставляет
* озаряя его труд
наконец, творя-
процесс, соеди-
е. Он страждет
привести его к

Р», — говорит
> победившая
т Церковь ус-
шего Царство

V ИСТОРИЧЕСКИЙ МИР

-3*Р°ждение религии

замечал той удивительной перемены, ко-
юисходит в природе с наступлением ночи
еремена особенно чувствуется в летнем
Днем его оглашает многоголосое щебетание
тгкий ветер раздвигает ветви берез от
безоблачную синеву, солнечные блики
льзывают сквозь зеленый сумрак листьев
ют среди

Поляны на-
павшают уголки
тского и величе-
ственного храма.
Яркие пятна ба-
бочек и цветов,
стрекотание куз-
ничков, аромат
медунцы — все
то сливается в
радостную сим-
фонию жизни,
которая захваты-
вает каждого и
невольно застав-
ляет дышать пол-
ной грудью...

Совсем ина-
че выглядит тот
же лес ночью.
Деревья приоб-
ретают зловещие
и фантастичес-

II. МАГИЗМ И ЕДИНОБОЖИЕ

Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей

кие очертания, голоса ночных птиц похожи на
жалобные стоны, каждый шорох пугает и застав-
ляет настораживаться, все проникнуто тайной уг-
розой и враждебностью, а мертвенный свет луны
придает порой этой картине оттенок, близкий к
видению бреда или кошмара. Природа, такая гар-
моничная и дружелюбная при свете солнца, вне-

запно как бы
поднимается
против человека,
готовая мстить,
уподобляясь
древнему чудови-
щу, с которого
сняты чары зак-
лятия.

Этот контраст
мог бы стать
символом той пе-
ремены, которая
произошла в ми-
роощущении на-
ших далеких
предков, на заре
человечества.
Врата мировой
тайны закрылись
перед ними, их по-
кинуло ясновиде-
ние и духовная
власть над цар-

Жертвоприношение Авраама.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Сцена жертвоприношения.

Римский рельеф. I в.

ством природы. Они очутились одни в огромном враждебном мировом лесу, обреченные на тяжелую борьбу и испытания.

Величие и красота истории человеческих поисков утраченного Бога заключаются в том, что человек постоянно испытывал неудовлетворенность, никогда (пусть и бессознательно) не забывал той «райской страны», которую покинул. Впервые осознав себя в мире, он «видел Бога лицом к лицу» (Быт 32:30). Теперь эта непосредственность общения нарушилась. Духовная катастрофа воздвигла стену между людьми и Небом. Но человек не утратил своего богоподобия, не утратил способности хотя бы в слабой степени познавать Бога. На ранних этапах в первобытном богопознании еще ясно жило ощущение Божественного Единства. У многих примитивных племен, сохранивших быт своих далеких предков, сохранились и следы единобожия.

Но это не было уже первоначальное лицемерие Единого. Религия — восстановление связи между человеком и Богом — начинается в истории человечества после Грехопадения. Библия не случайно в истоке всякого проявления религиозного чувства, т. е. культа, ставит *жертвоприношение*. В нем отразилось пусть смутное, но сильное стремление человека загладить свой грех и восстановить единство с Богом. Жертвуя Незримому часть своей пищи, которая добывалась с таким трудом, люди как бы заявляли о своей готовности следовать велениям Высшей Воли.

Но обрести прежнюю гармонию было труднее, чем потерять ее. Постепенно в сознании первобытного человека Бог становится далеким и без-

личным. В повседневной жизни люди все больше и больше внимания уделяют природному м

В мире демонов и духов

В мышлении первобытного человека живет чувство *родства* всех живых существ.

Идея братства человека и животного на свое выражение в широко распространенных фах, согласно которым предки людей имели сходные человеко-звериные черты. Индейцы считают, что эти существа могли легко менять облик. В анализе подобных легенд прочно установилось понятие «животные-люди».

Эта вера оказала огромное влияние на общественный уклад древних. Она объясняет возникновение такого своеобразного явления, как *тотемизм*. Тотем — это, как правило, животное, которое считается предком и покровителем данного племени.

Источник тотемизма — вера в духовное единство с природой. Он имел широкое распространение в различных частях света. Следы его обнаруживаются не только у примитивных племен Азии, Африки и Америки, но и у цивилизованных народов; например, запрет на убийство короля Индии — отголосок седой старины, когда животные были священными тотемами¹.

Первобытный человек повсюду видел сокрушающую одушевленность: и в стволах деревьев, и в лесных животных, и в беге облаков. Для него взаимодействие вещей в мире — это не тол

Сцена жертвоприношения.

Роспись саркофага. Крит.

Конец XV в. до Р.Х.

ни люди все болы
г природному мир)

ловека живет чув-
)еств.

животного нагшЯ
устраненных ми-
людей имели смев
)ты. Индейцы ве4
легко менять свЛ
генд прочно устаМ
лоди».

влияние на обще-1
'бьясняет возник-!
геления, как тоА
авило, животное,
жривителем данИ

в духовное единЯ
окое распростра-1
и Следы его об-]
гативныхплемеЛ
цивилизованный
бийство коров в|
эины, когда *эти*
гемами'.

ду видел сокры-Я
IX деревьев, и в|
^аков. Для него!
-это не толькЛ

ения.

Царь Саргон II,
несущий жертвенного козленка.
VIII в. до Р.Х.

взаимодействие видимого, но в то же время — и
всего — взаимодействие невидимого. В
ручье, в пламени костра обитали духи,
злые или добрые, а иногда и нейтральные.
Здесь — корни того странного на первый
взгляд верования, которое в науке получило на-
звание *фетишизма*. Фетиши, т. е. священные
предметы, сопровождают всю жизнь первобытно-
го человека. Это может быть и камень, и зуб живот-
ного, и даже череп родственника. В них обитают
духи, и человек, обладающий фетишем, заручается
их поддержкой. Однако, как и тотемизм, вера в
фетиши не какая-то особая религия, как думали
некоторые исследователи.

То, что неодушевленному предмету придается
сакральное² значение, вытекает из общей веры в

одушевленность мира. Очень часто фетишизм
связан с верой в тотемы. Иногда какой-нибудь
фетиш приобретает значение талисмана. Он
противопоставляет силе силу, вредоносному влия-
нию — свое, защитное. Вера в значение таких
амулетов проходит через все века человеческой
истории.

Постепенно фетиши приобретают человеко-
подобный облик. В них просматриваются челове-
ческие черты предка или духа. Такие фигурки
особенно часто встречаются у африканских наро-
дов. Это прототипы будущих идолов. Но попыт-
ки установить контакт с духовным миром не
ограничивались талисманами, фетишами или то-
темными изображениями. Существовал и мис-
тический способ общения с духами, который и

Человек-рыба.
Рельеф из Тель Халафа.
Около 900 г. до Р.Х.

составляет главный, непреходящий интерес в первобытной религии.

С течением веков духовная интуиция у первобытных людей ослабевала. И поэтому из их среды стали выделяться люди, обладающие особой мистической и оккультной³ одаренностью.

На них была возложена миссия посредников между человеческим родом и окружающим его миром демонов и духов.

¹ Тотем (от индейского слова «оджибве», обозначающего «его род») — в некоторых языческих системах представление об общем предке племени или рода: животном, растении, реке — явлении природы или неодушевленном предмете.

² Сакральный (от лат. *sacrum* — священное) — относящийся к сфере возвышенного, божественного в противоположность обыденному, «светскому», «мирскому».

³ Оккультный — относящийся к оккультизму, «тайному учению», якобы дающему «посвященным» возможность управлять духами, демонами и космическими силами.

Доисторические мистики

Всякая религия складывается из трех основных элементов: мировоззрения, жизненных нормативов и мистического чувства, которое находит вне ее выражение в культе.

Разумеется, слово «культ» мы здесь должны понимать очень широко. Даже в тех религиях, где внешние их выражения сведены к минимуму, все же какой-то «культ» существует. Человеку свойственно связывать свои внутренние переживания с какими-то действиями, во что-то их «облекать». Отсюда и слово «обряд» (от «облечь», «обрядить»). В общении между собой люди никогда не могут избежать хотя бы самой простой формы обряда. Но обряд помогает не только человеческим контактам, но и нашей устремленности к Высшему.

Стремясь обрести утерянную полноту непосредственного созерцания Бога, люди пытались вернуться к прежнему состоянию при помощи

Сфинкс из Аттики.
Начало VI в. до Р.Х.

ритмичной музыки, массовых радений. Это была попытка как бы приступом овладеть крепостью духа.

Люди кружились в такт ударам первобытных барабанов; все обыденное переставало существовать, казалось, что душа летит далеко и освобождается от гнетущих пут. По существу, это была попытка механическим путем обрести духовную свободу и могущество. Но в этой попытке трогательна та сила неутомимой жажды высшего, которая не давала человеку погрязнуть в полу-экстатическом состоянии. Пожалуй, пандемия¹ ритуальных танцев в наши дни — это тоже нечто уродливое, но отражение духовной неудовлетворенности и стремления вырваться за пределы обыденности.

У большинства же «диких» народов мы застаем следующую стадию развития — шаманизм. Здесь на первое место выступают избранники, те, кто пытается проложить путь к сверхчеловеческим силам.

Экстатические состояния транса делают человека медиумом² и ясновидцем, соплеменники прибегают к нему для разрешения различных житейских вопросов. Он безошибочно указывает, где найти в тайге пропавшего оленя, куда нужно отправиться, чтобы иметь успех в охоте.

Шаманизм — не простое суеверие, а одна из древних попыток человека прорваться к потустороннему Эдему. Но чаще всего эти попытки приводили его на скользкий путь оккультизма, стремясь овладеть миром наших духов, он сам оказывался в их власти.

¹ Пандемия — эпидемия, охватывающая весь земной шар либо значительную его часть.

² Медиум (от лат. *medium* — «середина, промежуток, посредник»): 1) в логике — третий член противоречия, отношение, соединяющее два других его члена; это понятие закреплено и в других науках, например в лингвистике, науке о звуковых системах; 2) в языческих мистических представлениях (включая спиритизм) — человек как предмет, посредством которого при магическом ритуале достигается общение с потусторонним миром.

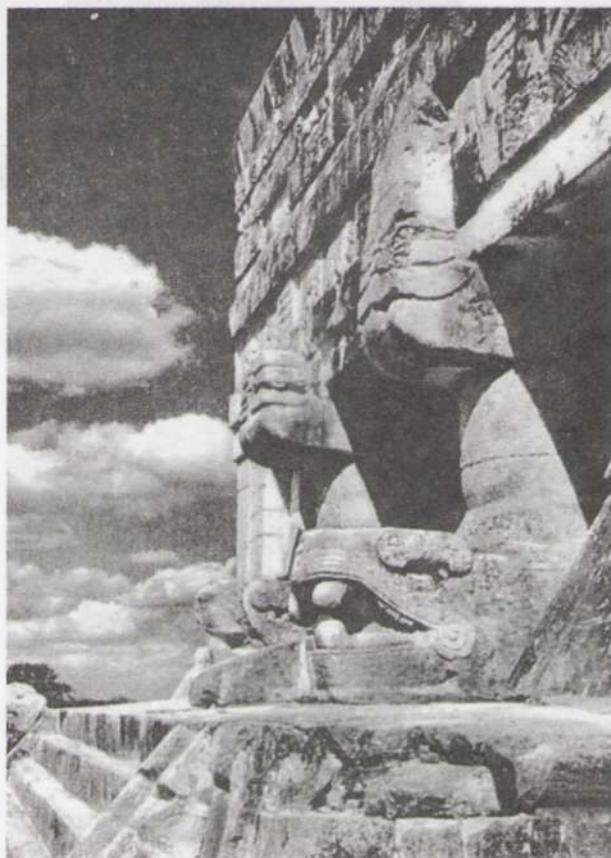
Магическое мирозерцание

Для первобытного человека не существовало резкой границы между сверхъестественным и естественным. Мир был един, и силы видимые переплетались в нем неразрывно с невидимыми. Пожалуй, дикари были кое в чем мудрее нас. Многие из нас до сих пор считают, что, если утром взойшло солнце, — это естественно, но если оказывается возможным установить контакт с сознанием умершего человека, — это уже нечто сверхъестественное. Между тем в полном смысле слова сверхъестественным в мире ничего назвать нельзя. Одному плану бытия свойственны одни законы, другому — другие. Физики показали нам, что микромир сильно отличается от мак-

Храм ягуаров.

Центральная Америка. Чичен-Ица.

X–XVI вв.

из трех основны
шенных нормати]
рое находит внеш]

иы здесь должня
тех религиях, гд^
: к минимуму, вся
г. Человеку свой!
ние переживания
го их «облекать-1
<облечь», «обря-1
)й люди никогд^
я простой формш
олько человечес-1
ценности к Выс-1

> полноту непос-1
люди пыталисьш
ию При помощи

1

Бог Солнца.
Центральная Америка. Тикаль.
II—IX вв.

ромира и мегамира¹. Легко предположить, что и другие измерения Вселенной, трансфизические² и духовные, будут иметь свои особые черты. Когда столкновение этих планов становится явным, происходит то, что называют чудом.

Но нас интересует в древней магии не столько соотношение планов бытия и законов мира, сколько субъективные, внутренние мотивы, которые руководили доисторическим магом.

В магии скрыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе

человечества: поставить себя в центре мироздания и заставить служить себе его силы.

Именно поэтому магизм явно *посюсторонен*. Высшим благом для него являются блага земные. Предел желания мага — процветание здесь, на земле. Если в магическое мирозерцание и входит вера в бессмертие, то она носит исключительно грубо-чувственный характер.

Маг очень часто противостоит священнику. Это понятно. Внутренняя направленность магизма и религии — противоположна. Жрец — прежде всего посредник между людьми и духовным миром. Он обращается к Божеству с молитвой.

Для мага же радости мистического богообращения — пустой звук. Он ищет только достижения могущества в повседневной жизни — на охоте, в земледелии, в борьбе с врагами. Этот антагонизм оставался даже тогда, когда магия стала переплетаться с религией.

Магизм ждет от Неба только даров. Природу (включая незримые силы) он хочет поработить, в человеческом обществе он воцаряет насилие. Племя и власть становятся над духом. Человек сливается с родом, подпадая под гипноз «коллективных представлений».

Народы, не дерзнувшие в течение тысяч лет изменить хотя бы на йоту установленные каноны, — жертвы «коллективных представлений» магизма, которые парализовали творческую активность и религиозный гений человека, ибо только в сознании личной ответственности и духовной свободы находит он свое высшее призвание как образ и подобие Творца Вселенной.

¹ Микромир — мир атомов и элементарных частиц; макромир — «видимый» нами физический мир; мегамир — мир космических объектов, звезд, галактик.

² Трансфизические измерения Вселенной — выходящие за пределы, изучаемые комплексом наук, базирующихся на физике.

Бог огня. Сосуд.
Центральная Америка. Чипаль.
X—XVI вв.

С внешней стороны этому перелому, вероятно, содействовали массовые переселения племен. Переселенцы, которые были чаще всего и завоевателями, покидая обжитые земли, оказывались в новых природных условиях, сталкиваясь с неизвестными народами и верованиями. А это всегда вносит свежую струю в сознание людей. То, что испокон веков они считали незыблемым и прочным, оказывалось в новой обстановке призрачным и преходящим.

Именно в результате племенных миграций, скорее всего, и родились первые великие цивилизации. Во мгле доисторической ночи вспыхивают три светоча: культурные центры, возникшие на берегах Нила, Евфрата и Инда.

Мы можем составить себе довольно ясное представление о жизни в Египте, Двуречье, Индии, местах древнейших оседлых цивилизаций, лишь с III тысячелетия до Р.Х.

Воин-орел. Сосуд.
Центральная Америка. Чипаль.
X—XVI вв.

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

От жавов к обожествленным царям
Египет в IV—III тысячелетиях до Р.Х.

Магические представления обладают колоссальной силой. И если учесть ту власть, какую имел маг над душами людей, то поразительная устойчивость первобытного мира становится не такой уж загадочной.

Вероятно, в этот долгий период человек чувствовал себя ближе к природному миру, чем в последующие века. Но, имитируя в своих обрядах жизнь природы и тем самым как бы участвуя в ее процессах, он предстал природному миру не как человек, а, скорее, как часть этого мира.

Но вот около шести тысяч лет назад совершается почти внезапный перелом. Дремлющие силы природы сделали первую попытку освободиться.

еоя в центре ми-
• жить себе егЛ

13М ЯВНО ПОСЮС-1
* для него явля-1
редел желаний
сь, на земле. \\
зерцание и вхо!
«а носит исклю-1
ый характер,
востоит священ-1
ренности направ-1
ии — противо-
е всего посред-
НЫМ МИром. Он!
молитвой,
истического бо-1
звук. Он ищет!
гства в повеем-
в земледелии,нЯ
ггагонизм оста-1
гия стала пере-

только даров,
мые силы) ош
гском обществе [
я и власть ста- |
гк сливается а
«коллективны!

! в течение ты-
а йоту устано-
ы «коллектив-
зма, которые |
тивность и ре-
жо в сознании |
й свободы на-
ж образ и пс -

нтарных частиц,
га мир; мегам^Ы
гош.

(ной—выхо-
ек, бааир)тощи?:-

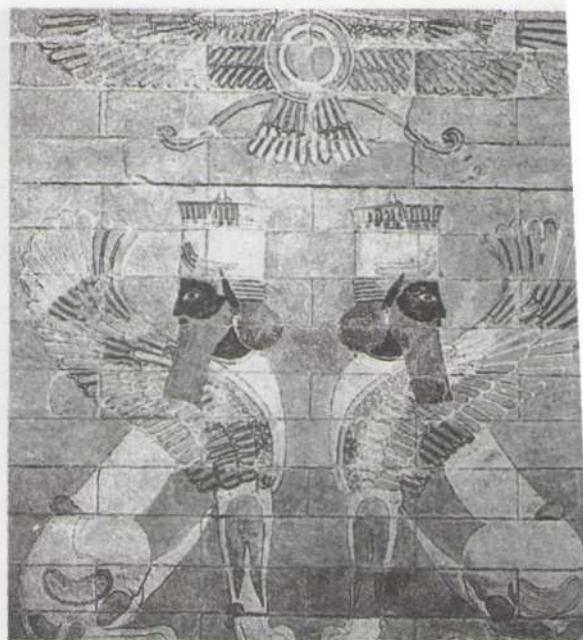
Большой Сфинкс фараона Хафра
в Гизе.

Первая половина III тысячелетия до Р.Х.

Здесь впервые родился город — скопление жилищ, как бы в страхе жмущихся друг к другу, обычно обнесенных стеной. Город — двуликое и трагическое дитя двойственной истории человечества — стоит у ее истоков. «Городская революция» есть рубеж исторического и доисторического миров.

Если в пещере, шалаше, палатке из шкур человек еще жил среди окружающей его природы, то за стенами города он впервые создал свой собственный мир. Город помог человеку познать самого себя. Он способствовал высвобождению Личности. Он — проклятие истории, и он же ее благословение. Стены оторвали человека от мира, но дали ему возможность по-новому взглянуть на этот мир. В городе человек был подавлен монотонностью созданного им самим муравейника, но в городе же раскрылось внутреннее богатство его духа. Сократ и апостол Павел, Шекспир и Достоевский — дети города.

Однако «городская революция» не привела еще к «революции духа». Во времена основания

Крылатые сфинксы.
Панно из дворца в Сузах.
VI в. до Р.Х.

городов и великих переселений в традиционных представлениях многое, вероятно, было нарушено. Но когда жизнь в городах вошла в устойчивое русло, старые тенденции снова взяли верх. Это особенно наглядно можно проследить на примере древнего Египта.

Египет — рубеж между Африкой с ее фетишами и колдунами и Средиземноморьем, очагом великих духовных движений. И население Египта также сложилось из обитателей двух континентов. Осваивая долину Нила, египтяне затратили огромные усилия на то, чтобы приспособить эти заболоченные, нездоровые места для обитания. Поразительна неисчерпаемая энергия египтян и их соседей шумеров в борьбе с природой. Они побеждали ее там, где иной раз даже человек наших дней опускает руки.

Одного не смогли победить египтяне: наследия первобытных понятий и верований.

Египтянин, окруженный миром таинственных существ, которые смотрели на него глазами кошек, сов, баранов, крокодилов, искал способы по-

через эти существа, использовать сокровенные силы в своих целях. Люди, полностью овладевшие всеми тонкостями чародейства, приобретали над народом огромную власть.

Духовные руководители Египта — жрецы — не только не смогли освободить его религию от многобожия и магии, но освятили незыблемый социальный строй как сакральное установление. Власть в Египте всегда признавалась божественной, так как считалось, что она вела свое происхождение от сверхчеловеческих существ.

Полагают, что великий сфинкс в Гизе есть символическое изображение сына Солнца — божественного царя. Если это так, то это один из наиболее выразительных символов кесарского самодержавия. Люди сами приняли эту божественную власть. Пусть династии порой свергались, но незыблемым оставалось верование в то, что человек, стоящий на вершине социальной пирамиды, обладает ключом от счастья своих подданных. Не только власть фараона была как бы частью космического устройства, но и весь социальный уклад Египта как бы получил высшую санкцию. Сакральная иерархия становится незыблемой. На протяжении трех тысяч лет сохраняется консервативный уклад в политической, социальной и религиозной жизни.

Египетская религия сохранилась навсегда как странное смешение возвышенных прозрений и самого примитивного язычества. Все попытки признать язычество в Египте потерпели поражение. А на северо-востоке, между Тигром и Евфратом (в Месопотамии), зародилась другая великая цивилизация.

Земля Сennaарская

Цивилизация Двуречья

между IV и II тысячелетиями до Р.Х.

Библия говорит о «земле Сennaарской», или, правильнее, «земле Шинеар», как о месте, где сложилась первая цивилизация. Здесь, согласно Писанию, был построен город Вавилон (см. Быт 10:10). На протяжении многих веков слово «Шинеар» давно ничего не говорило людям, читавшим Библию, точно так же, как названия сennaарских городов: Ур, Эрех, Аккад. И лишь сто лет назад вы-

яснилось, что библейская «земля Шинеар» действительно может быть названа колыбелью современной цивилизации. Из мглы тридцативекового забвения выступили народы, которые обитали на берегах Евфрата, в области, называвшейся Шумером. Одним из этих народов были шуме-

Статуя крылатого божества Ашшура.
VIII в. до Р.Х.

Южноскандинавские наскальные
культовые изображения эпохи бронзы

ры, пришедшие, как предполагают, со стороны Персидского залива, а другим — семиты-аккадцы, пастухи-кочевники, заселившие северную часть долины на несколько веков позже шумеров. К 2000 г. до Р.Х. обе эти народности окончательно слились в одно целое. И хотя централизован-

Человек-ягуар.

Роспись сосуда. Тикаль.

XV в. до Р.Х. — II в. по Р.Х.

Фрагмент

ное государство возникло в Шумере позже, чем в Египте, в том, что касается влияния на дальнейшую историю человечества, первенство шумеров в настоящее время не подлежит сомнению.

Шумеры и аккадцы через своих преемников — вавилонян передали грекам, евреям и другим народам основы своей науки, литературы и культуры, понятия о Вселенной и некоторые религиозные представления.

Современные названия дней недели и деление круга на градусы, греческие легенды и библейская символика — все это восходит к древнему Сеннаару.

Египет хорошо защищали пустыни и море. Сеннаар, напротив, был открыт для нападения степных кочевников и воинственных горцев. Поэтому «городская революция» в Месопотамии носила особенно интенсивный характер. Города пришедших сразу после своего возникновения превращались в военные крепости.

Каждый город с окружающей его маленькой областью был фактически независимым и имел собственных местных богов, которые считались его настоящими хозяевами. Боги жили в храмах или на вершине *зиккурата* — ступенчатой башни.

Как понимал житель Сеннаара положение человека во Вселенной?

На первом месте стояли боги. Человек был создан для того, чтобы своими жертвоприношениями служить им. Он — низшее существо, беспомощный раб, участь которого определена раз и навсегда. Человек ощущал себя эфемерным существом, которое ненадолго приходит в мир и потом навсегда исчезает в мрачной Преисподней. Возникало глубокое противоречие между духовным обликом народа, одаренного, трудолюбивого, творческого, и его понятием о назначении человека.

Ни шумеро-аккадцы, ни вавилоняне не смогли разрешить это трагическое противоречие. Великая древняя культура, несмотря на все свои технические достижения, в итоге пришла к глубокому неизлечимому пессимизму.

На этом сумрачном фоне ярко выделяются первые просветы в мир Божественного Откро-

Идол.
Навершие штандарта

вения, пробуждающаяся жажда Бога, живой молитвы, не похожей на магию заклятий. Как бы ни именовался бог, к которому простирал руки человек: Энлиль, Шамаш или Син, — это был бог истинный.

«Милосердный, милостивый Отец, в руках которого жизнь всей земли, — начертано на одной табличке из Ура, — Владыка, Божество Твое, как далекое небо, как широкое море... Твое слово вызывает к жизни правду и справедливость, а люди начинают говорить истину».

Через эту личную религиозность человек находил выход из царства демонов и законов, колдунов и царей, разрушения и смерти, бессмыслицы и отчаяния. Но в целом Месопотамия, подобно Египту, оказалась не в состоянии преодолеть бремя старого язычества. Проблески единобожия так и остались здесь только проблесками.

ВОСТОК И ЗАПАД ВО ВТОРОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Р.Х.

Пастушеские народы. Арьи в Индии Около 2000–1700 гг. до Р.Х.

На заре второго тысячелетия до Р.Х. весь цивилизованный мир пришел в смятение. Орды пастушеских народов появились на границах государств старой культуры.

Из аравийских пустынь хлынули кочевники-амориты, наводнившие Двуречье; в Малой Азии появляются хетты; ахейцы вторгаются с севера на Балканский полуостров; у порога Индии появляются скотоводческие племена арьев.

Эта эпидемия нашествий не могла пройти бесследно для человечества. Она глубоко потрясла старые цивилизации и старый строй мышления. Дотоле замкнутые в узком мирке привычных представлений, часто существовавшие в изоляции, народы внезапно оказались друг перед другом.

Около 2000 г. до Р.Х., во время всеобщего переселения народов, арьи спустились с Иранского плоскогорья и двинулись на юг в поисках новых земель для своих стад. Они знали, что за хребтами и ослепительными пиками Гималаев находится чудесная страна, похожая на волшебный сад. Но туда вел трудный путь через ущелья

и горные перевалы. Продвигаясь к заветной цели со своими стадами, повозками и лошадьми, арьи оказались в сердце высочайших в мире Гималайских гор, в царстве вечных снегов, обвалов и туч.

Арьи укрепились в Кашмире, потом продвинулись на юг, в Пенджаб, и, наконец, после многолетней и жестокой борьбы стали полновластными хозяевами Северной Индии, поработив коренных жителей, частично же истребив их или оттеснив на юг.

К счастью, несмотря на то, что археология не располагает какими-либо свидетельствами о жизни арьев, следы их культуры не потеряны. О них

Статуя шумерийского бога Аб-У.
Середина III тысячелетия до Р.Х.

Бог Солнца.
Иероглифическая лестница.
II—IX вв. Фрагмент

рассказывает древний сборник гимнов, называемый *Риг-Веда*.

Арьи были народом музыкальным, любил пение. В каждом роду или племени певцы и сказители пользовались большой любовью. Эти народные поэты — *риши* — слагали религиозные гимны, сказания, поучения. Риши были не просто поэтами. Они сознавали себя пророками и ясновидцами, сердцам которых открывается высшее знание («веда»¹ — ведение, знание).

Гимны Риг-Веды разнородны, а порой даже противоречивы. Неожиданные духовные взлеты, пламенные порывы к Богу и правде чередуются с примитивным чародейством, грубой чувственностью и ярко выраженным многобожием. В Риг-Веде упоминается более трех тысяч богов, и многим из них приписываются свойства Верховного Начала. Каждый из богов поочередно как бы становится Богом.

Это странное смешение двух религиозных подходов объясняется тем, что ведические гимны были записаны в эпоху разложения и упадка единогобожия. Их можно сравнить с прекрасным храмом, превращенным рукой осквернителя в жилой

Голова идола с острова Аморгос.
Киклады. 2500–2000 до Р.Х.

примечание колонны. Все это лишь части храма, главного его уже нет. Точно так же в Риг-Веде мы обнаруживаем остатки первоначальной веры в Единого Бога.

Но хотя Бог все больше и больше ускользает от сознания приверженца ведической религии, это не означает угасания в нем живого религиозного чувства.

С трогательным доверием обращается риши к Богу и сокрушенно кается в пристрастии к вину, азартным играм, в склонности к насилию и распри.

Как много, казалось бы, обещают эти порывы! Божественное предчувствие охватывает нас. Не здесь ли мы можем начать странствие по той дороге, которая поведет нас через тернии к звездам? Но путь предстоит рано. Вот впереди маячат странственные тени. Дорогу преграждают, кивая головами и

гримасничая, причудливые фигуры духов. Как зачарованный смотрит на них человек... В глазах у него темнеет. Он не находит в себе энергии, чтобы решительно оттолкнуть эти влекущие, завораживающие лики: они окружают его... Он в сетях... Он сбился с пути.

¹ Значение слова «веда» понятно русскому читателю, поскольку так называемые индоарийские языки родственны славянским (они вместе входят в индоевропейскую семью языков).

Люди, стихии и боги Индия, 1700–1500 гг. до Р.Х.

Первоначально арии успешно продвигались на юг, сметая на своем пути туземные племена «дасью», но уничтожить их арии не могли хотя бы из-за численного превосходства туземцев. Постепенно оседая в завоеванной стране, они смешивались с дравидами и другими индийскими племенами, перенимая их обычаи, воззрения, традиции.

Если судить по некоторым намекам в Риг-Веде, времена, когда арии удовлетворялись простыми алтарями под открытым небом, ушли в прошлое. На завоеванной земле выросли первые колоннады индо-арийских храмов, и народ склонился перед первыми изваяниями божеств.

Зиккурат в Уре.

Конец III тысячелетия до Р.Х.

Религиозные воззрения базируются на знании причинно-магической связи между вещами; полностью и строго соблюдая сложную церемониальную систему, можно управлять стихиями и богами, как своими слугами. Огненная жертва может вызвать молнию и гром, возлияние молока — дождь.

Эта иллюзорная власть над миром неизбежно приводит к полному порабощению человека. Магические представления сковывают его сознание и постепенно гасят в нем подлинно религиозную мысль. К счастью, индо-арийская культура не задохнулась под гнетом магизма, а стала незамет-

Молитва под пальмой.

Роспись гробницы Амоннахта в Фивах.

XIV—XIII вв. до Р.Х.

Статуэтки жреца Аменхотепа
и его жены Раннаи.

Вторая половина XV в. до Р.Х.

но прокладывать себе дорогу. В ведический период эта дорога разделилась на два направления. С одной стороны, неудовлетворенное религиозное чувство обратилось к космической мистике бытия, огня, жизни. С другой стороны, выход из тупика люди начали искать через философское мышление.

«Какому богу вознесу я мольбу?» — спрашивает риши. Откуда и для чего появился мир? Никто этого не знает. Быть может, человек лишь игрушка неведомых сил, и ему суждено вовеки тщетно разгадывать мировую загадку, сидя у беспредельного океана Истины...

Великая всемирно-историческая заслуга древнеиндийских мыслителей в том, что они преодолели этот кризис и дерзнули, не останавливаясь на полдороге, вступить в храм Вечного и Безусловного, в храм Абсолюта.

Но не на этом пути суждено было обрести человечеству утраченное единение Земли и Неба. Не от языческого космоизма, не от мистиков, поднимавшихся до вершины Сверхбытия, шло спасение. Не здесь, в Индии, а там, на Западе, на стыке трех материков незаметно подготавливалось величайшее откровение в истории человечества.

Начало Ветхого Завета. Авраам

Земля — Ханаан,
ок. 1850—1800 гг. до Р.Х.

Голос Духа порой бывает самым тихим голосом, и самые незаметные события нередко оказываются его величайшими деяниями.

В то самое время когда орды арьев с боями продвигались по индийской земле, а на Евфрате ассирийцы положили начало Вавилону, толпа пастухов в пестрых одеждах, подгоняя овец и коз, двинулась по дорогам Сирии. Из Северной Месопотамии, где обитало племя арамеев, пастухи направлялись через пустынные области на запад, в землю Ханаанскую. Этих людей возглавлял человек Авраам. Их было немногим больше трехсот человек (Быт 14:14), и уход их едва ли был замечен.

Между тем это внешне неприметное событие открывало новую главу в истории всемирного Божественного. Авраам и его люди — новые герои мировой истории, которые едва ли сами догадывались о том, какое будущее ожидает их народ.

В одном древнем тексте Авраам назван «хабири». Возможно, наименование «еврей» (ибри), которое стали прилагать к Авраамову племени, произошло от названия своего происхождения к арамеям, связанно с наименованием кочевников — «хабири» (о них упоминают документы Египта, Палестины, Месопотамии). Долог был их путь, прежде чем перед ними зазеленели виноградники и горные склоны земли Ханаанской. Здесь их ждали опасности и трудности, бродячая жизнь «хабири», обреченных скитаться среди чужих и, быть может, враждебных племен.

Пришельцам придавала мужества их вера в любое небесное покровительство. Эта вера не была теорией, философским умозрительным ис-

поведанием монотеизма¹. Она сводилась к верности своему Богу избранников Элогима, единого вечного Творца мира. Со стороны могло показаться, что это просто религия группы людей — клана или племени. Но в этой верности Авраама и патриархов² Одному уже содержалось зерно религии Единого.

Религия Авраама приняла форму Союза (берит), или Завета, с Богом. Согласно Библии, Бог обещал, что придет время, когда потомки Авраама уже не будут изгнанниками в чужом краю, — став народом, они получат во владение землю Ханаанскую.

Но обетование это не носило узкоплеменного характера, подобного многим языческим проорицианиям. Величие и слава избранных Богом людей связывались с благом всех племен и народов. «И благословятся в тебе все племена земные» (Быт 12:3) — таково было одно из самых поразительных пророчеств древнего мира.

Невидимые нити протягиваются от шатров Ханаана к берегам Иордана, где восемнадцать веков спустя прозвучат слова: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Ин 3:36).

Так среди сумерек многобожия возникла та точка в истории мира, которая должна была расти, расширяться и превратиться в конце концов в народ Завета, в народ Божий, в ветхозаветного предтечу Церкви.

Пожалуй, ничто так ярко не символизирует то непоколебимое основание, на котором утвердилась ветхозаветная религия, как рассказ о жертвоприношении Авраама.

Однажды, повествует Книга Бытия (Быт. 22), Бог обратился к своему избраннику: «Возьми сына своего единственного, Исаака, которого ты любишь, и пойдешь в землю Мория и там принеси его во всеожжение на одной из гор».

Авраам не поколебался. Он пошел на эту жертву с такой же твердостью, с какой смотрел в глаза смерти во время своих военных походов. Он слишком верил своему Богу, чтобы проявить малодушие.

И вот идут они к месту жертвоприношения, отец и сын. «Отец мой, — спрашивает Исаак, — вот огонь и дрова, а где же ягненок для всео-

жжения?» «Бог усмотрит Себе ягненка для всежжения, сын мой», — отвечает Авраам. «И шли они вместе и пришли на место, о котором сказал ему Бог, — повествует Библия. — И устроил Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров». И только собрался патриарх нанести роковой удар, как услышал голос Божий: «Не поднимай руку на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь я знаю, что ты боишься Бога и не пожалел сына своего единственного для Меня».

В истории жертвоприношения Авраама мы должны видеть отображение той горячей преданности Богу и вере, которая была присуща Аврааму и его людям, преданности, не страшившейся никаких жертв.

В столкновении с исполинским сфинксом природы народ-богоискатель сумел отстоять независимость духа. Язычество Востока и Запада воспринимало мир как нечто неподвижное и статичное; магизм замыкал его в вечном круговороте циклов. В религии же потомков Авраама внутренняя структура мироздания раскрывалась как Становление, Динамика и Развитие.

¹ Монотеизм — единобожие, ср. политеизм — многобожие.

² Патриархами в библистике называют Авраама, Исаака и Иакова — праотцев верных.

Сыны Израиля

Ханаан — Египет, ок. 1750–1680 гг. до Р.Х.

Одним из первых более или менее достоверных событий раннееврейской истории был второй «исход», или *новое переселение* из Месопотамии. Новая арамейская волна двинулась с севера около 1750 г. до Р.Х. Патриархом этого клана был *Иаков*, носивший также имя *Израиля*. Предание считает Иакова потомком Авраама, наследником его обетований. Во всяком случае, он принимает Авраамову веру и при вступлении в Ханаан приказывает закрыть идолов, которых его род постоянно возил с собой. Иаков тяготеет к местам, где некогда жил и приносил жертвы Богу Авраам; он живет в Сихеме и Вефиле.

Иаков возглавлял союз родов, или колен¹, которые именовали себя *Бене-Израэль*, т. е. Сыны Израиля.

По большей части существование Бене-Израэля было мирным, размеренным. Повседневная жизнь их была неразрывно связана с овцеводством. Ради своих стад они оставались кочевниками; овцы были главным богатством: они кормили и одевали, их давали в приданое, приносили в подарок друзьям. Красивый ягненок без порока считался самой лучшей жертвой Небу.

Время от времени все племя начинало длительный переход в поисках новых пастбищ.

Музыка и пение были постоянными спутниками еврейских пастухов. Человек пел о Боге, о своем Незримом Отце, о Его милосердии и справедливости, о том, что только Ему должны принадлежать все молитвы мира.

Около 1700 г. до Р.Х. Ханаан огласился боевыми кликами. Полчища вооруженных до зубов аморитов появились в его пределах. Азиатов манил Египет, богатая плодородная страна. Их стремительный натиск не встретил никакого сопротивления. Боевые арабские скакуны, неведомые до этого времени жителям Египта, несли грозных всадников по земле фараонов. Со стуком катились легкие колесницы, врезаясь в растерявшиеся отряды египтян, пылали деревни, рушились стены древних храмов; ошеломленные египтяне взирали на все это со страхом и недоумением. Пришел конец их самостоятельности. Неведомое племя гордых и неумолимых врагов установило свою власть над страной. Египтяне называли их *Хекау-Хасут* — «иноземные цари», откуда произошло позднейшее название «гиксы», или «гиксосы».

Ханаан после того, как через него прошли гиксы, стал небезопасным местом для мирных пастухов. Никто не мог быть уверен в завтрашнем дне. Множество селений было стерто с лица земли, посеы выжжены, пастбища вытоптаны копытами гикских коней. В довершение всего началась сильная засуха. Сыны Израиля оказались перед угрозой голода.

У них оставался последний выход: двинуться по пути, проложенному гиксами, и искать приюта в Египте, как делал это в голодные годы Авраам.

Переселение Израиля в Египет.
Г. Доре.
Гравюра

В стране фараонов издавна существовало обыкновение селить на границах «мирных варваров», терпевших бедствия на своей родине. Это делалось не сразу и для охраны рубежей Римской империи. Для гиксских царей такие переселения были особенно желательны, так как они предпочитали иметь на своих соплеменников из Азии.

Согласно преданиям, сам патриарх Иаков возглавлял переселение в «Землю Мицраим», как называли евреи Египет. Израильтянам была предоставлена для жительства область Гошен, или Гасан, на востоке нильской Дельты, которая славилась своими обширными лугами; там обычно пасли стада, принадлежавшие дворцовому хозяйству. Часть царского скота была передана в ведение пришельцев, и они, таким образом, были приняты на государственную службу.

Такая милость по отношению к чужеземцам была, согласно Библии, и некоторые особые при-

чины. В эти годы первым министром фараона был израильтянин по имени Иосиф.

По преданию, Иосиф был продан своими братьями палестинским купцам и после ряда драматических перипетий попал ко двору, где был вознесен на самую вершину социальной лестницы. Эта головокружительная карьера человека из народа, да вдобавок чужеземца, вероятно, была характерна для эпохи господства азиатской династии.

Когда засуха и голод привели израильтян к границам Египта, Иосиф сделал все, чтобы они могли поселиться на пастбищах фараона.

Мы легко можем представить себе этот рубежный момент в истории Израиля.

Чужими, незащищенными, заброшенными в большом враждебном мире должны были чувствовать себя израильтяне, впервые вступая на египетскую землю. Но они верили, что благосло-

Поклонение фараона Эхнатона Солнцу.

Рельеф из храма в Ахетатоне.

Начало XIV в. до Р.Х.

вание Бога, Бога их отцов, пребывает на них, что незримый Дух оберегает и ведет их. Эту веру они связывали с Авраамом, предания о котором передавались из поколения в поколение.

Звездными ночами, сидя у входов в свои шатры, они слушали рассказы об Аврааме и его сыновьях, об их воинских подвигах, странствиях, об их любви, соперничестве и дружбе. То были времена, когда небожители часто посещали людей, когда можно было видеть лестницу, по которой они спускались на землю.

¹ В древнееврейском родовом строе выделялись: «бет-аб» — семья, «миш-пах» — род, клан и, наконец, «себет» — группа кланов, или колено.

Божественное Солнце.

«Еретик из Ахетатона»

Египет, ок. 1580–1406 гг. до Р.Х.

Все великие державы, созданные лишь силой оружия, рано или поздно оказываются непрочными и распадаются. Эта участь ждала и царство гиксов. Оно постепенно слабело и теряло контроль над завоеванными областями. Полунезависимые цари Фиваиды — Южного Египта — исподволь собирали силы для того, чтобы выступить против гиксов.

Теперь у египтян, как и у гиксов, были боевые колесницы. Египтяне полностью усвоили военную тактику гиксов, и в 1578 г. до Р.Х. на азиатов двинулось уже внушительное войско, многочисленное и дисциплинированное. Под его ударами гиксы покинули свою столицу и отступили на восток. Победа окрылила египтян: настал их черед, гикское владычество привело к египетской экспансии.

После упорной трехлетней осады был взят Шарухен — последняя крепость гиксов. Среди холмов и долин Сирии появляются боевые колесницы фараонов, рвущихся на север.

Египет становится империей, в состав которой входят многочисленные народы Африки и Азии. Повсюду были поставлены египетские правители и верные Египту туземные цари. Малейшее сопротивление приводило к жестокими расправам. Так борьба Египта за национальную свободу превратилась в порабощение народов.

С возвышением Фив возросло значение фиванского бога Амона. Этот местный бог был отождествлен жрецами с богом Ра, т. е. возведен в ранг общенационального божества. Фиванские жрецы стали оказывать ощутимое влияние на политическую жизнь.

Господство национальной религии казалось безраздельным. Вся страна — от фараона до последнего крестьянина или раба — была проникнута ее духом. И никто не мог ожидать, что начало мятежу против бога-триумфатора будет положено в царском дворце, в доме «возлюбленного сына Амона».

История Египта не знает более противоречивой и сложной фигуры, чем царь-реформатор *Аменхотеп IV* (1424—1406 гг. до Р.Х.) Не будет преувеличением сказать, что Аменхотеп был человеком богато одаренным, если не гениальным. Никто из мудрых жрецов и ясновидцев Египта не дерзнул с такой решительностью восстать против многобожия и магических верований. В эпоху кровавых войн и уничтожения покоренных народов он провозгласил равенство всех племен и стран перед Богом.

Фараон удалил от себя всех приверженцев старых культов; теперь его окружали не жрецы и аристократы, а только единомышленники. Он ощущал себя пророком Солнца, проповедником новой истинной религии, верховным жрецом высшего единого Бога, живым воплощением которого является солнечный диск — *атон*. Жена царя, Нефертити, очевидно, целиком разделяла его взгляды.

Голова царицы Нефертити.
Первая половина XIV в. до Р.Х.

Голова Эхнатона.
Начало XIV в. до Р.Х.

В знак полного разрыва с прошлым царь изменяет и свое имя. Отныне он будет не Аменхотепом, а *Эхнатом*, что значит «Угодный Солнцу». Он приказывает повсюду истреблять священные символы и надписи. Выскабливают не только имя Амона, но и слово «боги». Запрещаются все звероподобные и человекоподобные идолы, закрываются храмы богов. Столица Египта переносится из Фив в город, возникающий на пустом месте по замыслу царя-реформатора, — *Ахетатон*, «Небосклон Солнца».

Увлеченный своими преобразованиями, преследуемый одними и теми же мыслями, царь, возможно, плохо следил за событиями. Вероятно, и в людях он разбирался недостаточно хорошо. Его постепенно окружили лживые ничтожества, хитрые выскочки, которые наперебой восхваляли «учение царя», усердствовали в служении новому божеству и тем приобретали доверие фараона.

Умер Эхнатон молодым, на восемнадцатом году своего царствования. Перед смертью он, вероятно, осознал неудачу своего дела. У него не было ни сыновей, ни энтузиастов-продолжателей.

Кносский дворец.
Нижний ярус светового колодца.
Крит.
XVI в. до Р.Х.

Богиня со змеями.
Из сокровищницы Кносского дворца.
Крит.
1700–1600 гг. до Р.Х.

Трагедия Эхнатона заключалась в том, что отказавшись от магических верований, он не отказался от их плода — обожествления власти. Он полагал, что достаточно одного его слова, чтобы «истина» восторжествовала. Но проповедь веры когда она ведется с трона, не может найти настоящего отклика в сердцах. Награды и угрозы божественного властителя — вот к чему сводилась такая проповедь. И все же Эхнатон не может не быть нам близок как человек, отважившийся посягнуть на мир богов, человек, ощутивший живое дыхание Единого.

Тайна Лабиринта

Остров Крит, ок. 1600–1400 гг. до Р.Х.

Одновременно с появлением на историческом горизонте ариев и семитических племен на севере Балканского полуострова началось переселение ахейцев — предков греческого народа. Их передвижение на юг длилось несколько веков. Ему предшествовало установление в южной части полуострова власти критяи. Культура Крита оказала впоследствии огромное влияние на зарождающуюся греческую культуру, и поэтому, прежде чем говорить о греках, мы должны остановиться на их предшественниках, критянах¹.

Остров Крит представлял собой как бы мост между Европой и Азией.

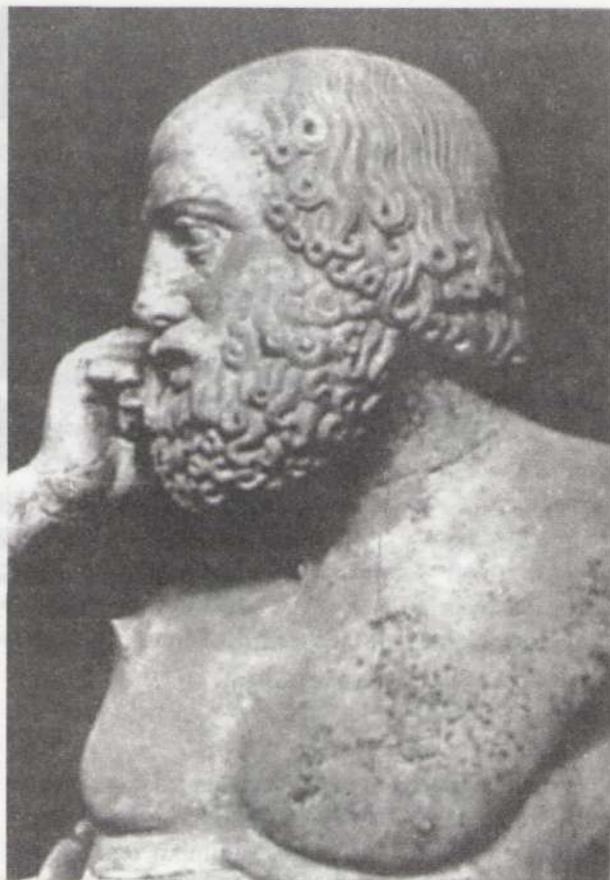
Уже около 2000 г. до Р.Х. на Крите возникли первые государства. Они были изолированы друг от друга горами, и лишь через несколько десятилетий произошло их объединение.

В своих преданиях греки рассказывали, что Крит объединился в правление жестокого царя Миноса.

Цари династии Миноса не боялись завоевателей и не строили приморских укреплений. Грозный флот в гаванях острова был сам по себе надежной стеной. Да и сам Лабиринт был не хуже любой крепости. Впервые это причудливое сооружение было построено около 2000 г. до Р.Х. Лет через двести его разрушило землетрясение, но оно было снова восстановлено. На одной из фресок этого дворца мы видим и самого царя. Его фигура выделяется на багряном фоне. Это атлетически сложенный молодой человек без бороды, с длинными, почти до пояса, волнистыми волосами. Что он делает? Какой момент его царственной жизни хотел запечатлеть художник? Царь ступает среди высоких, похожих на сахарный тростник растений, над которыми летают бабочки. Одна рука его прижата к груди, другая отведена далеко назад. Что это? Царь на полевых работах? Но где же тогда коса или корзина с зерном? Их нет. Перед нами символическое действо.

Властелин Крита не сеет и не жнет. Он имитирует труд своими движениями. По общему мнению ученых, это изображение *магического ритуала*. Подобно африканским колдунам и фараонам Египта, этот царь-жрец, живущий среди роскоши в Лабиринте, окруженный армией послушных рабов, на короткое время как бы превращается в крестьянина. Он совершает колдовской обряд, который принесет плодородие земле.

Человек всегда искал зримого воплощения высших сил. Эта жажда породила царей-богов Египта и Аккада, она окружила волшебным ореолом и династию Миноса; отсюда идет прямая линия через спартанских царей к «великому первосвященнику», как именовался римский император. Эти представления жили и в средневековой Европе. Достаточно вспомнить, что французский король имел «наследственный дар исцеления». Эта линия тянется до нашего времени, хотя и

Голова прорицателя.

Статуя восточного фронтона храма Зевса. Олимпия.
460 г. до Р.Х. Деталь

претерпевает существенные внешние изменения. Слепая вера народов в гений своих вождей, глубокое и всеобщее убеждение, что они видят все и ведут общество к процветанию, — это печальное явление XX столетия уходит своими корнями в те отдаленные времена, когда люди верили, что от воли царей-жрецов зависят плодородие земли и благополучие народа.

Около 1400 г. до Р.Х. ахейцы вторглись на Крит и образовали там государство с центром в Микенской крепости, но это не означало гибели миносской культуры. На развалинах миносской цивилизации расцвела культура древней Эллады.

¹ Научно установлено, что крито-микенская культура, о которой здесь идет речь, была архаической греческой культурой.

Собрание богов
(Гера, Гермес, Афина, Зевс, Ганимед, Афродита, Арес).

Роспись килика. Тарквиния.

Около 510 г. до Р.Х.

Утро Эллады. Олимпийцы.

Греция до 1400 г. до Р.Х.

Греческие племена переселились на Балканы около 2000 г. до Р.Х., в эру великих семитических и индоевропейских миграций. Пришли они из тех земель, где обитали предки арьев, иранцев, хеттов, двумя путями: через северные горные дороги и через острова Эгейского моря вторглись эллины на Пелопоннес и в Фессалию. Хотя до нас почти не дошло легенд, связанных с этим временем, очевидно, что сначала туземцы оказали грекам отчаянное сопротивление. Кто же были эти туземцы? Что они не принадлежали к эллинским племенам, — это, кажется, понимали и сами греки, называвшие их пеласгами.

На пути греческих переселенцев было два старинных святилища: дельфийское и додонское. В Додоне, у огромного столетнего дуба, заклинатели вопрошали какое-то древнее пеласгийское божество. Шелест листьев и потрескивание ветвей служили ответом, который истолковывали заклинатели. Греки не уничтожили этого святилища.

Оракул в Дельфах был посвящен Богине-Матери. Он находился в руках прорицательниц, которые, приходя в состояние исступления, про-рекали волю божества.

Хотя эллины подчинили себе пеласгов и другие местные племена, они долгое время были бес- сильны перед миносской державой, властители ко- торой были хозяевами морей, а эллины всегда испытывали перед морской стихией суеверный страх.

Но, несмотря на это, ахейцы в конце концов все-таки стали мореплавателями. И прежде все- го нанесли удар военному могуществу миносской державы. Около 1400 г. до Р.Х. греческие ко- рабли показали у берегов Крита. Владычеству Лабиринта пришел конец. Отныне Крит, в свою очередь, стал одной из греческих провинций.

Ахейцы сделали грандиозную попытку не только политически восторжествовать над всей Эгеидой, но и духовно освободиться от крито- пеласгического влияния. Ахейские цари были не колдунами, как на Крите, а племенными вождями, делившими власть над кланами с военачальника- ми и старейшинами.

Божества отдельных кланов и местностей — олимпийцы, всегда мыслились как совершенно обособленные существа. Они ничем не напоми- нали индийский пантеон¹, который был, скорее, многими ликами Единого. Здесь сказались осо- бенности греческого национального мышления; оно гораздо легче воспринимало конкретное, изо- лированное, чем общее и единое. Быть может, из-

Пак.

Золотая монета. Пантикапей.
350–320 гг. до Р.Х.

вестную роль играло здесь природное окружение. Семит формировал свое богопознание на фоне малочасливой пустыни, индиец — в царстве тропиков, где все сплеталось в единую многоликую и многоголосую стихию. Горизонт же грека был всегда ограничен горными хребтами; вся его страна была похожа на сеть изолированных мирков, отрезанных друг от друга холмами, скалами, заливами. Поэтому ахеец был склонен почитать в первую очередь местное божество, а божество соседа казалось ему таким же независимым, как и его отдельная долина, отрезанная от других.

¹ Пантеон (греч. «многобожие») — все боги, почитаемые в какой-либо языческой религии.

Бирьба богов и титанов

Греция между 1400–1200 гг. до Р.Х.

Появление Зевса и олимпийских богов не было простой заменой природных, хтонических¹ божеств божествами племенными. Новый пантеон знаменовал важнейший этап греческой религиозной истории. Разум в образе совершен-

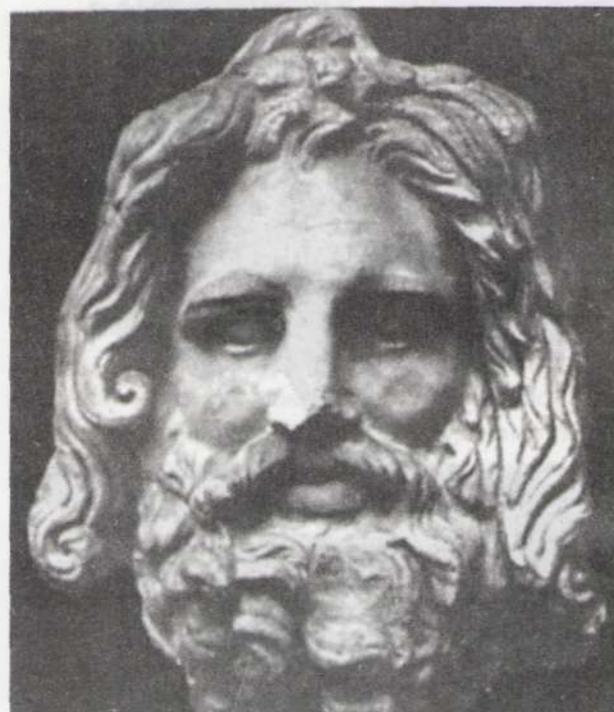
ного человеческого существа засиял среди клубящихся туч первобытной ночи. Бог лазурного сияния, бог, подобный молнии, пронизывающей мрак, является в лице «промыслителя Зевса». Это рождение нового, более просветленного «древнего» религиозного сознания запечатлелось в знаменитом мифе о *Титаномахи* — борьбе богов и титанов. В сознании ахейцев совершился переход от хтонического, природно-стихийного к разумному, человеческо-гармоничному богопониманию.

Величайшее всемирно-историческое значение Зевсовой религии заключалось прежде всего в провозглашении примата света, разума и гармонии над тьмой, иррациональностью и хаосом. В этом отношении она прямая предшественница учения о Логосе как разумном творческом начале во Вселенной. Но до появления этого учения было еще далеко. Логизму в греческом сознании

Голова Зевса.

Отриколь.

IV в. до Р.Х.

предшествовал антропоморфизм². В олимпийцах человеческое начало было идеализировано и возведено в космический принцип. Это было огромным шагом вперед, но одновременно таило и большую опасность. Угадывая в Божественном разумное начало, ахейцы привнесли в него все многообразие чисто человеческой ограниченности и чисто человеческих слабостей.

Их живой, подвижный ум, склонный к юмору и созданию красочных картин, не мог удержаться от искушения рисовать жизнь богов по образу беспокойной и разгульной жизни своих разбойников-богатырей.

Особенно серьезным недостатком Зевсова пантеона было отсутствие ясных этических принципов. С глубокой первобытной древности этика шла рука об руку с религией. Нравственный же идеал олимпийцев был настолько шаток, что уже через несколько поколений вызывал протесты и насмешки у самих греков.

Сосна на алтаре Зевса.
Пергам

В странах Востока религиозные откровения исходили всегда из среды духовной элиты. Этот же мир долгое время жил лишь массовым религиозным сознанием. Дух магии проник античную религию и пережил самих олимпийцев.

В микенскую эпоху происходит незаметный поворот к магическому пониманию молитвы жертвы. Начинает развиваться институт жречества. Правда, в Греции жрецы никогда не составляли могущественной корпорации, как, например, в Египте. Но значение их постепенно возрастало. Наиболее характерной чертой эллистических жрецов было то, что они почти всегда оставались «служителями культа» в самом узком смысле этого слова. Если египетское духовенство было средой, в которой культивировались богословская мысль, медицина, математика, если израильское духовенство боролось за нравственное воспитание народа, то греческие жрецы были по преимуществу устроителями жертвоприношений.

Нигде не было так развито искусство предсказания, как в античном мире. Оракулы и гадалки были неизменными спутниками жизни и царей, и крестьян, и воинов, и торговцев. Ключ к толкованию таинственной воли богов видели и в снах, и в полете птиц.

Магизм, как правило, *посюсторонен*. Это мировоззрение делает наибольший упор на этой жизни, считает высшим благом богатство, здоровье, благополучие. Такое механистическое миропонимание — антипод духовного, мистического; оно глубоко материалистично в своем постижении ценностей бытия. И если в некоторых культурах, проникнутых магическими элементами, как, например, в египетской, и существовала живая вера в загробный мир, то он рисовался точной копией мира земного.

¹ Хтонические (от греч. названия земли) божества — боги неба, земли, моря и т. д., обычно считающиеся в язычестве наиболее древними, «первичными» божествами.

² Антропоморфизм (от греч. «антропос» — человек и «морфэ» — форма) — уподобление человеку.

НАРОД ЗАВЕТА

«Дом рабства». Моисей

Египет, ок. 1300–1230 гг. до Р.Х.

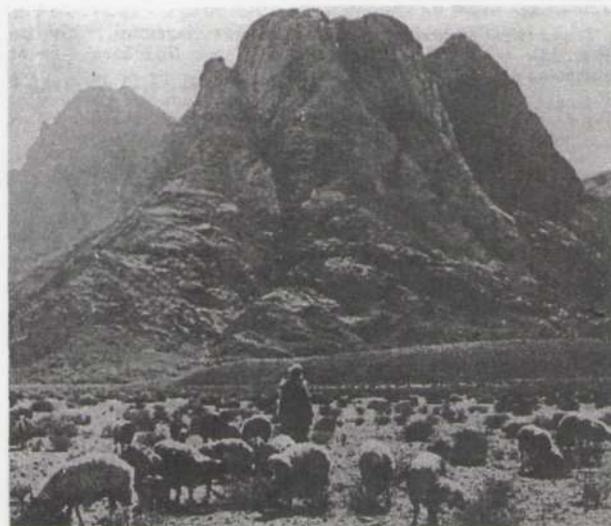
На историю слишком часто смотрят как на естественно-природное явление и поэтому думают, что в ней определенные причины неизбежно должны производить соответствующие следствия. Однако если в мире физических явлений мы действительно имеем дело с такими незыблемыми закономерностями, то в истории иногда может произойти нечто совершенно непредвиденное, противоречащее всему, имевшему место до сих пор. Наглядным примером тому могут служить судьбы религии Единобожия.

Почти четыре столетия обитали племена Бене-Израэля на заболоченных лугах Гесема. На полях Гесема бродили несметные стада, принадлежавшие Большому Дому¹. Израильтяне были обязаны следить за ними, перегонять их на новые пастбища, докладывать египетским чиновникам об их состоянии и численности, организовывать поставки скота для нужд двора. Так было при гиксах. Быть может, это положение сохранилось и при новой династии.

Уберегли ли жители Гесема свое единственное духовное наследие — древнюю веру предков? То, что предания об Аврааме и патриархах дошли до следующих поколений, может служить косвенным доказательством того, что израильтяне не утратили памяти о религиозном Откровении, данном их праотцу.

Некоторые элементы язычества все же проникли в их религию. Охраняя свои стада, израильтяне боялись вреда, который могли принести духи пустыни. В их представлении эти страшные существа, злобные и мстительные, скрывались за болотами и насылали болезни и смерть. Они рисовались воображению израильтян в виде сатирикоподобных демонов; их царем был козловидный бог Азazel². Чтобы уберечь себя от этих рогатых призраков, пастухи усердно задабривали их, принося жертвы и ограждаясь заклинаниями.

Часть израильтян стала переходить к оседлому образу жизни. Вероятно, у них получила распространение и письменность.

Гора Синай

Как бы ни были далеки израильтяне от египетских дел, положение в стране не могло не коснуться их. Вскоре после политического упадка, связанного с «еретиком из Ахетатона», начался новый, и последний, подъем Египта. Снова войска фараона двинулись в Палестину. Начались усиленные строительные работы. Пастухов Гесема пригнали на стройки и заставили тесать камни, делать кирпичи и таскать тяжести. Так кончился спокойный период жизни Бене-Израэля, и сыны его оказались в «Доме рабства».

В народной памяти эта пора запечатлелась как гнетущий кошмар. Особенно тяжело пришлось израильтянам, когда на престол вступил Рамсес II (1301–1334 гг. до Р.Х.).

Рамсес был родом из Нижнего Египта, Дельта была постоянной его резиденцией, и он решил построить там большой укрепленный город.

Если правители, наученные горьким опытом восстаний и беспорядков, стремились сделать для туземцев работу не столь изнурительной, то для рабов и инородцев, какими были израильтяне, пощады не было.

Свободные пастухи, израильтяне не привыкли к подневольному труду в городах. Известно, с какой быстротой тают небольшие народы, когда неумолимые законы «цивилизованного мира»

Статуя фараона Рамсеса II.
XIII в. до Р.Х.

грубо вторгаются в их жизнь. С ужасом стали догадываться израильские рабы, что непосильная барщина, наложенная на них фараоном, ставит конечной целью искоренение их племени. Так навсегда нарушилось безмятежное существование поселенцев Гесема. Притеснения обычно служат сплочению гонимых. Под влиянием жестокого угнетения у израильтян проснулось национальное самосознание. Они вспомнили, что они лишь пришельцы в египетской земле, что их предки некогда пришли сюда с Востока. Теперь они с тоской глядели туда, где за Тростниковым морем и Горькими озерами жили их свободные братья. Но где можно было найти спасение? В Ханаане? Он находился в руках египетских ставленников. Дальше на север, к хеттам? Но с ними фараон заключил договор, согласно которому хеттский царь обязался выдавать Египту всех беглецов. Остался только Синайский полуостров, его дикие и суровые горы, его безводные пустыни. Но от одной мысли о них обитателей влажной Дельты охватывал ужас.

Однажды среди израильтян распространился слух о неизвестных агитаторах, которые появ-

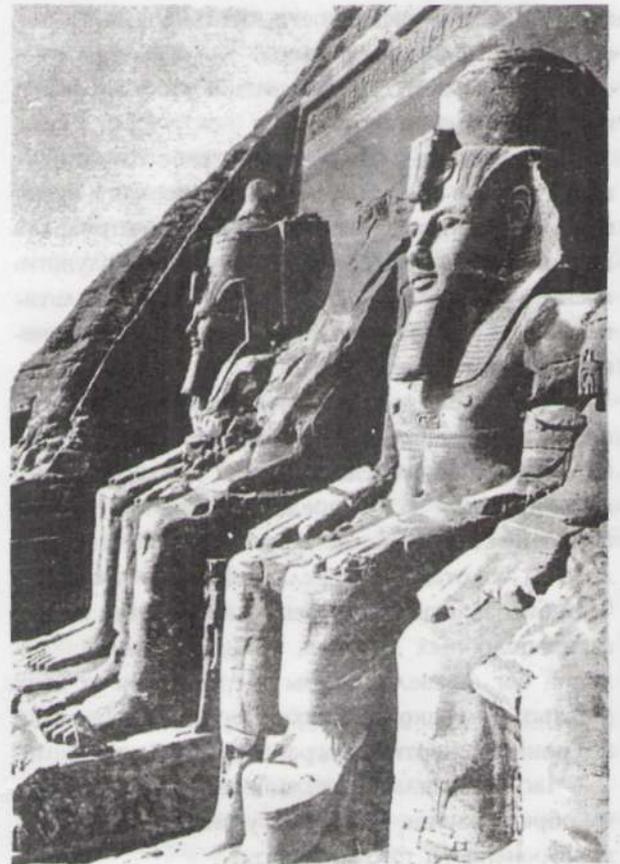
лялись то на стройках, то среди поселенцев Гесема, призывая народ покинуть «Дом рабства» и идти в пустыню поклониться Богу Авраама, Богу отцов. Люди эти принадлежали к левитам — израильскому племени, тесно связанному с египтянами; у многих из них были египетские имена. Египетским было и имя их вождя Месу, или Моисея, который даже внешне был похож на египтянина.

Так появляется на исторической арене человек, с именем которого связано происхождение ветхозаветной религии.

История Моисея была записана впервые лишь в X в. до Р.Х. Прежде она казалась историкам целиком сотканной из легенд, но в последствии стало очевидным, что в основных чертах все рас-

Колоссы Рамсеса II.

Абу-Симбел.
XIV в. до Р.Х.

сказанное о нем Библией выдерживает яркий свет исторической критики.

По своему воспитанию Моисей был связан с Египтом. Трудно предположить, чтобы предание измыслило эту деталь. Библия говорит, что, будучи выходцем из египетской среды, будущий вождь Израиля не забыл, однако, своего азиатского происхождения. Когда он увидел, как на стройке египетской надзиратель избивает израильтянина, он в порыве гнева убил мучителя. В результате ему пришлось бежать, и он, перейдя границу (что было не так просто в те времена), скрылся в единственном малолюдном месте — в Синайской пустыне.

В своих скитаниях по пустыне он столкнулся с еврейскими племенами мадианитян. Это были кочевники-скотоводы, иногда водившие купеческие караваны в Египет и Палестину. Они обитали близ священной горы Синай, на юге полуострова. Моисей был радушно принят бедуинами; их шейх, жрец Рагуил-Иофор (Иетро), приютил беглеца, и Моисей вкусил всю прелесть безмятежной жизни свободных скотоводов. Он женился на дочери шейха и пас его стада на склонах Хоревских гор. И именно там в нем совершился таинственный переворот, превративший его в вождя и пророка.

Дочь фараона перед младенцем Моисеем.
Г. Доре.
Гравюра

Моисей заступает
за своего соплеменника.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Израильтяне перед Синаем.

Г. Доре.

Гравюра

Для нас навсегда останется тайной, что пережил египетский беглец среди безмолвия Хоробских гор, но мы знаем, что отныне он становится верным служителем Бога Незримого, Бога — Властителя человеческих судеб, Бога, возложившего загадочную историческую миссию на него, Моисея, и на его народ. Это тот Бог, которому молились люди в незапамятные времена. Веру в Него свято хранили предки Израиля. Он — Бог, открывшийся Аврааму, Бог праотцев. Он пребывает выше бытия и жизни. Он — Сущий, имя Его *Ягве*.

Библия рассказывает, что Моисей однажды забрел далеко в горы и оказался в каком-то древнем святилище. Там из недр терновника, охваченного невиданным неопалющим огнем, он услышал голос Божий, призывавший его на служение. Смущенный и испуганный, Моисей пытался уклониться, но голос властно требовал, чтобы он шел как вестник Неба к своему угнетенному народу и избавил его от рабства. Он должен привести евреев сюда, к святой горе, и Ягве даст им во владение страну, текущую молоком и медом.

¹ Большой Дом — в древнем Египте так назывался не только дворец фараона, но и все его имущество.

² Азазел — ср. Азазелло в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, называемого автором демоном-убийцей безводной пустыни.

Путь к Синаю

Египет — Синай, ок. 1230 г. до Р.Х.

Около 1230 г. до Р.Х., в третье лето царствования сына Рамсеса II, фараона Мернептаха, Моисей появился среди израильских рабов. Он заговорил о Боге евреев, о Том, Кому поклонялись Авраам и его предки, когда были свободны, о том, что Бог обещал освободить их из «Дома рабства» и привести в землю, где некогда обитали их отцы. Он призывал народ покинуть Египет и отправиться в пустыню «на три дня пути», чтобы там совершить великое жертвоприношение Ягве, Богу Израиля.

С первых же шагов он был встречен недоверчиво и даже враждебно. Волнения, вызванные его проповедями, заставили египтян усилить надзор и прибавить работ.

Упорная борьба, которую бесстрашный левит вел с египетскими властями, окружена поэтическими преданиями; однако из них можно заключить, что на первых порах он преуспел довольно мало. Но вот сама судьба пришла на помощь Израилю. В стране вспыхнула эпидемия, которая окончательно расстроила порядок и послужила поводом к анархии.

Моисей дал сигнал к исходу. Поспешно совершив традиционный обряд, израильтяне со своими стадами, а также разноплеменные рабы, ра-

Моисей спускается с горы Синай.

Г. Доре.

Гравюра

ботавшие вместе с ними, двинулись из окрестностей Рамсеса и Суккота. Моисей не повел их прямо на восток, потому что там, на «филистимской дороге», располагались цепи египетских фортификаций. Во время своих странствий он хорошо изучил район и, проходя через пустынные местности, умело избегал пограничных постов. Наконец беглецы раскинули лагерь недалеко от крепости Этам. Дальше путь был закрыт. Единственным спасением было сняться с места и углубиться в пустыню к берегам Тростникового моря. Бегство продолжалось всю ночь.

Когда Мернептах узнал, что Израиль и другие еврейские племена скрылись на востоке, он, не теряя ни дня, погнал колесницы к берегам Тростникового моря. О местоположении Израиля ему, очевидно, донесли из Этама. Теперь пустыня «заперла» евреев. С одной стороны были непроходимые камышовые топи, с другой — надвигались колесницы фараона.

Раздались крики ужаса... «Разве мало было гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыню?» — бросали беглецы упреки Моисею. Но вождь верил в то, что Небо спасет его народ даже и в этот отчаянный момент. «Не бойтесь, увидите спасение Ягве», — воскликнул он и, не медля более ни минуты, повел израильтян через топи.

Невзирая на то, что над топями собрались тучи и надвигался настоящий ураган, египтяне продолжали погоню. Возможно, они и успели бы настигнуть часть беглецов, но с каждым шагом им было все труднее и труднее пробираться в сгущившемся мраке. Тяжелые колесницы застревали в вязком иле, гроза бушевала, ветер переменялся и теперь гнал волны на преследователей. Только тогда поняли египтяне, какая опасность им угрожает, и поспешно повернули обратно. Но вода настигла их.

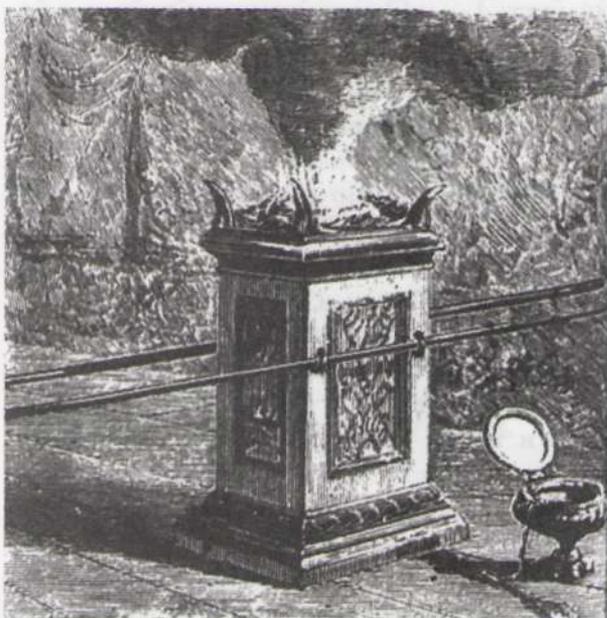
Израильтяне, которые тем временем уже стояли на сухой возвышенности, наблюдали за отча-

янными попытками всадников и не верили своим глазам. Произошло нечто такое, чего не ждали ни евреи, ни египтяне. Всего час назад израильтяне были на волосок от гибели. Преследователи беспощадно расправились бы с ними; но вот теперь Ягве спас Свой народ и остановил грозного врага. Это несомненно было чудо, хотя внешне действовали обычные стихийные силы.

Имеет ли право современный человек смотреть свысока на эту уверенность беглецов в особом покровительстве неба? История небольшого племени, чудом уцелевшего среди превратностей судьбы и ставшего носителем Единобожия среди языческих народов, поистине изумительна. Для тех, кто отрицает внутренний смысл в судьбах народов, здесь — лишь какое-то необычайно счастливое стечение обстоятельств. Но христианство оценивает ветхозаветную историю с иной точки зрения и признает в ней проявление того незримого Разума, Который направляет ход мироздания, человеческую историю и судьбу отдельной личности.

Все дальнейшее путешествие Израиля среди безводных долин и гор сопровождалось страхами и неожиданными радостями.

Алтарь

На границе пустыни Син, у предгорий Хоривского хребта, караван вступил в пустынную местность и долгое время продолжал путь, не встречая ни колодца, ни ручья. Путников мучила жажда. Ропот недовольства перешел в открытое возмущение. Было мгновение, когда в Моисея едва не полетели камни. Это был критический момент: власть над взбунтовавшейся толпой ускользала из рук вождя.

В эту трудную минуту Бог вновь пришел на помощь Своему избраннику. Моисей приказал долбить известковую скалу шестью, и, когда после долгих усилий образовалась впадина, он сильно ударил своим посохом и в образовавшееся отверстие хлынула ключевая вода. Раздались радостные возгласы. Путники были спасены.

Все эти на первый взгляд незначительные события сыграли колоссальную роль в судьбе сынов Израиля, непрерывно пребывавших между страхом и надеждой.

Десять заповедей

Синай, 1230–1200 гг. до Р.Х.

Какова же была конечная цель Моисея? Он решил дойти до тех самых мест, где пас стада во время бегства, где прозвучал для него голос Божий. Он хотел там, у святой горы, вдохнуть в Израиль новый дух, вдохнуть веру, энергию, смелость. Он хотел привести к подножию Синая своих соплеменников, как бы говоря: «Боже! Вот люди, которых Ты призвал меня спасти. Я привел их к Тебе».

Через несколько дней после остановки у Синая вождь велел готовиться к великому моменту: люди заключали торжественный союз с Богом. Это было нечто неслыханное, ибо в сознании восточных народов человек был совершенным ничтожеством по сравнению с Божеством, и заключение между ними союза было бы невероятной дерзостью.

Но здесь Сам Владыка жизни устами Своего пророка объявляет условия этого поразительного договора: «Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы

будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх 19:5–6).

Так рождается народ Завета, народ Божий; из семени Авраамова выходят первые, еще слабые ростки *Ветхозаветной Церкви*, прародительницы Церкви Вселенской. Отныне история религии будет уже не только историей тоски, томления и поисков, но она станет историей Завета, диалога между Творцом и человеком.

Библейское предание рисует величественную картину заключения этого священного Завета.

Народ покинул лагерь и подступил к самой подошве горы. Все в трепете устремили взоры на ее вершину, над которой повисли непроницаемые тучи. Время от времени среди них вспыхивали молнии, и удары грома отдавались среди расселин трубными звуками...

Между тем Моисей отделился от народа и стал подниматься все выше и выше к синайской вершине. Вот он уже скрылся среди утесов, уходя туда, где неистовствует гроза и буря, где густой сумрак окружает божественную Тайну.

Но вот Моисей снова в лагере Израиля. В торжественной тишине провозглашает он Божий Завет и кропит народ жертвенной кровью в знак заключения Союза.

Заповеди, начертанные на двух каменных плитах — скрижалях, гласили:

1. Я — Ягве, Бог твой, который вывел тебя из земли Мицраим, из Дома рабства. Ты не должен иметь других богов пред Лицом Моим.

2. Ты не должен делать себе никакого изображения божества.

3. Ты не должен употреблять понапрасну имя Ягве, Бога твоего.

4. Помни день субботы, чтобы праздновать его.

5. Почитай отца и мать.

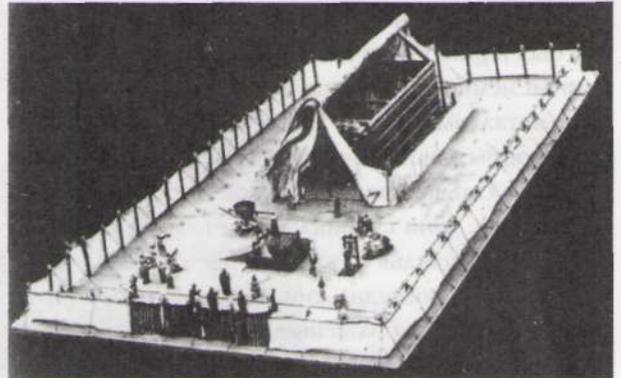
6. Ты не должен убивать.

7. Ты не должен распутничать.

8. Ты не должен красть.

9. Ты не должен давать ложного свидетельства на ближнего своего.

10. Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ничего, что у ближнего твоего (ср. Исх 20:1–17).

Скиния в пустыне.
Модель

Какие простые на первый взгляд слова! Но если нам они кажутся чем-то само собой разумеющимся, то для древнего мира они звучали небывалым откровением. Достаточно вспомнить, какие отношения между человеком и божеством царили в Египте, Вавилоне, Греции, чтобы понять, насколько необыкновенными должны были представляться современникам священные законы, начертанные на скрижалях. Эти два невзрачных, грубо отесанных камня имели неизмеримо большее значение для духовной истории человечества, чем тысячи искусно украшенных ассирийских и египетских памятников.

Величайшая заслуга Моисея перед человечеством заключается в том, что он осмелился провозгласить утраченный Закон, открыть забытые пути к Богу, не устранившись от противодействия и непонимания. Он говорил, обращаясь не только к Израилю, а ко всему миру, к будущим векам.

Моисей понял, что его людям необходим внешний знак присутствия Божества. Им нужен был символ Бога, который бы шел перед ними и вселял в них бодрость (Исх 32:23).

Библия прямо говорит, что мысль о создании этого символа была внушена пророку свыше (Исх 25).

Итак, в один прекрасный день вождь приказывает изготовить священный *Ковчег Завета*. Его переносят в особый шатер, или *Скинию*, которая устанавливается вне лагеря.

Внешне Ковчег выглядел довольно скромно: это был ящик, сколоченный из деревянных досок, длиной немногим больше метра. Снаружи он был обит металлом, над его крышкой простирала крылья *керубы*, или херувимы, — фантастические существа с львиным телом, ликом человека и крыльями орла. Они склоняли свои головы над Ковчегом, а их крылья служили престолом, на котором незримо восседал Бог Израилев. Вероятно, керубы были изображением духов бури, которая в израильской поэзии обычно сопровождала Божьявления.

Когда народ снимался с лагеря или выступал в сражение, левиты шли впереди и несли Ковчег на шестах, продетых в его боковые кольца.

Наконец наступило время покинуть Синай. Теперь перед Израилем стояла новая цель: захват территории в стране, где в древности обитал Авраам. Табор кочевников превратился в военный лагерь.

Моисей сделал решительный шаг. Он послал разведчиков на восток, чтобы узнать, можно ли рассчитывать на успех вторжения. Разведчики вернулись, неся роскошные плоды Земли Обетованной¹. Кочевники с восхищением смотрели на огромные виноградные кисти, на гранаты и смоквы. Но разведчики наговорили таких страхов о жителях Палестины, об их силе и смелости, об их неприступных крепостях, что кочевников охватила паника, перешедшая в новый мятеж против Моисея.

Наконец, после долгих скитаний, около 1200 г. до Р.Х., Моисей решил, что пора начать наступление на север.

Оставалось пересечь этот сверкающий и извилистый рубеж — Иордан, за которым начинается желанный Ханаан! Но здесь завеса истории опускается и скрывает от нас могучую фигуру Моисея...

Загадочные тени витают над могилой пророка. Он умер не от болезни и не от старости. Место его погребения осталось неизвестным.

¹ Обетованная Земля (от слова «обет») — земля, обещанная Богом.

Земля Обетованная

Ханаан, ок. 1200–1125 гг. до Р.Х.

Вскоре после смерти Моисея израильтяне почувствовали, что они уже не могут больше жить в Заиорданье. Колена теснили друг друга; узкая полоса земли, ограниченная с одной стороны арабийскими степями, а с другой — Мертвым морем и Иорданом, не могла прокормить массы кочевников и их скот. Не обещал ли Моисей привести свой народ в страну, «текущую молоком и медом»? Не отдан ли Ханаан Самим Ягве во владение Израилю? Теперь пришло время, и нужно было решаться.

После смерти Мернептаха Египет охватила анархия. Власть Египта в Ханаане почти не ощущалась; местное население было ослаблено раздорами и войнами. Момент был самым благоприятным для похода израильтян на запад.

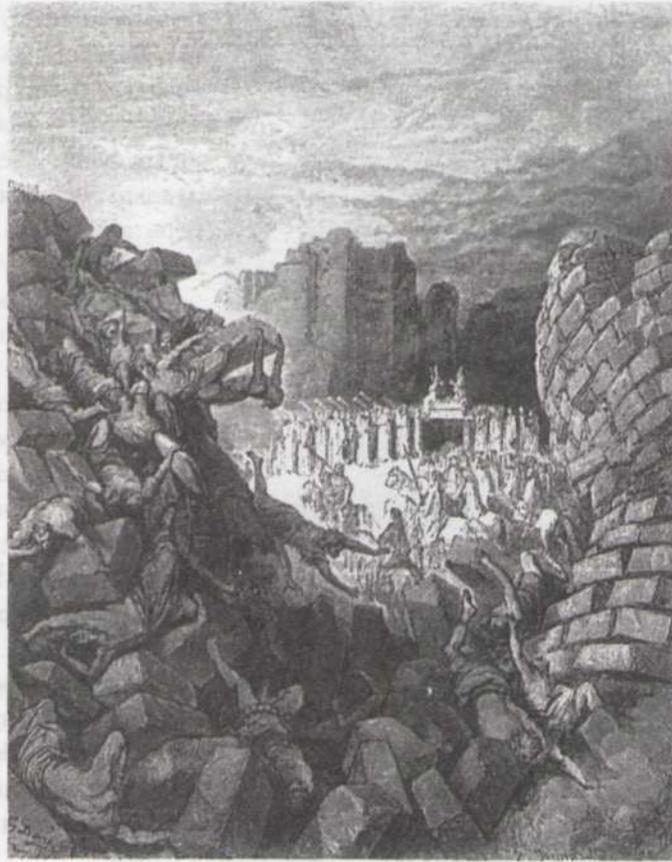
Хананеи были близкими родичами евреев и финикийцев. Они, очевидно, так же, как и израильтяне, пришли некогда из пустыни, но в Палестине жили уже более тысячи лет.

Раскопки показали, что Ханаан был в отношении искусства и религии типичной страной *синкретизма*¹. Здесь не было национальных богов, а почитались преимущественно боги соседей. Среди развалин найдены фигурки Гора, Хатор и других египетских богов, а также изображения вавилонской Иштар.

Иошуа, сын Нуна, который стал во главе израильтян после смерти Моисея, глубоко верил в то, что обетование сбудется и что странники обретут наконец желанное пристанище. Народ разделял эту уверенность. Хотя авторитет нового вождя был несравним с авторитетом Моисея, тем не менее Иошуа был признан большинством колен.

Главным препятствием, которое нужно было преодолеть на пути в Западную Палестину, являлся *Иерихон*. Его циклопические стены возвышались среди пальмовых рощ в двух часах пути от Иордана. Не было никакой надежды миновать его без боя.

Иошуа колебался недолго; в один прекрасный день по его сигналу был поднят Ковчег, свер-

Разрушение стен Иерихона.

Г. Доре.

Гравюра

нуты палатки, и израильтяне двинулись на запад к берегам Иордана.

До сих пор остается загадкой, как мог пасть столь надежно укрепленный город. В Библии сохранилось поэтическое сказание о том, как стены его рухнули от звуков израильских труб. Возможно, здесь, так же как и на Иордане, произошло землетрясение, открывшее внезапно брешь в стене. Легко представить себе то впечатление, которое должен был произвести подземный толчок, расколовший стену как раз в момент приближения Израиля.

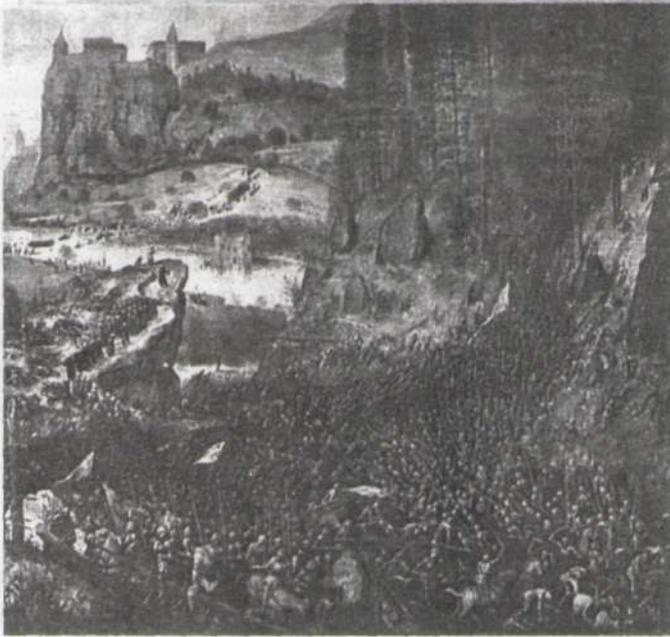
События разворачивались быстро, триумфальный марш Ковчега продолжался.

¹ Синкретизм — в науке, искусстве и религии система, соединяющая в себе черты различных других систем, т. е. смешанная, производная.

Бог Израилев и язычество Палестина, 1125–1025 гг. до Р.Х.

Итак, обетование, данное Аврааму, исполнилось. Земля, которой так долго владели египтяне и хетты, теперь стала землей Израиля. Но главные трудности были впереди. Соединившись с хананеями фактически в один народ, израильтяне — вчерашние кочевники — волей-неволей стали воспринимать цивилизацию туземцев, а вместе с ней и их верования. Таким образом, подобно арьям в Индии, победители едва не оказались в положении побежденных.

Совместная жизнь израильтян и хананеев быстро привела к распространению язычества среди народа Ягве. Так возникло двоеверие, столь

Битва израильтян с филистимлянами.
П. Брейгель.
1562 г.

свойственное народам низкой культуры, воспринявшим высокую религию.

Неизвестно, как бы пошла духовная история Израиля, если бы не новое потрясение, которое всколыхнуло все колена.

Появились еще одни претенденты на землю, «текущую молоком и медом», и на этот раз не сравнимые ни с кем из обитателей Ханаана по силе. Это были филистимляне.

Филистимляне были воинственным и энергичным племенем, уже хорошо освоившим обработку железа. Они занимались морским промыслом и пиратством. Около 1080 г. до Р.Х. они начали решительное наступление на восток, тесня как израильские, так и халдейские племена.

Кто мог остановить эту волну? Вооруженные чем попало крестьяне разбежались, едва слышав грохот боевых колесниц и завидев украшенные перьями шлемы. Филистимляне обложили данью почти весь Ханаан, и покоренным оставалось лишь вести партизанскую войну, неожиданно нападая на филистимские отряды или поджигая их посевы.

Господство филистимлян стало прочным и казалось окончательным. По городам были расставлены вражеские гарнизоны, и повсюду хозяйничали сборщики дани. Переживавший глубокий духовный кризис Израиль оказался теперь лишенным и политической независимости.

Все эти события послужили как бы внешним толчком, способствовавшим возникновению нового религиозного движения, которое носило довольно странные формы, но благодаря которому Израиль вышел из состояния упадка и духовного умирания.

Последователей этого движения называли Бене-ха-Небиим, «Сынами пророческими». Слово «наби» означало вестника Божьей воли. Но если раньше ясновидцы и прорицатели выступали как одинокие посланцы Неба, то теперь новые пророки собирались толпами на богослужения, ходили по дорогам страны,

распевая боевые псалмы и призывая народ к верности Богу отцов.

Мы очень мало знаем о деятельности Сынов пророческих и о людях, которые возглавляли их движение, предание связывает с ними фигуру последнего крупного еврейского вождя эпохи Судей — Самуила. В одном месте Библия даже прямо изображает его руководителем общины пророков (1 Цар 19:20).

Самуил, несомненно, считал своей главной задачей духовное сплочение израильтян.

Согласно преданию, ясновидец добился даже общенародного раскаяния и клятвы покончить с языческими богами. Идолы были выброшены, и с того времени «Сыны Израилевы стали служить одному Ягве» (1 Цар 7:4). Но религиозный Завет оказался слишком слабым объединяющим началом для израильских колен. Возникла нужда в «сильной руке», в светской власти. Старейшины подняли перед Самуилом вопрос о необходимости избрать царя. И ок. 1025 г. до Р.Х. по их настоянию Самуил выбрал правителя Израилю.

Самуил благословляет Саула.

Г. Доре.
Гравюра

**Теократическое царство.
Сионский завет
Палестина, 1020–950 гг. до Р.Х.**

Вся Библия проникнута духом протеста против автократии. От времен Моисея политическим идеалом религиозных учителей Израиля оставался свободный союз верных, для которых единственным авторитетом является Закон Божий. Это была теократия¹, но не в смысле правления духовенства, а в смысле подлинного Боговластия. В теократическом правлении, основанном Моисеем, уже находились зародыши религиозной общины, Ветхозаветной Церкви и одновременно такого общества, которое построено не на произволе монарха, а на конституции и законе, ибо заповеди Ягве были равно обязательны как для простых крестьян и горожан, так и для предводителей, вождей, царей. В этом отношении Библия резко про-

тивостоит почти всему Древнему Востоку: в Ветхом Завете монархия приемлется лишь как терпимое зло, как несовершенное установление, порожденное грехами и слабостью людей.

Однако политическая обстановка, угроза филистимского нашествия — все это, несомненно, повлияло на Самуила и примирило его в конце концов с необходимостью избрать царя. Но он хотел, чтобы кандидат был выдвинут им самим. Однажды, когда к нему за советом пришел молодой крестьянин Саул из колена Вениаминова, он принял решение поставить именно его «правителем народа» (1 Цар 9:16).

Избрание Саула получило общее признание. Однако Самуил, как повествует Библия, предупредил всех израильтян, что они могут надеяться на благополучие только в том случае, если будут по-прежнему видеть в Ягве своего Высшего Царя и чтить Его Завет. «Если же вы будете делать

Помазание Соломона на царство.

Ю. Карольсфельд.

Гравюра

зло, то и вы, и царь ваш погибнете» (1 Цар 12:25). Иными словами, царь был уравнен перед Богом со всеми его подданными.

Особое место в ветхозаветной религии принадлежит Давиду, зятю Саула, которому суждено было сменить его на троне и совершить переворот во всей истории Израиля, хотя он не был ни пророком, ни учителем веры. Он — основатель Иерусалима как духовного центра Израиля, великий религиозный поэт-псалмопевец, его имя связано с зарождением библейского мессианизма, составляющего самую суть Священной истории.

Саул — первый «правитель народа Божия» — погиб на поле битвы. Народное собрание в Хевроне около 1000 г. до Р.Х. провозгласило царем над всеми коленами тридцатилетнего Давида.

Дружина Давида уже имела большой боевой опыт. Когда филистимляне появились на равнине Рефаимской, воины Давида сумели напасть на них с тыла и нанести тяжелое поражение. До самого

Газера преследовали израильтяне неприятеля. Эта победа положила конец зависимости Израиля. Впоследствии несколько кампаний Давида на западе полностью обессилили филистимлян и принудили их заключить мир.

Военные успехи Давида привели к созданию империи, объединившей не только родственные евреям народы — амонитян, идумеев и моавитов, но и области арамеев-сирийцев. Северные соседи — финикийцы вступили с Давидом в дружественный союз.

Но самым большим достижением Давида было создание общеизраильской столицы. Царь обратил свой взор на мощный замок Сион, возвышавшийся над потоком Кедронским на высокой скале. Замок был назван «Град Давида», а окружавшему его городу было возвращено древнее название Иерусалим.

Все эти годы Ковчег находился на хранении в частных руках. Давид решает торжественно перенести его в новую столицу и тем самым сделать Сион Святым Градом.

Около 995 г. до Р.Х. произошло торжественное перенесение «Трона Ягве» в Иерусалим. Воскрешая традицию кочевой эпохи, Давид не внес Ковчег в дом, но поставил его под сенью походного шатра.

Перенесение Ковчега Завета на гору Сион явилось событием исключительной важности. Был основан духовный центр ветхозаветной религии, которому со временем суждено будет играть огромную роль. Иерусалим станет Святым Градом народа Божия, а впоследствии — Церкви. И хотя Иерусалим существовал уже за пятьсот лет до Давида, но сделал его тем, чем он стал, только Давид, перенеся в него Ковчег Завета.

В одном древнем тексте, приписываемом Давиду, Бог заключает с «предводителем народа» Завет. От вождя требуется праведность и страх Божий, и тогда Бог исполнит обетование, говорящее об идеальном царе рода Давида, который станет основателем Царства Божия на земле. В течение веков эта вера в Грядущего Царя и Царство будет все более и более просветляться

и одухотворяться. Когда через десять веков Иисус Назарянин явится среди людей, он будет назван Помазанником, Мессией, сыном Давида.

В 961 г. до Р.Х. Давид умер — сошел в могилу один из самых одаренных и выдающихся людей Израиля. Во многом принадлежа миру суеверий и кровной мести, миру узкому и ограниченному, он внес свой вклад в создание народа Божия, дав ему Святой Град.

Сын Давида Соломон был мало похож на отца. Выросший в роскоши и не изведавший жизни, он вступил на престол, когда ему еще не было двадцати лет. Он не знал ни войн, ни трудностей, ни опасностей. Мать имела на него большое влияние, и он очень считался с ней. Очевидно, прислушивался он и к голосу пророка Нафана, который способствовал его вступлению на трон. И, вероятно, лишь после смерти Нафана он решился осуществить мечту отца: построить в Иерусалиме храм Ягве.

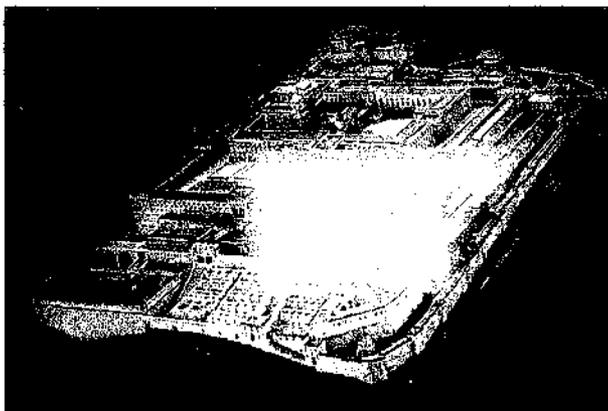
Храм строился несколько лет и был освящен в 950 г. до Р.Х. Он отличался благородной про-

Соломон строит Храм.

Ю. Карольсфельд.

Гравюра.

Храм Соломона и его окрестности.
Модель

стотой форм, был сложен из тесаных камней, внутри обшит ценным деревом, на которое была наложена позолота.

Как зримая, земная обитель Божия храм представлял собой Вселенную. Золотые светильники были звездами, два медных столба с узорными капителями символизировали силу произрастания; карнизы были украшены рельефами цветов, плодов, животных, херувимов (т.е. духов стихий).

Следует заметить, что все эти подробности храмового устройства были навеяны финикийским и египетским искусством. Но самой замечательной особенностью Соломонова храма были не эти заимствованные украшения, а то, что он был уникальным храмом, в котором отсутствовало изображение Божества.

Храм был построен на горе Мориа, рядом с Сионской горой. Перенос Ковчега в Дом Божий был превращен Соломоном в общенародный праздник.

Предание повествует, что во время освящения Дом Господень наполнился блистающим облаком в знак Богоприсутствия.

¹ Теократия — форма правления, при которой власть принадлежит священнослужителям единой (государственной) религии; автократия — правление, осуществляемое одним человеком.

Священная история

Израильское царство, 950—930 гг. до Р.Х.

Царствование Соломона было временем расцвета литературы. Этот расцвет был ярким свидетельством новой ступени в умственной и духовной истории народа. Именно в эти годы впервые изложены основы веры народа Израильского его понимания человека, мира и Бога.

С того времени, когда Бог открылся Израилю в событиях Исхода, странствований и завоевания, именно события истории в первую очередь становятся свидетельством Божественного Промысла. Поэтому и символ веры Израильского берет форму исторического повествования, следовательно, а в царствование Соломона — писания. Неизвестно, как называлась эта первая Священная история и кто был ее боговдохновенный автор. В библейской науке его принято называть «ягвистом», так как он предпочитает употреблять имя Божие Ягве и считает, что его знали еще Моисей.

Ягвистический Бытописатель¹ был одним из апостолов Ветхого Завета. Обращаясь к своим современникам, он нес им возвышенную историю, но говорил с ними на языке, понятном самым широкому кругу. Среди страниц, написанных человеческой рукой, едва ли можно где-нибудь еще встретить такое изумительное сочетание родной формы с глубоким духовным содержанием. Правы поэтому те, кто называет Бытие кенотическим для младенцев, и для мудрецов.

Священная история для ягвиста — это драма, разыгрывающаяся между небом и землей. Это Бог и человеком. Он утверждает примат Божества в Творении. Бог сначала творит человека, потом создает для него райский сад Эдем с различными животными.

Человек оказывается, с одной стороны, рабом земли, а с другой — особым духовным творением Божиим. Это двуединство бытия человека в начале века Бытописатель подчеркивает не раз. Не раб и не для праздности поселяется человек в Эдеме, а для того, чтобы возделывать и хранить его. Посреди Эдема возвышаются Древо Жизни и загадочное Древо Познания добра и зла.

Грехопадение.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Для ягвиста Древо Жизни — прежде всего источник бессмертия. Бог не закрывает человеку путь нему и тем самым продолжает свое особое попечительство о человеке. Он запрещает ему лишь вкушать плоды Древа Познания, предупреждая, что это грозит человеку гибелью.

Создав животных «из земли», т. е. из того же вещества, что и человека, Ягве приводит их к нему, чтобы «видеть, как он назовет их» (Быт 2:19). Наречение имени в лексиконе Древнего Востока означало проявление власти. Цари-победители обычно давали покоренным царям новые имена. Таким образом, здесь ясно утверждается царственная власть человека над миром. И не только власть. Осмотрев всех животных, человек не нашел себе «помощника, подобного ему» (Быт 2:20). Проще невозможно было выразить уникальность человека в природе.

Человеку может быть равен только человек. И поэтому Ягве создает ему «помощника» из него самого. «Вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Быт 2:23), — говорит человек, когда видит жену. Рассказ завершают слова ягвиста,

которыми освящаются любовь и брак: «Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть» (Быт 2:24).

Первая женщина, по выражению ягвиста, «мать всех живущих» (Быт 3:20). Эта краткая формула опровергает все сомнения относительно единства человеческого рода.

Ягвист решительно не принимает мысль о том, что зло создано Богом. Напротив, в творении все прекрасно и гармонично, хотя и не окончено. Земля обнажена и пустынна, но она ждет человека-творца, и на ней появляется Эдем, начало мирового цветения. Человек не только господин природы, окружающей его, но и господин над своей собственной природой. Его плотская, стихийно-чувственная жизнь протекает естественно и гармонично. Об этом свидетельствует нагота первых людей, которым нечего было стыдиться. Древо Жизни, от которого человек еще не вкусил, ожидало его. И если вспомнить о многогранном значении этого символа, то можно думать, что оно обещало не только вечную жизнь, но и приобщение к высшей мудрости.

Осененный Божественным благословением, призванный быть владыкой мира, человек, согласно Библии, получает предостережение от Ягве. Ему угрожает гибель, если он вкусит от Древа Познания добра и зла. Эта заповедь есть как бы пробный камень для испытания преданности человека воле Творца.

Бог — предмет зависти, Бог-соперник, Бог как нечто чуждое — вот что рождается в помраченном грехом сознании человека и толкает его на преступление заповеди. То, что этот надлом в отношении человека к Богу произошел в самом начале существования человека, подтверждает магизм, паразитирующий на религии уже в самые ранние эпохи предыстории.

Ягвист знает, что человек пошел на преступление под воздействием враждебных сил. Но кто они, эти силы? Следует признать, что ягвист не мог найти для них более подходящей маски, чем маска змея.

Змей соблазняет Еву нарушить запрет. Их беседа передана с такой неподражаемой живостью, с таким тонким знанием человеческой психологии, что остается на века типичным образом соблазна и падения. Змей заставляет женщину усомниться в истинности того, что сказал Творец, и она делает выбор, доверяя больше змею, чем Богу...

Отныне Эдемский сад закрыт для людей. Херувим и огненный меч охраняют доступ к Древу Жизни (Быт 3:24). Херувимы были олицетворением бури, и статуи их ставились как стражи дворцов и святилищ. Точно так же и «пламенный меч» обозначает атмосферный огонь, охраняющий запретные сферы. Эти древневосточные образы должны означать, что человек был лишен богообщения и вечной жизни.

Нередко представляют дело так, будто грех обрек человека на труд. На самом деле, как мы видели, человек еще в Эдеме вел активную созидательную жизнь. Но отпадение от Бога наложило проклятие на землю, и труд из радостного превратился в мучительный и тягостный. Природа вооружается против человека, и он принужден добывать себе пропитание «в поте лица» до тех пор, пока не возвратится в землю, из которой был взят (Быт 3:17—19).

Вслед за первой трагедией Священная история говорит о второй: о *братоубийстве*. Если первый бунт был направлен прямо против Бога, то теперь человек идет против человека.

Но и в этом преступлении обнаруживается искажение религиозного сознания. Когда Каин и Авель принесли жертвы, Ягве благосклонно принял дар Авеля, а Каиново приношение отверг. Каину было досадно, «и поникло лице его» (Быт 4:5). (Причина предпочтения Авеля не указана, но она, несомненно, содержалась в утерянной части рассказа.) Охваченный злобой Каин решил убить брата, который якобы похитил у него благословение. Ведь жертвоприносителей было только двое, и со смертью Авеля Каин мог рассчитывать на особое внимание со стороны Бога. Само же убийство он надеялся скрыть от Ягве. Таким об-

Жертвенник пророка Или
на горе Кармил

разом, Каинов грех коренился в наивном убеждении, что небесные дары можно получить путем насилия и обмана. Это убеждение, столь характерное для магизма, ягвист разрушает тем, что показывает Всеведение Бога, Который проникает в глубины человеческого сердца и видит истинные мотивы поступков. Ягве еще до братоубийства предупреждает Каина, что «у дверей грех лежит» и надо «господствовать» над ним (Быт 4:7). Поэтому в отношении к Богу человек должен руководствоваться только искренностью и чистосердечием.

В шестой главе Бытия ягвист говорит о брачном союзе людей со сверхчеловеческими существами. Замечательной чертой сказания является то, что здесь люди действуют уже совершенно независимо от Бога. Если еще Каин лицом к лицу говорит с Ягве, то «сыны богов», женщины и их потомки исполнены действуют уже вполне автономно, так, будто бы Бога не существует. Раствление захватывает человеческий род, и зло торжествует.

Однако Бытописатель показывает, что в мире царит закон воздаяния. За преступлением следует наказание: Адам лишается Древа Жизни; Каин изгоняется в бесплодную пустыню; исполины и весь развращенный род человеческий также не могут избежать возмездия.

Библейский автор говорит о катастрофе, допущенной Небом за человеческие преступления. Ной и его семья спасаются не благодаря прихоти или конкуренции богов, — он избран как единственный праведник среди развратившегося людского рода.

Был ли потоп всемирным? Те, кто ищет в Библии фактов геологических, будут разочарованы; здесь поэтическая оболочка сказания заслоняет внешние детали. К тому же понятие «мир» было для древних весьма ограниченным, оно не шло дальше Средиземного моря и Двуречья. При этом надо отметить, что Библия часто употребляет слово «земля» и даже «вся земля» для обозначения только лишь одной локальной местности.

Илия на горе Хорив.

Ю. Карольсфельд.

Гравюра

Потомки Ноя в библейском повествовании стали родоначальниками трех основных языково-племенных групп древности: семитов, яфетидов и хамитов². Этими племенами для автора Книги Бытия ограничивалось человечество.

Сказание о сынах Ноя завершается последним актом богоборческой драмы: строительством города Вавилона и сооружением Башни. Она оказывается недвусмысленным символом империй, подчинивших себе людей путем насилия. Сплочению человечества в Боге и через Бога строители «Вавилона» противопоставляют единение внешнее, на чисто человеческой основе, и для этого воздвигают свою исполинскую Башню. Со времен вавилонян, фараонов и ассирийцев, персов, македонцев и римлян вплоть до конца нашего столетия высятся на дороге истории обломки этих недостроенных имперских башен.

Башня-империя есть символ попытки «устроиться без Бога на земле». Вновь и вновь хлопочут строители, вновь и вновь озабочены решением задачи «устроения» общества (чтобы нам не рассеяться по лицу земли), но вновь и вновь сходит Господь «посмотреть город и

разом, Каинов грех коренился в наивном убеждении, что небесные дары можно получить путем насилия и обмана. Это убеждение, столь характерное для магизма, ягвист разрушает тем, что показывает Всеведение Бога, Который проникает в глубины человеческого сердца и видит истинные мотивы поступков. Ягве еще до братоубийства предупреждает Каина, что «у дверей грех лежит» и надо «господствовать» над ним (Быт 4:7). Поэтому в отношении к Богу человек должен руководствоваться только искренностью и чистосердечием.

В шестой главе Бытия ягвист говорит о брачном союзе людей со сверхчеловеческими существами. Замечательной чертой сказания является то, что здесь люди действуют уже совершенно независимо от Бога. Если еще Каин лицом к лицу говорит с Ягве, то «сыны богов», женщины и их потомки исполнены действуют уже вполне автономно, так, будто бы Бога не существует. Раствление захватывает человеческий род, и зло торжествует.

Однако Бытописатель показывает, что в мире царит закон воздаяния. За преступлением следует наказание: Адам лишается Древа Жизни; Каин изгоняется в бесплодную пустыню; исполины и весь развращенный род человеческий также не могут избежать возмездия.

Библейский автор говорит о катастрофе, допущенной Небом за человеческие преступления. Ной и его семья спасаются не благодаря прихоти или конкуренции богов, — он избран как единственный праведник среди развратившегося людского рода.

Был ли потоп всемирным? Те, кто ищет в Библии фактов геологических, будут разочарованы: здесь поэтическая оболочка сказания заслоняет внешние детали. К тому же понятие «мир» было для древних весьма ограниченным, оно не шло дальше Средиземного моря и Двуречья. При этом надо отметить, что Библия часто употребляет слово «земля» и даже «вся земля» для обозначения только лишь одной локальной местности.

Илия на горе Хорив.
Ю. Карольсфельд.

Гравюра

Потомки Ноя в библейском повествовании стали родоначальниками трех основных языково-племенных групп древности: семитов, яфетидов и хамитов². Этими племенами для автора Книги Бытия ограничивалось человечество.

Сказание о сынах Ноя завершается последним актом богоборческой драмы: строительством города Вавилона и сооружением Башни. Она оказывается недвусмысленным символом империй, подчинивших себе людей путем насилия. Сплочению человечества в Боге и через Бога строители «Вавилона» противопоставляют единение внешнее, на чисто человеческой основе, и для этого воздвигают свою исполинскую Башню. Со времен вавилонян, фараонов и ассирийцев, персов, македонцев и римлян вплоть до конца нашего столетия высятся на дороге истории обломки этих недостроенных имперских башен.

Башня-империя есть символ попытки «устроиться без Бога на земле». Вновь и вновь хлопочут строители, вновь и вновь озабочены решением задачи «устроения» общества (чтобы нам не рассеяться по лицу земли), но вновь и вновь сходит Господь «посмотреть город и

Явление Ангела Или Пророку.

Г. Доре.

Гравюра

Башню» (Быт 11:4–5), и неизменно плоды демонической гордыни рушатся, точно сделанные из песка.

Но именно тогда, когда завершается рассказ о Башне, Бытописатель впервые говорит о возможности спасения человечества. Не рассуждая как богослов и не дерзая говорить о сокровенном, он лишь исповедует веру.

Ягвист и его единомышленники отвергли языческие концепции о круговороте и цикличности, разрушили миф о статичной Все-

ленной и увидели мир и человечество как историю, драму, становление, как прелюдию к Царству Божию. Это учение будет углубляться и одухотворяться великими библейскими пророками.

¹ Бытописатель — здесь: автор Книги Бытия.

² Современная наука различает племенное (этническое) родство и языковое родство; при племенных контактах (мирных или военных) одно племя зачастую принимало язык другого, смешиваясь с ним.

Борьба за веру. Пророк и царь Израиль и Иудея, 930—850 гг. до Р.Х.

В последние годы царствования Соломона Северные области стали очагом непрерывных волнений. Одно из самых значительных восстаний было вдохновлено пророком *Ахией* из Силома, побудившим к мятежу эфраимита *Иеровоама*.

Фараон, который состоял в союзе с Соломоном, умер, и теперь царствовал *Сукаким I* (935—914 гг. до Р.Х.). Смуты в еврейском царстве внушали ему надежды на успех.

Началась цепь братоубийственных войн. Палестина снова стала добычей соседей. Единству Израильского царства был положен конец. Сукаким I не упустил случая вмешаться в борьбу

Севера и Юга. Вероятно, призванный на помощь Иеровоамом, он вторгся в Палестину, взял богатый выкуп у иудейского царя Ровоама, а потом прошел как победитель и по землям своего недавнего союзника. Воспользовались ослаблением Израиля и сирийцы Дамаска.

Иеровоам I (922—901 гг. до Р.Х.) оказался во главе северного Эфраимского, или Израильского, царства, по размерам гораздо большего, чем Иудея, и где сосредоточивалось основное крестьянское население.

Уступив языческим инстинктам толпы, Иеровоам низвел ягвизм на уровень примитивной земледельческой религии. Деревянный бык, покрытый листовым золотом, превратился в настоящего идола, которому оказывались божеские почести.

Илия воскрешает сына вдовы.

Г. Доре.

Гравюра

Однако, с какой бы быстротой ни распространялась языческая эпидемия, оппозиция созрела не менее быстро. Вновь появились общины пророков, именовавшиеся, как и встарь, Сынами пророческими. Среди них был *Илия Фесвитянин*.

Он пришел с Востока, с границ пустыни. Вид его поражал с первого взгляда: смуглое лицо, обрамленное косматой гривой волос, простая пастушеская власяница; движения его стремительны, он резок, импульсивен, весь в порыве, как бы в огне и буре.

Его имя означает «Мой Бог — Ягве». В этих словах — кредо загадочного странника, альфа и омега¹ его учения.

Илия произвел огромное впечатление на современников, быть может, самое большое после Моисея. Его окружал ореол легенд и тайн. Народ смотрел на него с каким-то суеверным страхом. Столетия спустя он продолжал свое странствие по земле. Говорили, что он явится помазать на царство Мессию. Евреи оставляли для него прибор за трапезой; он взирал на мир с византийских фресок и русских икон.

Илия сохранился в памяти людей как заступник гонимых перед сильными мира сего, как

пророк униженных и оскорбленных. Это сделало его имя бессмертным.

Илия был как бы вторым Моисеем Израильской религиозной истории. В решительный момент, когда угроза язычества была самой серьезной, он нанес по нему сокрушительный удар.

Исполнская фигура Илии стоит, как маяк, на стыке двух эпох. Он был суровым воином, высоко поднявшим знамя Моисея, и своей борьбой расчистил путь великим еврейским пророкам.

Но ни Илию, ни пророков, которые пришли ему на смену через столетие, нельзя рассматривать как изолированные явления. В то время уже все человечество как бы просыпалось после магического сна, готовясь освободиться от власти демонов, тяготевшей над миром. Авторы Упанишад и Будда, Лао-цзы и Заратустра, Анаксагор и Сократ одновременно с Амосом и Исией готовились открыть миру новые пути Богопознания.

¹ Альфа и омега — первая и последняя буквы греческого алфавита. Выражение употребляется как обозначение начала и конца, ср. слова Апокалипсиса: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь» (Откр 1:8); «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» (Откр 1:10).

III. У ВРАТ МОЛЧАНИЯ

Духовная жизнь Китая и Индии в середине первого тысячелетия до Р.Х.

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

На берегах Хуанхэ
Китай, VIII—VI вв. до Р.Х.

Высокий желтолицый старик с длинной бородой, густыми черными бровями и голым шишковатым черепом. Таким запечатали его китайские художники. Нередко его изображали сидящим на быке, который уносил его в далекие неведомые края. По преданию, последним, кто видел старика, был начальник пограничной заставы, получивший от него на память удивительную книгу «О пути к добродетели». Расставшись с ним, мудрец отправился куда-то далеко на Запад. Фигура его растаяла, подобно призраку, среди горных проходов. С этого дня никто о нем больше не слышал.

Он был известен всем под прозвищем *Лао-цзы*, что значит «Старое дитя» или «Старый мудрец». Временем его рождения многие считали 604 г. до Р.Х.

Свое учение философ изложил в «Дао дэ цзин» — книге «О пути к добродетели».

Лао-цзы родился в стране, само название ко-

торой уже давно стало синонимом всего консервативного, рутинного, неподвижного.

В китайской религии, как и в большинстве языческих культов, сохранились следы первоначального единобожия. Китайцы знали о некоем Верховном начале, которое называли *Тянь* (Небо) или *Шан-Ди* (Господь). Характерно, однако, что

это Высшее начало почиталось праотцем народа, как бы главой огромной семьи китайцев. Поэтому к нему подобало относиться с таким же, если не с большим, уважением, как к вану¹, главе рода или старшему в семье. Это «почтительное» отношение выражалось, в частности, в жертвоприношениях Небу. Царь, будучи потомком Верховного Царя Неба, был одновременно и верховным жрецом. Его приближенные и главы родов также имели жреческие полномочия и совершали ритуалы, посвященные богам и духам. Поэтому не было необходимости в особом священническом сословии.

Храм Неба.

Пекин.

1420 г.

III. У ВРАТ МОЛЧАНИЯ

Духовная жизнь Китая и Индии в середине первого тысячелетия до Р.Х.

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

На берегах Хуанхэ
Китай, VIII—VI вв. до Р.Х.

Высокий желтолицый старик с длинной бородой, густыми черными бровями и голым шишковатым черепом. Таким запечатлели его китайские художники. Нередко его изображали сидящим на быке, который уносил его в далекие неведомые края. По преданию, последним, кто видел старика, был начальник пограничной заставы, получивший от него на память удивительную книгу «О пути к добродетели». Расставшись с ним, мудрец отправился куда-то далеко на Запад. Фигура его растаяла, подобно призраку, среди горных проходов. С этого дня никто о нем больше не слышал.

Он был известен всем под прозвищем Лао-цзы, что значит «Старое дитя» или «Старый мудрец». Временем его рождения многие считали 604 г. до Р.Х.

Свое учение философ изложил в «Дао дэ цзине» — книге «О пути к добродетели».

Лао-цзы родился в стране, само название ко-

торой уже давно стало синонимом всего консервативного, рутинного, неподвижного.

В китайской религии, как и в большинстве языческих культов, сохранились следы первоначального единобожия. Китайцы знали о некоем Верховном начале, которое называли Тянь (Небо) или Шан-Ди (Господь). Характерно, однако, что

это Высшее начало почиталось праотцем народа, как бы главой огромной семьи китайцев. Поэтому к нему подобало относиться с таким же, если не с большим, уважением, как к вану¹, главе рода или старшему в семье. Это «почтительное» отношение выражалось, в частности, в жертвоприношениях Небу. Царь, будучи потомком Верховного Царя Неба, был одновременно и верховным жрецом. Его приближенные и главы родов также имели жреческие полномочия и совершали ритуалы, посвященные богам и духам. Поэтому не было необходимости в особом священническом сословии.

Храм Неба.

Пекин.

1420 г.

С VIII в. до Р.Х. в Китае настало неспокойное время; старинные песни полны жалоб на неурядицы и междоусобицы. Соперничество феодалов, жестокость и произвол, рост преступности, грозные стихийные бедствия — тако-вы были черты эпохи.

И тогда-то появляется «Старый мудрец» Лао-цзы и без назойливости суетливых «ученых», без шума, как бы шепотом на ухо всему миру сообщает открывшуюся ему тайну вещей.

«Есть бытие, — говорит он, — которое существует раньше, нежели небо и земля. Оно недвижимо, бестелесно, самобытно и не знает переворота. Оно идет, совершая бесконечный круг, и не знает предела. Оно одно только может быть матерью неба и земли. Я не знаю его имени, но люди называют его Дао».

Дао буквально означает «Путь», но в китайском языке оно обладает таким же многогранным смыслом, как греческий термин «Логос». Им обозначали правило и порядок, смысл и закон, высшую духовную Сущность и жизнь, пронизанную этой Сущностью.

Поскольку Дао — духовное начало, его невозможно постичь ни зрением, ни слухом, ни осязанием. Все видимое бытие бесконечно ниже его. Поэтому философ осмеливается назвать Дао Небытием. Оно не существует так, как существуют горы, деревья, люди. Его реальность превосходит реальность земного и чувственного.

«Смотрю на него и не вижу, а потому называю его Невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его Неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его Мельчайшим... Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается в Небытие. И вот называют его формой без формы, образом без существа... В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в Небытии».

Мудрец созерцает Дао, не выходя из дома: «не выглядывая из окна, он видит естественное Дао». Условием «достижения Дао» является самоуглубление и духовное очищение. «Кто свободен от страстей, видит его чудесную тайну»; тот, кто достигает созерцания Божества, сливается с Ним воедино, обретая вечный покой. «Человек с Дао —

Лао-цзы уезжает на Запад.
Статуэтка

тождествен Дао», он как бы покоится в лоне бытия, наслаждаясь неизреченной тишиной и ощущая, как в его душу вливается сама Вечность.

Люди терзаются алчностью, завистью, честолюбием. Правители угнетают народ, соперничают друг с другом, поднимают войска, чтобы захватить чужие земли. Философ обращается к царям и полководцам, кричащим о своих триумфах: «Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей... Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать».

Вообще вся человеческая деятельность представляется Лао-цзы бесплодной суетой. Люди торопятся, копошатся, мятутся, а Дао пребывает в божественной безмятежности. Не двигаясь, оно движется, не делая, оно творит.

Человеческие знания, науку и просвещение, обычаи и социальные нормы цивилизации — все это Лао-цзы безоговорочно отвергает.

Рассказывали, что некоторые последователи Лао-цзы уходили в горы и жили там, погруженные в созерцание и безмолвие. Они восседали неподвижно среди скал многие годы; лица их омывал дождь, ветер расчесывал волосы, их руки покоились на груди, обвитые травами и цветами, растущими прямо на их теле.

Говорят, что Конфуций, всю свою жизнь посвятивший пропаганде древних обрядов, посетил однажды Старого мудреца, и тот убеждал изумленного Конфуция в том, что все его попытки усовершенствовать общество путем искусственной регламентации обречены на бесплодие. Для того чтобы достичь совершенства, нужно возвыситься над всем временным и спокойно плыть по течению великой реки Жизни. «Голубь белый не потому, что он каждый день купается».

Быть может, наиболее прямыми духовными наследниками «Дао дэ цзина» явились люди искусства. В атмосфере умеренности и здравого смысла китайские поэты умели, сбросив все путы, сберечь священное безумие, которое завещал им Лао-цзы. Они внимали голосу Дао и отдавались его баюкающему шепоту. А художники искали в красоте природы той священной «естественности», которая возвращала их в лоно Целого. С каким-то поистине религиозным благоговением китайские живописцы изображали природу: причудливые скалы, побеги бамбука, пестрых бабочек, золотых рыбок и птиц.

Для европейца, который хотел бы найти путь к пониманию самого ценного, что есть в душе китайской культуры, эти изумительные шедевры могут послужить первой ступенью. Здесь, как нигде в Китае, мы обнаруживаем те общечеловеческие духовные корни, которые являются залогом сближения всех народов.

¹ Ван — княжеский титул в Древнем Китае.

По заветам предков Китай, 551—479 гг. до Р.Х.

Имя *Конфуций* — латинизированная форма китайского имени Кун-цзы, т. е. учитель Кун. Он родился в княжестве Лу около 551 г. до Р.Х. Семья его принадлежала к старинному аристократическому роду, к тому времени почти разорившемуся.

Конфуций в душе всегда был служилым человеком, честным чиновником, его постоянно заботили неурядки в стране. Под влиянием того,

что он видел на службе, и того, что он нашел в старых книгах, у него сложилось убеждение, что народ давно сбился с дороги и что только возврат к древнему укладу жизни может спасти его.

Конфуций не задавался вопросами о смысле жизни, о Боге и бессмертии. Его не волновали тайны природы и трагичность человеческого существования. Главным для него было найти путь к спокойному процветанию общества.

На вопрос, существует ли бессмертие, Конфуций уклончиво отвечал: «Мы не знаем, что такое жизнь, можем ли мы знать, что такое смерть?»

Конфуций считал, что человек должен научиться без всяких наказаний следовать правилам гуманности и этикета. Гуманность и этикет упрочают семью; в свою очередь, это создает мир в государстве, а государство, в котором все благополучно, принесет человеку счастливую жизнь.

Таким образом, перед нами первая в истории попытка построения *автономной морали*, которая не связана с религией и Откровением. Здесь обнаруживается ахиллесова пята конфуцианского учения. Выступая против тех, кто желал строить общество только на насилии и страхе наказания, Конфуций захотел утвердить его на чисто этических принципах, между тем сами эти принципы оказывались у Конфуция без опоры. Он верил в то, что человек по природе больше склонен к добру, чем ко злу, и надеялся на эффективность нравственной проповеди.

В то время как Лао-цзы проповедовал «недеяние» и первобытную простоту, Конфуций настаивал на необходимости активного вмешательства в ход событий.

Конфуций постоянно указывал на необходимость нравственного авторитета правительства. «Правление есть исправление, — говорил он князю. — Если вы будете показывать пример справедливости, то кто осмелится поступать несправедливо?.. Если вы не будете алчны, люди не станут воровать».

Но как направить правительство по пути осознания его нравственного долга? У Конфуция и на это был готов ответ. Правитель должен иметь возле себя ученого, который руководил бы его поступками, был бы голосом его совести и блюс-

Четырехликий Шивилингам.

V в.

тителем традиций. Такую роль советника Конфуций, естественно, предназначал себе.

Постепенно Конфуцию пришлось убедиться в том, что князья меньше всего интересуются его наставлениями. С тех пор он окончательно «познал веление Неба»: пусть ему не суждено быть министром, он найдет другой способ служить народу.

Начались годы скитаний. Конфуция повсюду сопровождала большая толпа учеников, которые делили с ним тяготы кочевой жизни.

Ученики похоронили Конфуция со всей строгостью древнего погребального ритуала. Впоследствии над его могилой был воздвигнут храм, где многие поколения приносили жертвы перед его поминальной доской¹.

Конфуцианский идеал — не просто экзотическая философия, а первая попытка сформулировать учение о том, что конечная цель человека —

чисто земная, что нравственность может быть укреплена независимо от религии, что все высшие запросы духа могут быть устранены из сознания, а трагичность жизни преодолена созданием гармоничного общества. Совершенно очевидно, что эта доктрина — общечеловеческий соблазн, а не просто китайское изобретение.

Китай, таким образом, выдвинул два крайне противоположных решения проблемы жизни. С одной стороны, Лао-цзы возвестил миру о тайне Высшего Бьтия и призвал к мистическому созерцанию. А с другой — Конфуций объявил высшей ценностью земное существование и увидел спасение в устойчивом общественном режиме.

¹ Поминальная доска — в китайской культуре памятником усопшему служила стела с его жизнеописанием, включающим восхваление характера, знаний и деяний.

ИНДИЯ ОТ БРАХМАНИЗМА ДО БУДДЫ

«Тайное учение»

Индия, ок. 800–600 гг. до Р.Х.

В ту эпоху, когда в Израиле пророк Илия боролся с Ваалом¹, а в Ионии Гомер воспевал Троянскую войну, в лесах Индии, окружающих города и селения, появляются толпы странных обитателей; почти обнаженные, прикрытые лишь длинными космами спутанных волос, с исхудалыми лицами, — новые насельники джунглей могут показаться лесными духами, порождениями диких тропических чащ. Индийцы называют этих пустынных мунни.

В Индии к тому времени воцарилось самое грубое идолопоклонство: над алтарями стали воздвигать устрашающих кумиров, творцами которых руководило болезненное воображение.

Если в эпоху Риг-Веды кровавые жертвы были редки, то теперь человеку, который дарил богам негодных коров, грозили адом. Вознося жертву на алтарь, человек обращался к божеству со словами: «Если ты дашь мне — я дам тебе, если ты наградишь меня — я награжу тебя», и таким образом он заключал «контракт» с потусторонними силами.

Это была болезнь, свойственная, как мы видели, всем древним религиям. Но в одних случаях мертвящий магизм погребал родник духа под пирамидой обрядов, в других же — жажда истины вновь прорывалась через все наслаения. Эта жажда и привела в джунгли молодых индийских отшельников.

К шалашам отшельников бесконечной вереницей текли ученики, и здесь, вдали от страстей и шума, в сказочном царстве тропических чащ, гуру² вели долгие беседы с юными богоискателями.

В чем сущность мудрости мунни, ради которой ученики оставляют светскую жизнь и ее удовольствия?

Мы никогда не узнали бы об этом, если бы индийские гуру не сохранили записей своих бесед, размышлений, притч, мистических поэм. Они

были впоследствии включены в веды под общим названием «Упанишад».

Претендуя на познание всех тайн природы и человека, авторы Упанишад слишком пренебрегали разумом. Сколь бы ни была глубока сила интуиции, она всегда нуждается в помощи разума как начала кристаллизующего и дополняющего то, что открыто созерцанием.

Страницы Упанишад пестрят вопросами, их несметное число, одни порождают другие. Порой кажется, что это голос самого человечества, вопрошающего и испытующего, для которого весь мир — загадка.

За всеми вопросами Упанишад кроется один, который и тревожит более всего: есть ли смысл в человеческом существовании? Как связан тленный с Нетленным, с Вечностью? Ведь только через эту связь человек приобщается к подлинной жизни.

За пределами всего тварного и ограниченно-мистическому оку открылась Реальность, которую Лао-цзы называл Дао, Будда — Нирваной, каббалисты³ — Энсофом, христиане — Божественной Сущностью, Божеством.

На чем зиждется мироздание? — ставят вопрос Упанишад. И они же дают ответ: только на Брахмане⁴, хотя Вселенная и не сознает этого. Аскет Уддалака объяснил это своему сыну, прибегая к сравнению с деревом. «Как эти соки не знают различий и не говорят: я сок этого дерева, я — сок того дерева, точно так же, дорогой мой, все эти творения, входя во сне в Сущее, поистине не знают этого и не говорят: мы входим в Сущее». Бессознательное состояние, транс — вот что приводит мир и человека к их подлинному истоку, к неподвижной божественной Субстанции.

В творении Упанишад видят не что иное, как рождение, эманацию, излияние мира из недр Абсолюта.

«Как паук выпускает из себя и вбирает в себя паутину, как растение возникает на земле, как волосы возникают на голове человека, так из Непределяемого возникает все в этом мире».

Тем самым зачеркивается грань, которая отделяет Абсолют от твари, они оказываются по своей природе тождественными.

Кришна, поднимающий гору Говардхан.
Миниатюра. XVIII в.

Тут мы видим коренное отличие брахманизма от библейского Откровения, утверждающего *чудо творческого акта* как основу отношений Бога и мира. Слово Творца вызвало Вселенную из небытия. Мир не есть Божество, и именно поэтому между Несозданным и тварью возможны встреча, союз, диалог. В брахманизме такому отношению нет места, ибо все есть Бог.

Мир создан Разумом и Любовью, поэтому он наделен свободой. И даже тогда, когда, пользуясь этой свободой, он удаляется от Бога к небытию, он продолжает оставаться в сфере Любви. «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного...» (Ин 3:16). Высшая любовь оказывает свое творческое воздействие и на падший мир.

Не так понимали основу миротворения ясновидцы Индии. Опьяненные священным мраком экстаза, единожды прикоснувшись к мистической

чаше, они оказались не в силах постичь истинное назначение зримого мира. Он утратил для них всякую ценность.

Человек должен навсегда отбросить все, что связывает его с миром, вооружиться методами созерцательной йоги, поднимаясь по ступеням экстаза.

Отрешенному чужды не только обряды, но и все, чем живут люди: ненависть и любовь, добро и зло. Он бесконечно далек от слабых и невежественных, он — сверхчеловек.

Естественно поэтому, что брахманская религия не вышла за пределы отшельнических скитов.

¹ Ваал — языческое божество; часто ваалам приносили человеческие жертвы; об Илии и жрецах Ваала см. 3 Цар 18.

² Гуру — учитель, наставник в индийской религиозно-философской традиции.

³ Каббалисты — приверженцы одного из течений ветхозаветной мистической философии.

⁴ Брахман — так в индуизме обозначается перводвижущее начало, первооснова всякого бытия.

Провозвестие Кришны. Бхагавад-Гита Индия, ок. 600 г. до Р.Х.

Постоянный гнет обыденности давит на сознание человека; большинство из нас значительную часть своей жизни не может вырваться из-под ее ига. Чувство обыденности есть величайшая ложь, затмевающая наше сознание. Эта серая отравка искажает подлинную картину мира, пропитанный ею человек утрачивает чувство тайны, чувство чудесного, он перестает ощущать дыхание Вечности, он забывает что она где-то рядом. Мы так же легко погружаемся в суетный поток обыденности, как забываем, что земля наша есть лишь планета, проносящаяся в ледяной пустоте Вселенной. Кто знает, не явилось ли чувство обыденности как бы защитной реакцией слабеющего духа перед могучим натиском высшей реальности бытия? Быть может, мы уже неспособны постоянно выносить ее свет? И вот наши духовные глаза закрылись, наша интуиция притупилась, исчезли лики и живые

духовные силы, серая пелена опустилась на все; воцарилась обыденность... но время от времени дух, просыпаясь, делает отчаянные попытки освободиться от лживой иллюзии обыденности, вернуть себе утраченное мироощущение, в котором вновь заговорят мертвые вещи, в котором все зазвучит, затрепещет, обретет таинственный и многозначительный смысл. Как вспышки молний, эти возвраты духовного видения освещают наш унылый путь. Если бы смерть застала нас в такую минуту, как ничтожна была бы она тогда, как безболезненно было бы ее жало! В минуты духовного просветления мы ее не боимся. Но кто может похвалиться, что это просветление сопутствует ему всегда? Даже величайших святых оно покидало.

И вот во мраке между двумя озарениями неземных светов мы стараемся удержаться от падения, продолжать свой путь, призывая на помощь всю силу разума и воли.

Ответом на этот вопль души, на это стремление к Богу явилось в Индии новое религиозное течение, связанное с именем *Кришны Васудевы*. Время его жизни относят обычно к VI в. до Р.Х. Никаких записей от него не осталось. Памятником учения Кришны является Бхагават-Гита, т.е. «Песнь Господня» — одно из величайших произведений религиозной поэзии всех времен и народов.

В чем же отличие кришнаизма от брахманизма? Оно заключается в том, что, согласно Кришне, к совершенству ведет не только мистическая отрешенность, но и бхакти — любовь, благоговение, вера.

Всякий, кто с доверчивым сердцем прибегает к Богу, не погибнет, кем бы он ни был.

«Ищущие у Меня крова,
Хотя бы они были дурного лона:
Женщины, вайшьи, даже шудры!
Идут путем высочайшим».

Вот поистине голос Божий! Любовь человека не тщетна, молитва его не бессмысленна, упование его не ложно.

Возвышенно учение Гиты о вере спасающей, о личном любящем Боге, благороден призыв ее к

Кришна, поднимающий гору.
Рельеф. XII в.

Голова Будды.
Таиланд. XV—XVI вв.

действию и бескорыстию, трогательной теплотой дышат ее строки, когда она касается этих предметов, строки, иногда называемые «индийским евангелием». Но все это не должно заслонить того факта, что это — лишь отдельные огоньки во мраке языческой ночи. И нигде эта тьма не предстает с такой силой, как в самой Гите!

Рядом с образом высшего благого Бога мы видим в ней вновь Сверхсущее Начало, которое извечно вращает мир, как на гончарном круге. В бесцельной космической игре, в круговороте Вселенная то рождается из Молчания, то вновь исчезает в нем. Непреходящий ввергает излившийся из него мир в колесо кармы, и горе тому, кто восстает против божественного кружения. Ради чего и для чего совершается это кружение? Нет конца, смысла и цели у бытия. Ничего изменить невозможно.

Учение Гиты не послужило началом духовного переворота в Индии. Пусть и сейчас мы восхищаемся многими ее строками — не следует переоценивать ее положительной роли в религиозной истории. Люди немудрящей и простосердечной веры не пришли через Кришну к единобожию. Мифология, как и прежде, продолжала громоздить монстров и наполнять храмы безобразными кумирами. Так постепенно складывался индуизм — эклектическая религия современной Индии, в которой безнадежно перемешаны идеи великих мистиков и поэтов с извращенным народным суеверием.

¹ Вайшьи и шудры — низкие касты и их представители в сложной социальной системе Индии.

ЖИЗНЬ И ПРОПОВЕДЬ БУДДЫ ГАУТАМЫ

Шакийский отшельник

Северо-Восточная Индия, ок. 530 г. до Р.Х.

Народ видел в отшельниках носителей духовной жизни и мудрости. И именно потому, что отшельники были искателями истинной жизни, отвергавшими жизнь ложную, и пришел к ним юноша, которого они стали называть «Шакия-муни», или «Шакийский отшельник». Его имя было Сиддхарта, а фамильное прозвище Гаутама. Он родился около 563 г. до Р.Х. близ Гималаев, на границе Непала. В Лумбини, неподалеку от города Капилавасту, и донныне сохранился памятник с надписью: «Здесь родился Возвышенный».

Отец Сиддхарты Шуддходана был раджей полузависимого княжества. Мать Сиддхарты умерла через несколько дней после его рожде-

Сидящий Будда.

110 г.

Голова Будды.

VI в.

ния. Раджа, безумно любивший ее, перенес все свое чувство на сына. Его рано стал тревожить характер ребенка. Еще мальчиком Сиддхарта любил предаваться смутным грезам и мечтам; отдыхая в тени деревьев, он погружался в глубокие созерцания, переживая моменты необыкновенных просветлений. Эти сладостные мгновения врезались в его память на всю жизнь. Боги, гласит предание, незримо окружали Возвыщенного и внушали ему любовь к мистической жизни.

Шуддходана решил любимым способом отвлечь сына от его мыслей и настроений. Для этого он не жалел средств. «Для меня, — вспоминал впоследствии Будда, — во дворце родителя моего были устроены пруды, где цвели в изобилии водяные лилии, водяные розы и белые лотосы; благовонные одежды из тонкой ткани носил я; из тонкой ткани был тюрбан мой и верхнее и нижнее

платье; днем и ночью осеяли меня белым зонтом из опасения, как бы прохлада, или эной, или пылинки, или капля росы не коснулись меня. И было у меня три дворца: один для зимнего житья, другой для летнего и третий для дождливой погоды года».

В тех редких случаях, когда царевич покидал свои сады и дворцы, по приказанию Шудходаны с его пути прогоняли всех нищих и больных. Люди должны были одеваться в лучшие одежды и с радостными лицами приветствовать Сиддхарту.

Но возможно ли спрятать жизнь от юноши, который с ранних лет задумывается над ее тайнами, можно ли скрыть от него ту печальную истину, что все вокруг полно страдания? Своими усилиями Шудходана сделал только еще нежнее и уязвимее душу сына. Легенда рассказывает, что однажды царевич, гуляя со своим возницей Чанной, неожиданно увидел дряхлого старика и, пораженный его видом, стал расспрашивать слугу о старости. Он был потрясен, когда узнал, что это общий удел всех людей.

Царевича охватило отвращение ко всему, ничто не могло вернуть безмятежного детства. Мир, жизнь оказались неприемлемыми. Это было восстание против самых основ мироздания, мятеж надъисторического значения.

«И вот, — рассказывал Будда, — еще в расцвете сил, еще блестяще-темноволосым, еще среди наслаждений счастливой юности, еще в первую пору мужественного возраста, вопреки желанию моих плачущих и стонающих родителей, обривши голову и бороду, покинул я родной дом свой ради неприютности и стал странником, взыскующим блага истинного на несравненном пути высшего мира».

В то время ему шел тридцатый год.

Изучив философские системы и поняв, что они не могут помочь разрешить мучившие его проблемы, Гаутама захотел обратиться к йогам-практикам.

Целый год он жил среди них, наблюдая их сверхчеловеческие подвиги, ведя с ними беседы, размышляя об их удивительном пути. Кое-что очень понравилось ему. Одного не мог он понять:

Статуя Будды.

Пещера Юньган. Китай.

V в.

Монгольский музей.

почему многие отшельники, изнуряя свою плоть, стремятся не к высшей свободе от страданий, а к лучшему возрождению в будущем или к временному блаженству среди светлых небожителей. Эти цели казались ему недостойными.

Покинув своих наставников-йогов, Гаутама уединился в джунглях, чтобы самому бесстрашно ринуться по пути самоистязания.

Для изнеженного аристократического юноши это было подлинным героизмом. Но он решил, что не остановится ни перед какими испытаниями ради того, чтобы достигнуть просветления и познать истинный путь спасения. Шесть долгих лет он бродил в чаще, почти ничего не ел, лицо его

Пещерный храм Юньган.

Китай.

V в.

стало страшно, оно почернело и невероятно исхудало, кожа сморщилась, волосы выпали, он стал похож на живой скелет.

И вот в один прекрасный день, когда после многочасовой неподвижности Гаутама пытался подняться, ноги, к ужасу наблюдавших эту сцену друзей, отказались его держать, и он замертво свалился на землю. Все решили, что это конец, но подвижник был просто в глубоком обмороке от истощения.

Отныне Гаутама решил отказаться от бесплодного самоистязания.

Счастливым случаем помог ему. Дочь одного пастуха, сжалившись над аскетом¹, принесла ему рисовой похлебки. Гаутама принял ее подаяние и впервые за долгое время утолил свой голод. С этого момента он навсегда отказался от крайностей аскетизма и признавал полезными лишь умеренные его формы.

Весь день он отдыхал в тени цветущих деревьев на берегу реки, а когда солнце склонилось к западу, устроил себе ложе среди корней огромного баньяна и отдыхал там на ночь.

И тут произошло самое значительное событие в жизни Гаутамы. Раздумья и муки, искания и самоотречения, весь его внутренний опыт, чрезвычайно изощривший и утончивший душу, — все это как бы собралось воедино и дало плод. Явилось долгожданное «просветление». Внезапно Гаутама с необыкновенной ясностью увидел всю свою

жизнь и почувствовал всеобщую связь между человечеством и незримым миром. Вся Вселенная как бы предстала перед его взором. И всюду он видел быстротечность, текучесть, нигде не было

покоя, все уносилось в неведомую даль, все в мире было сцеплено, одно происходило от другого. Таинственный сверхчеловеческий порыв уничтожал и вновь возрождал существа. Вот он, мучитель мира! Вот он, «строитель дома»! Это Тришна — жажда жизни, жажда бытия. Это она возмущает мировой покой. Сиддхарте казалось, что он как бы присутствует при том, как Тришна вновь и вновь ведет к бытию ушедшее от него. Теперь он знает, с кем нужно бороться, чтобы обрести избавление от этого страшного мира, полного плача, боли, скорби. Отныне он стал Буддой — Просветленным.

С этого момента и до последних дней Гаутамы мы будем встречаться с удивительным воздействием его на души людей. Самые невероятные притязания, самые горделивые эпитеты по отношению к

себе, провозглашение своей святости и совершенства — все это не только не вызывало возмущения у большинства его слушателей, а, напротив, обладало для них особым очарованием и притягательностью.

Однажды Будду спросили, какова посмертная участь одного великого подвижника. Он ответил

Будда, увенчанный короной.

XI в.

уничтожения, жизнь и сознающие себя личности должны исчезнуть навсегда. Это для них лучший удел.

Такова главная причина, почему религия столь возвышенная, как индийская, не могла стать преддверием к Евангелию.

И все же жизнь и проповедь Гаутамы были одним из величайших событий в истории духа.

Значение Просветленного отнюдь не исчерпывается нравственным или философским содержанием его учения. Величие Будды и его предшественников заключается в том, что они провозгласили спасение главной целью религии.

Мудрец, проникнутый состраданием ко всему миру, он поистине достоин любви и благодарности человечества, хотя и не был в силах спасти его. Впрочем, кто из людей смог бы совершить это?

¹ Аскет — человек, отрешившийся от всего, что считается приятным, ради достижения духовного совершенства.

² Оглашенные — в христианской церкви те, кто готовится к крещению, считается учеником, но не полноправным членом общины. По правилам, они не должны присутствовать при Евхаристии.

³ Дхармы — первичные элементы бытия и сознания; их сочетания создают жизнь. Цель буддизма — исчезновение дхарм в нирване, переход бытия в небытие.

это Г'

IV. ДИОНИС, ЛОГОС, СУДЬБА

Религия и философия Древней Греции

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Очеловеченные боги
Греция, X-V вв. до Р.Х.

Мыслители Древней Греции создали своеобразную картину мироздания и определили характерные для своего времени всеобщие закономерности жизнедеятельности человека. Эллинистический мир стал первым полем деятельности апостолов, когда они обратились к проповеди к язычникам. Вышедшее из библейской страны Слово Божие было принято людьми античного общества, и на этой почве возростала Вселенская Церковь. Мученики и апологеты, учителя и Отцы Церкви в большинстве своем были людьми греко-римского мира. Отцы Церкви говорили, что Бог открывал истину постепенно, и великие достижения античности в этом направлении — это древнегреческая философия и культура новых идеалов, вызванная неудовлетворенностью языческими представлениями.

Что же представляла собой древнегреческая

религия и почему в сознании людей, почитавших Зевса, Афины и других олимпийцев, возникло стремление к чему-то новому?

Самые древние культы у всех народов мира были связаны с почитанием Богини-Прародительницы, а также стихийных сил природы. В истории большинства древних религий есть исключительно важный переломный момент, когда человек, впервые осознав священный характер мирового порядка, гармонии и разума, противопоставляет их иррациональным силам хаоса. Этот момент запечатлен в мифах о борьбе богов. Против стихийных демонов первобытного общества выступают божества человекоподобные, создающие стройную иерархическую систему мира. В представлении эллинов боги-победители поселились на Олимпе, который стал уже не столько горой, сколько некоей небесной областью. Обитатели

Гомер.
IV в. до Р.Х.

Артемида.

Восточный фриз Парфенона.
447–432 гг. до Р.Х. Фрагмент

Гомер.
Монета из Хиоса.
IV в. до Р.Х.

Олимпа мыслились как существа, во всем, кроме бессмертия, сходные с людьми. Мифы красочно рисуют их жизнь среди войн и соперничества, интриг и пиров, любви и ненависти. Победа олимпийцев над темными силами Матери-Земли отразила гордое самосознание человека-борца, человека-деятеля и устроителя жизни, узнавшего о своем превосходстве над природой. Триумф человекоподобных богов в примитивной форме заявлял о вере в высшую значимость духовного начала.

Однако победа Олимпа, как гласит сказание, не была полной: сразив титанов и чудовищ, боги не решились посягнуть на саму Богиню-Мать. Верховная власть осталась за ней. И над всем продолжала тяготеть неизбывная Судьба, которую невозможно было ни постичь, ни одолеть, ни умолить. Она представляла все той же Богиней-Прародительницей. Именно здесь корень того фаталистического¹ чувства, из которого родилась античная трагедия, воспевшая тщетный поединок человека с Неведомым.

«Илиада» и «Одиссея» Гомера были для греков настоящей энциклопедией, откуда многие поколения эллинов черпали свои религиозные понятия. Главная тенденция гомеровской религии — очеловечение богов — находила живейший отклик среди жителей греческих городов-полисов.

Однако постепенное преодоление культа человеческого начала в древнегреческой религии позволяет ей подняться над простым антропоморфизмом. Бессмертие, поддерживаемое волшебным напитком, и необоримая сила олимпийских великанов являлись лишь чисто внешними признаками, отличающими богов от людей.

Процесс сближения между двумя мирами — Олимпом и родом смертных — прослеживается и в религиозном искусстве Греции VII–V вв. до Р.Х.

Появившиеся в начале этого периода храмы сооружались по образу жилищ и обычно отличались не очень большими размерами. Строя их, греки хотели предоставить Зевсу или Посейдону «дом» в пределах своего города. Возводя обиталища для богов, греки надеялись сделать бессмер-

ных своими согражданами, покровителями полиса. Для грека вселение бога в храм было одним из средств очеловечения его, почти насильственным удержания бога в полисе. Бывали даже случаи, когда статуи богов приковывали цепями, чтобы не помешать им покинуть жилище.

Эта же тенденция к стиранию границ божественного и человеческого наметилась и в культовых изображениях. Если от старых примитивных идолов веяло чем-то загадочным, сверхъестественным, то в дальнейшем мы видим образы все более земные, понятные, человеческие.

Божество, изваянное из камня, наделенное прекрасным земным ликом, живущее в собственном доме, мыслилось в значительной степени как друг, защитник и сосед грека. Олимп и город оказались близки: ведь недаром мифы постоянно говорили о мифических браках между бессмертными и людьми.

Слишком земные боги оказывались существами почти того же порядка, что и смертные. Между тем люди не могут долго довольствоваться идеалом, который не возвышается над их уровнем. То, перед чем человек может склониться, не желая своего достоинства, должно превосходить его, а этого нельзя было сказать о гомеровских богах. Поэтому естественно, что взор мыслящих греков все чаще стремился проникнуть в таинственные небеса над Олимпом.

Но что они могли найти там? Из поэм Гомера им было известно, что боги бессильны перед Судьбой, а следовательно, она правит миром. Вселенная, таким образом, являет собой некую систему всеобщей зависимости. Раб подвластен человеку-господину, человек — игрушка богам, боги подвластны Судьбе. Удел человека — рабство не только физическое, но и духовное. Человек как раб предстоит богам не с чувством смирения, а скорее как невольник. Смирение рождается из веры в благость высших сил, между тем никаких признаков благости Мойры² у Гомера нельзя было найти. Ее предначертания — лишь случайность, не имеющая цели и смысла, которая предрешает мир и действия человека в абсурд.

За красочными картинами гомеровского эпоса можно различить скрытую мысль об обреченности людей и народов. Оборона Трои бесполезна —

Дионис.

Роспись амфоры.

Около 500 г. до Р.Х.

ее жребий predetermined; Ахиллес знает о неизбежности своей ранней гибели, Одиссей — об участи своих товарищей. И что удивительного, если у певца, прославляющего могучих витязей, внезапно прорывается скорбное восклицание:

«Меж существами земными, которые
дышат и ходят,
Истинно в целой Вселенной несчастнее
нет человека!..»

Даже поэт Анакреонт, стяжавший славу своими игривыми стихами, неожиданно как бы проговаривается:

«Умереть бы мне! Не вижу никакого
Я другого избавленья от страданий».

Герма бога Диониса.
V в. до Р.Х.

Так греки пришли к мысли о том, что земная жизнь — это долина скорби.

Египтянам и индийцам были чужды подобные представления благодаря вере в бессмертие. Гомеровская же религия, говоря о страшной Присподней, ожидавшей людей после смерти, внушала им лишь тоску и ужас. Перед лицом смерти человек переставал быть активным членом общества, оказывался беспомощным у края пропасти.

¹ Фаталистический, прил. от сущ. «фатализм» (лат. «судьба», «рок») — слепая покорность обстоятельствам, страх перед собственной активностью, которая якобы либо напрасна (судьба решила иначе), либо может прогневить духов и демонов.

² Мойра — букв. «участь», «доля», которую люди получают при рождении; богиня судьбы у древних греков.

Дионис

Европейская Греция, ок. 650–550 гг. до Р.Х.

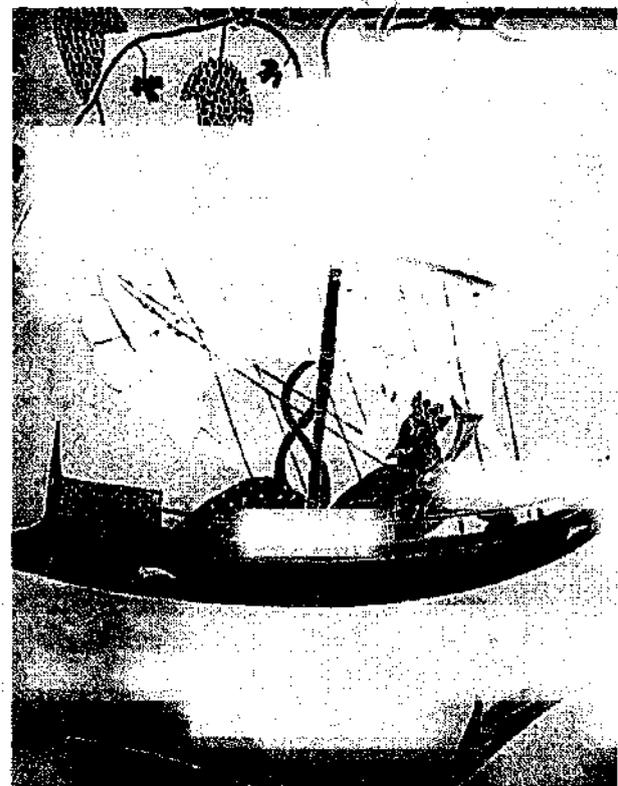
Древние греки любили повторять: «Мера, мера во всем». Но не являлось ли это частое обращение к «мере» результатом того, что они ощущали в глубинах своей души силы, совершенно противоположные разуму и порядку?

Эпоха, о которой мы рассказываем, была временем духовного брожения и зарождения духовной мысли. У греков этот период (VII–VI вв. до Р.Х.) ознаменовался тягой к мистическим культам. Человек, путешествовавший тогда по Элладе, не мог не заметить, что повсюду происходит нечто странное и непонятное. Горные леса стали временами оглашаться пением и криками: то были толпы женщин, которые носились среди деревьев с распущенными волосами, одетые в звериные

Дионис в ладье.

Роспись килика. Фрагмент.

Около 530 г. до Р.Х.

шкур, с венками из плюща на головах; в руках у них были тирсы — палки, обвитые хмелем; они предавались иступленным пляскам под звуки переполненного оркестра: визжали флейты, звенели литавры, поднимался дурманящий дым от сжигаемых конопли и смолы.

Ночью колеблющийся свет факелов освещал фантастические картины шабаша. Полуголые девушки с остекленелым взглядом рвали зубами мясо трепещущих животных. На этих диких лесных празднествах женщины, слишком долго жившие взаперти и поработанные городом, брали реванш: насколько суровы были к ним общественные законы, настолько велик был энтузиазм их разнузданных радений. Едва раздавался призывный клич, как они переставали быть матерями, дочерьми, женами; они покидали свои очаги и прялки и с этого мгновения всецело предавались оргиям в честь Диониса (Вакха).

Дионисизм показал, что под покровом здравого смысла и упорядоченной гражданской религии kloкотало пламя, готовое в любой момент вырваться наружу. Люди верили, что пляски вакханок принесут плодородие полям и виноградникам. В дни ра-

Дионис с сатирами и менадами.

Роспись кратера. Фрагмент.

Около 440 г. до Р.Х.

Фавн с тирсом.

I в.

дений служительницы могущественного бога пользовались покровительством и уважением.

Приверженцы Диониса чувствовали себя снова, подобно своим далеким предкам, детьми не городской общины, а Матери-Земли. Дионисизм проповедовал слияние с природой, в котором человек всецело ей отдается. Когда пляска среди лесов и долин под звуки музыки приводила участников вакханалий в состояние иступления, они купались в волнах космического восторга, их сердца бились в лад с целым миром. Тогда упительным казался весь мир с его добром и злом, красотой и уродством.

«Счастливы, если приобщен ты
Оргий Матери Кибелы;
Если тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису».

шкур, с венками из плюща на головах; в руках у них были тирсы — палки, обвитые хмелем; они предавались исступленным пляскам под звуки переполненного оркестра: визжали флейты, звенели литавы, поднимался дурманящий дым от сжигаемых конопли и смолы.

Ночью колеблющийся свет факелов освещал фантастические картины шабаша. Полуголые девушки с остекленелым взглядом рвали зубами мясо трепещущих животных. На этих диких лесных празднествах женщины, слишком долго жившие взаперти и поработанные городом, брали реванш: насколько суровы были к ним общественные законы, настолько велик был энтузиазм их разнузданных радений. Едва раздавался призывный клич, как они переставали быть матерями, дочерьми, женами; они покидали свои очаги и прялки и с этого мгновения всецело предавались оргиям в честь Диониса (Вакха).

Дионисизм показал, что под покровом здравого смысла и упорядоченной гражданской религии клуботало пламя, готовое в любой момент вырваться наружу. Люди верили, что пляски вакханок принесут плодородие полям и виноградникам. В дни ра-

Дионис с сатирами и менадами.

Роспись кратера. Фрагмент.

Около 440 г. до Р.Х.

Фавн с тирсом.

I в.

дений служительницы могущественного бога пользовались покровительством и уважением.

Приверженцы Диониса чувствовали себя снова, подобно своим далеким предкам, детьми не городской общины, а Матери-Земли. Дионисизм проповедовал слияние с природой, в котором человек всецело ей отдается. Когда пляска среди лесов и долин под звуки музыки приводила участников вакханалий в состояние исступления, они купались в волнах космического восторга, их сердца бились в лад с целым миром. Тогда упительным казался весь мир с его добром и злом, красотой и уродством.

«Счастливей, если приобщен ты
Оргий Матери Кибелы;
Если тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису».

Все, что видит, слышит, осязает и обоняет человек, — проявления Диониса. Запах бойни и сонного пруда, ледяные ветры и обессиливающий зной, нежные цветы и отвратительный паук — во всем заключено божественное. Разум не может смириться с этим, он осуждает и одобряет, сортирует и выбирает. Но чего стоят его суждения, когда «священное безумие Вакха», вызванное опьяняющим танцем под голубым небом или ночью при свете звезд и огней, — примиряет со всем! Исчезает различие между жизнью и смертью. Человек уже не чувствует себя оторванным от Вселенной, он отождествился с ней, а значит — с Дионисом.

Здесь мы видим искаженные проявления жажды Божественного, неистребимой в человеке. И чем меньше способны идеи века утолить ее, тем сильнее может оказаться взрыв. Когда душа не находит подлинно высокого призвания, ее порывы могут принимать самые устрашающие и уродливые формы.

Мистика Диониса родилась из стремления найти в природе вечную жизнь и спасение. Но в конце концов она лишь низводила человека до уровня животного. Впрочем, и это не совсем верно. Полного возвращения к бессловесным для человека быть не может. То, что естественно для зверя, у людей нередко становится болезнью, безумством и извращением. Им не дано безнаказанно отречься от разума, от совести, от духа. Человеку открыт один единственный путь — путь к восхождению. Попытка же спуститься вниз, к чисто травоядному способу бытия, несет лишь иллюзорное освобождение.

Орфики

Афины, ок. VI в. до Р.Х.

До нас дошли созданные в V в. до Р.Х. «Орфеевы гимны», в которых содержится новое религиозное учение, попытавшееся соединить в себе гармонию и стихию, увидеть верховное Единство. Они восходят к мифическому герою — Орфею, поклоннику Аполлона. О нем говорили, что от матери своей, музы Каллиопы, он получил волшебный дар: «Его игра и пение покоряли стихии. Когда он путешествовал с аргонавтами, волны и ветер смирялись, зачарованные дивной музыкой».

Об Орфее рассказывали, что, пытаясь вернуть на землю свою жену Эвридику, погибшую от укуса змеи, он спускался в Преисподнюю. И даже там его лира творила чудеса: чудовища закрывали свои пасти, успокаивались злобные Эринии, сам властитель Анда был покорен Орфеем. Он согласился отдать ему Эвридику, но с тем условием, чтобы певец шел впереди, не оглядываясь на нее. Однако Орфей не мог преодолеть наплыва чувств и обернулся, Эвридика была увлечена в бездну, на этот раз навсегда.

Безутешный, скитался певец по земле, не находя покоя. Но вскоре и его самого настигла гибель. Во Фракии он встретил толпу безумствующих вакханок, которые в припадке исступления растерзали Орфея. Каллиопа со слезами собрала окровавленные куски тела и погребла на вершине горы Пангея. Лишь голова певца вместе с его неразлучной лирой упала в море, и волны вынесли ее на остров Лесбос. Там, в расщелине скал, она изрекала пророчества.

Учение орфиков исходит из того, что в мире есть два противоположных начала — Аполлон и Дионис. Один олицетворяет единство и стройность, другой — многообразие и раздробленность. Но в то же время в орфизме присутствует и идея верховного Единства, хотя она имеет еще языческий характер. Это обожествленная стихия, пред-

Орфей у фракийцев.

Роспись кратера. Фрагмент.

Около 450 г. до Р.Х.

Все, что видит, слышит, осязает и обоняет человек, — проявления Диониса. Запах бойни и сонного пруда, ледяные ветры и обессиливающий зной, нежные цветы и отвратительный паук — во всем заключено божественное. Разум не может смириться с этим, он осуждает и одобряет, сортирует и выбирает. Но чего стоят его суждения, когда «священное безумие Вакха», вызванное опьяняющим танцем под голубым небом или ночью при свете звезд и огней, — примиряет со всем! Исчезает различие между жизнью и смертью. Человек уже не чувствует себя оторванным от Вселенной, он отождествился с ней, а значит — с Дионисом.

Здесь мы видим искаженные проявления жажды Божественного, неистребимой в человеке. И чем меньше способны идеи века утолить ее, тем сильнее может оказаться взрыв. Когда душа не находит подлинно высокого призвания, ее порывы могут принимать самые устрашающие и уродливые формы.

Мистика Диониса родилась из стремления найти в природе вечную жизнь и спасение. Но в конце концов она лишь низводила человека до уровня животного. Впрочем, и это не совсем верно. Полного возвращения к бессловесным для человека быть не может. То, что естественно для зверя, у людей нередко становится болезнью, безумством и извращением. Им не дано безнаказанно отречься от разума, от совести, от духа. Человеку открыт один единственный путь — путь к восхождению. Попытка же спуститься вниз, к чисто травоядному способу бытия, несет лишь иллюзорное освобождение.

Орфики

Афины, ок. VI в. до Р.Х.

До нас дошли созданные в V в. до Р.Х. «Орфеевы гимны», в которых содержится новое религиозное учение, попытавшееся соединить в себе гармонию и стихию, увидеть верховное Единство. Они восходят к мифическому герою — Орфею, поклоннику Аполлона. О нем говорили, что от матери своей, музы Каллиопы, он получил волшебный дар: «Его игра и пение покоряли стихии. Когда он путешествовал с аргонавтами, волны и ветер смирялись, зачарованные дивной музыкой».

Об Орфее рассказывали, что, пытаясь вернуть на землю свою жену Эвридику, погибшую от укуса змеи, он спуускался в Преисподнюю. И даже там его лира творила чудеса: чудовища закрывали свои пасти, успокаивались злобные Эринии, сам властитель Аида был покорен Орфеем. Он согласился отдать ему Эвридику, но с тем условием, чтобы певец шел впереди, не оглядываясь на нее. Однако Орфей не мог преодолеть наплыва чувств и обернулся, Эвридика была увлечена в бездну, на этот раз навсегда.

Безутешный, скитался певец по земле, не находя покоя. Но вскоре и его самого настигла гибель. Во Фракии он встретил толпу безумствующих вакханок, которые в припадке исступления растерзали Орфея. Каллиопа со слезами собрала окровавленные куски тела и погребла на вершине горы Пангея. Лишь голова певца вместе с его неразлучной лирой упала в море, и волны вынесли ее на остров Лесбос. Там, в расщелине скал, она изрекала пророчества.

Учение орфиков исходит из того, что в мире есть два противоположных начала — Аполлон и Дионис. Один олицетворяет единство и стройность, другой — многообразие и раздробленность. Но в то же время в орфизме присутствует и идея верховного Единства, хотя она имеет еще языческий характер. Это обожествленная стихия, пред-

Орфей у фракийцев.

Роспись кратера. Фрагмент.

Около 450 г. до Р.Х.

вечное мировое лоно. В некоторых текстах оно именуется Хроносом, Временем. Хронос породил светлый Эфир неба и клокочущий Хаос. Из них родилось космическое яйцо, которое содержало в себе все зародыши Вселенной: богов, титанов и людей. Этот образ характерен для древнего политеизма, утверждающего, что мир не сотворяется, а рождается сам.

Когда гигантское яйцо расколосось, продолжает орфическое сказание, из него вышел сияющий Протогонос — Первородный — бог, объемлющий собою все природное многообразие.

В борьбе богов и титанов Зевс поглотил Первородного и стал единственным мировым Божеством. Он вступает в союз с Преисподней, и от ее царицы рождает сына Диониса-Загрея. Это не новый бог, а другая ипостась Зевса, его мощь, «одождяющая сила»; отсюда формула орфиков: «И Зевс, и Аид, и Солнце, и Дионис — едины».

Миф повествует, что однажды титаны ополчились против Диониса, который пытался ускользнуть от них, принимая различные облики. Когда он обернулся быком, враги настигли его, растерзали и сожрали. Нетронутым осталось лишь сердце — носитель Дионисовой сущности. Принятое в лоно Зевса, оно возродилось в новом облике, и небесные громы спалили мятежников.

Из оставшегося пепла, в котором божеская природа была перемешана с титанической, возник человеческий род. Это означает, что человек изначально был существом двойственным.

Здесь, несомненно, отразился опыт религии Диониса. В момент священного безумия человека подстерегало дремавшее в нем «титаново» начало. Именно оно приводило людей к озверению и к победе плотских желаний. Блаженство человека — в крылатом парении духа, его несчастье — в подчиненности плоти.

Так в греческом сознании совершается переход, и взгляд на природу человека приближается к индийским воззрениям. Если в гомеровские времена важнейшим считалось тело, а душу мысляли чем-то ущербным, нетвердым и слабым, то теперь именно она провозглашается высшим началом.

Орфей, играющий на лире.

Мозаика.

III в.

Тело — это гробница, считали орфики. Душа подавлена им и влачит в его тесных границах жалкое существование. Даже и в смерти не освобождается она от тисков титановой природы. Эта низменная природа заставляет душу вновь возвращаться на землю, и нет конца страданиям духа — Дионисовой искры.

Подобно прочим мифам о страждущем божестве, орфизм заключал в себе одно из великих прозрений дохристианского мира. Миф о смерти и воскресении бога — это проекция на религию природных циклов, и одновременно это смутная догадка о том, что мир, удалившийся от Бога, не оставлен Им на пути страдания, что Божество состраждет творению, снисходит к нему, чтобы принять его муки и вывести к истинной жизни.

Орфики учили, что человек сам должен идти навстречу Дионису-спасителю. Этому служили мистерии, державшиеся в строжайшей тайне. Участвуя в них, посвященный становился ближе к

Пифагор.
Середина V в. до Р.Х.

Дионису. В жизни орфики стремились развивать в себе начала добра, бороться с титаническим началом. Этому служили ограничения в пище, особые принципы *аскезы* — так называемая «орфическая жизнь».

Пифагор

Южная Италия, 540—500 гг. до Р.Х.

Примерно в то время, в конце VI в. до Р.Х., появился первый религиозный мыслитель Эллады, своего рода пророк — *Пифагор* (580—500 гг. до Р.Х.).

В городе Кротоне (на юге Италии) он стал излагать свое учение и основал *Союз*, или братство. На Пифагора смотрели как на чудотворца.

Одетый в белые одежды, он поражал всех «важностью вида». О нем рассказывали, что он проникал в загробный мир, беседовал с духами. Учение Пифагора было обращено к посвященным и хранилось в тайне. Но все же основные его мысли дошли до нас.

Пифагор учил, что душа бессмертна, но переходит из тела в тело, все в мире *повторяется* через определенные промежутки времени.

Центром его учения было понятие *гармонии*, навеянное культом Аполлона, бога искусств, света и соразмерности. Двуетьединство Аполлона и Диониса является основным принципом *космоса*. Этим словом (от греч. слова со значением «устраивать», «украшать») впервые назвал Вселенную Пифагор.

Верховным божеством философ почитал некое огненное Единство, пребывающее в самом средоточии космоса; это пламенное Целое образует множественность миров, состояний и качеств. Значение Пифагора заключается в том, что на место каприза, произвола и неустойчивости, которые усматривала в мире олимпийская религия, он поставил идею *закономерности*. Пифагор считал, что разум человека может постичь эту закономерность, что человеческий дух основан на тех же законах, что и космос. Высший порядок, скрытый от взоров невежд, способна открыть человеку музыка. Пифагор учил своих последователей внимать «гармонии сфер».

Один из пифагорейцев говорил, что есть «божественное знание», приобщающее человека к вселенской гармонии. Это знание может быть выражено только на языке математики. Она рассматривалась как каркас космографии, как путь к выведению единой формулы мира, которая тождественна с музыкальной гармонией.

Пифагор указывал и на возможность настройки души-инструмента в унисон с небесной симфонией. Им являлся особый уклад жизни, который требовал просветленности, гармоничности и меры в поступках, чувствах и мыслях. Пифагореец должен был воспитывать в себе целомудрие, сдержанность, миролюбие, уважение к древним учениям, строго следить за собой, заглядывая в свою душу, проверяя совесть. Человеку следует

помнить, что его бессмертная душа есть арена противоборства враждующих сил. Их нужно привести в равновесие. Того, кто не смог перестроить свою душу по принципам гармоничности, не минует возмездие. Лишь совершенная жизнь может принести душе блаженство в этой жизни и в будущих воплощениях.

Образованный Пифагором союз представлял собой настоящий *религиозный орден* со своей збрядностью, иерархией, учением для посвященных; членов его связывали строгая дисциплина и послушание. Особое значение придавалось развитию музыкальной культуры и математических знаний, углубленным размышлениям-медитациям.

Идеи Пифагора о Едином, о гармонии, вечных основах мироздания, о бессмертии духа оказали плодотворное воздействие на развитие античной философии и науки. Не обладая столь могучим религиозным даром, как Индия или Израиль, Греция все же сумела завоевать для мира эликие духовные сокровища в сфере познания и религиозной мысли. >...

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Эсхил

Афины, 525—456 гг. до Р.Х.

— начала V в. до Р.Х. о самых трудных жизненных проблемах заговорил греческий театр. Он — гл и храмом, и трибуной, и книгой. Создателем греческой трагедии был *Эсхил* (525—456 гг. до Р.Х.).

В центре творчества Эсхила стоит трилогия *Прометеев* — титане, дерзнувшем похитить у Зевса огонь для людей. Древний миф послужил Эсхилу канвой для воплощения своих самых сошрвенных дум.

Завязка драмы — первая часть трилогии, до *тис* не дошла. Вторая ее часть, трагедия «Прикованный Прометей», начинается с того, что Зевс, властный убить Прометея, приговорил его к шрвной пытке.

Бездушные исполнители царской воли — г ^:ть и Сила — приводят великана к скале: -тест, хотя всем сердцем состраждет ему, не в --^шии ослушаться Зевса. Острое лезвие прон-

зает грудь Прометея, руки его накрепко притягиваются цепями к камням; и другу людей, как бы распятому над шумящим морем, остается лишь ждать, когда орел Зевса спустится терзать его.

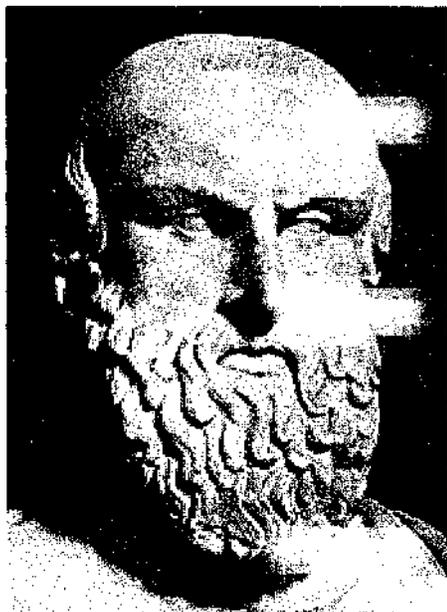
Пока грохочут удары молота, пока палачи совершают свое дело, Прометей хранит молчание/ Но едва они уходят, как титан разражается громкими воплями и укорами. Он зовет весь мир в свидетели, взывает к Матери-Земле, к Эфиру, к быстрокрылым ветрам, рекам и волнам: «Смотрите, что ныне, бог, терплю я от богов!»

На зов страдальца откликается хор морских Океанид, они уговаривают Прометея подчиниться. А добродушный Океан говорит: «Не лезь ты на рожон, не забывай, что правит никому не подотчетный царь».

Но не таков Прометей, он знает, что терпит за доброе дело и не собирается отречься от него. Он предвидел свою участь, но тем не менее пошел на нее во имя *человеколюбия*. Он тверд, как скала, о которую у ног его тщетно бьются волны. На уговоры Гермеса, которого Зевс посылает

Античные театральные маски

Эсхил.
460-450 гг. до Р.Х.

выведать известную лишь Прометею тайну будущего, титан отвечает:

«Не думай, что из страха перед Зевсом
Я стану бабой, буду умолять,
Как женщина, заламывая руки,
Чтоб тот, кого я ненавижу, снял
С меня оковы. Не **бывать** тому!»

Судьбу Олимпа, о которой поведала Земля Прометею, он не откроет своему мучителю.

В трагедии все как бы сосредоточено на том, чтобы показать царя богов мстительным тираном. Прометей кричит, что он ненавидит всех богов, что у Зевса «справедливостью служит произвол», что расправа над заступником людей — всемирный позор владыки Олимпа.

В заключение трагедии Зевс исполняет свою угрозу — и скала с казнимым, среди воя и блеска молний, проваливается в Тартар.

Симпатии зрителя были, конечно, на стороне Прометея. А что же Зевс? Может, божество — не хранитель мира и промыслитель, а страшный палач? Ведь некоторые народы свыклись с такой

мыслью, о чем, например, свидетельствует культ Молоха.

Но Эсхил не делает такого вывода. Он говорит: если Зевс *таков*, то против него надо восстать во имя добра и свободы. Эсхил взывает к вольнолюбию и мужеству греков, к их чувству человеческого достоинства, произносит приговор деспотизму и поистине божественным ореолом окружает того, кто отдает себя за людей, во имя их спасения. Не случайно, что в скале Прометея иногда усматривали античный прообраз Креста Христова.

Третья (ныне утраченная) часть трилогии — «Освобожденный Прометей» — посвящена примирению богов. Зевс сохранил свой трон, но лишь потому, что отказался от зла, *изменил саму свою природу*. Так решила Судьба, и это уже не просто слепое течение событий, а торжество Правды: Судьба требует того же, что и нравственное чувство человека. У Эсхила она перестает быть враждебным началом, а является принципом нравственного Миропорядка. Верховный бог в единении с Мойрой олицетворяет Провидение. Этому провидению Эсхил оставляет прежнее имя — Зевс. Он не хотел вводить новую религию, но стремился обновить старую. Его исповедание веры сводится к тому, что не тирания темных и злых сил господствует во Вселенной, но божественная Правда.

Софокл

Афины, V в. до Р.Х. !

Младший современник Эсхила, другой великий трагик — *Софокл* (497—406 гг. до Р.Х.) жил в эпоху расцвета Афин при Перикле и в последующие годы Пелопоннесской войны и эпидемий. Еще недавно казалось, что свободная жизнь в свободном цивилизованном обществе ведет к окончательному триумфу человека, к спасению от всех мировых зол. Но пришло непонятное и грозное несчастье, беспощадно уничтожая все планы и мечты. Умирает от чумы в расцвете сил Перикл, не осуществив и половины своих замыслов.

Софокл не может, как Эсхил, верить в Провидение, Справедливость и гражданские идеалы — все это рухнуло перед лицом неведомых

сил. Под непосредственным впечатлением смерти Перикла Софокл пишет драму «Царь Эдип».

Трагедия воскрешает одно из древних фиванских сказаний. В Фивах свирепствует мор. Отчаявшиеся люди приходят к своему царю Эдипу, прося спасти их; ведь Эдип — великий герой и защитник народа, его избрали монархом после того, как он победил кровожадного Сфинкса, разгадав его загадки.

Эдип посылает спросить оракула и получает ответ, что бедствие навлек живущий в Фивах убийца прежнего царя, Лая. Но кто этот человек? Эдип клянется, что разыщет его и уверенно берется за дело; он вызывает старого прорицателя-слепца Тиресия и умоляет его открыть имя преступника. И вот тут-то начинается неумолимое...

Софокл.
V в. до Р.Х.

Перикл.
Около 440 г. до Р.Х.

Софокл настраивает зрителя на ожидание подкрадывающейся беды. То, что сюжет ему известен, не умаляет напряжения. Напротив. Предугадывая развязку, зритель испытывает волнение от каждой случайно оброненной фразы, каждого намека. Кажется — вот слово, один шаг, и все останется в тайне, но нет — это всего лишь короткая передышка, и Рок снова продолжает свое наступление.

Тиресий колеблется, он не хочет открывать имя убийцы, царь настаивает, приходя в раздражение, а затем и в ярость. Тогда пророк осторожно намекает, что в самом Эдипе есть «кое-что, достойное укора». Но властитель глух ко всем предостережениям: он неотступно требует ответа и наконец получает его:

«Заставлю же тебя
Я приговор свой собственный исполнить:
Беги от нас: не говори ни с кем —
Ты кровью землю осквернил, ты проклят!»

Эдип поражен, но ни на секунду не сомневается, что пророк лжет. Это заговор! Тогда Тиресий удаляется, всенародно объявив, что Эдип —

Развалины греческого
форума

убийца своего отца и муж своей матери. Настоя-
рожденный царь останавливает слепца:

«Эдип. Слова твои загадочны.

*Тиресий. Умешь ты хитрые загадки
разрешать.*

*Эдип. Над счастьем ли Эдипа ты
смеешься?*

Тиресий. То счастье тебя погубит».

Гнев царя обращается на брата жены, Креон-
та: это его происки, он хочет завладеть престолом.
Но в дело вмешивается царица Иокаста. Она
смеется над пророчеством: ведь Лаю было пред-
сказано, что он падет от руки сына, и поэтому он
приказал бросить ребенка в лесу связанным. Убит
же Лай был вовсе не сыном, а разбойником на
перекрестке дорог. Можно ли после этого верить
оракулам?

Упоминание о перекрестке заставляет Эдипа
вздвогнуть; он начинает торопливо расспраши-
вать, как выглядел Лай, как совершилось убий-
ство. И каждый ответ наполняет его ужасом.
Невероятная догадка закрадывается ему в душу.
Страх овладевает и царицей.

Эдип велит найти последнего свидетеля —
старого слугу Лая, которому приказали умертвить
младенца-царевича. А сам тем временем расска-
зывает Иокасте, как до прибытия в Фивы он встре-

тил на перекрестке дерзкого старика на колесни-
це, который не хотел уступить ему дорогу. Старик
хлестнул Эдипа плетью, а тот в приступе ярости
поверг нагнца наземь и без труда расправился с
его рабами. Что, если этот убитый старик и Лай
— одно лицо? Но все же Эдип продолжает еще
надеяться. Быть может, это — ошибка, совпаде-
ние? Он готов ухватиться за любую возмож-
ность. Иокаста утешает его, напоминая, что сын ее
и Лая погиб еще в младенчестве.

Теперь ждут старого пастуха. А тем време-
нем речитатив хора звучит как погребальная песнь:

*«Гордость рождает тиранов,
И многих, насытив безумьем,
Выше, все выше ведет их
К обрыву в пропасть».*

Зритель уже готов к катастрофе. Перед ним
Эдип — мечущийся, страдающий, страстно жела-
ющий доказать себе свою невиновность. Между
тем он уже обречен.

На мгновение тучи рассеиваются. Из Корин-
фа прибывает вестник, который сообщает, что умер
Полиб — отец Эдипа. В несчастном царе вновь
оживает надежда. Он объясняет гонцу, что бежал
из Коринфа, потому что ему было предсказано, что
он убьет отца и женится на матери. Но раз царь
Полиб умер своей смертью, то бояться нечего.
Правда, еще жива мать... Но тут вестник, думая

ешить царя, открывает ему тайну: Эдип не род-
й сын коринфской четы — он был найден
бенком в лесу и усыновлен Полибом... От на-
жд не остается почти ничего. Окончательно
ничтожит их старый пастух, готовый уже пред-
ать перед Эдипом.

Напрасно Иокаста умоляет мужа прекратить
спросы; в ослеплении он как бы забывает об
асности, которая кроется в признании очевид-
. Он надменно заявляет, что не стыдится низ-
го происхождения:

«Но знаю: в том, что я дитя Судьбы,
Всем радости дарящей, нет позора.
Судьба мне мать и время мне отец:
Они Эдипа сделали великим
Из малого. Я родился от них —
И не боюсь узнать мое рождение!»

Увы! Это последние слова Эдипа-царя, боль-
е он не будет говорить как власть имеющий.
ейчас он узнает, какая «мать» ему Судьба, и
дится новый Эдип: Эдип-преступник, Эдип-че-
век, искалеченный Судьбой.

Угрозами вырвано признание у пастуха. Да, он,
дип, был сыном Лая, тем самым, которого тот ре-
зился умертвить, боясь исполнения пророчества.

«Горе, горе! Я проклят!» — кричит обезумев-
ий царь. Но Судьба готовит еще один удар:
окаста повесилась во дворце. С воплем врыва-
ся Эдип в спальню жены-матери и застывает
ее пояса выкальвывает себе глаза: он не хочет
льше видеть ни людей, ни солнца, он просит
ести его, спрятать.

«Ночь беспредельная,
Неотвратимая! Тьма несказанная,
Смерти подобная!
Еще в ней ярче образы кровавые,
Еще сильнее боль воспоминанья!»

Аполлон отомстил за пренебрежение к его
орочеству. О, зачем не был Эдип убит ребен-
м? Зачем чужая жалость спасла его? Он —
дип, он — и муж, дети его — его братья. «Нет,
Нельзя об этом говорить... Из людей не вы-
е бы никто моих страданий».

Весь этот кошмар отцеубийства и кровосме-
шения усугубляется для него мыслью о скверне,
влекущей за собой проклятие. Но он сам каз-
нил себя.

В последних сценах трагедии перед зрите-
лем уже не гордый и вспыльчивый властелин, а
согбенный слепец, погруженный в тихую скорбь.
Он уходит из города как зачумленный. А хор
говорит о тщете человеческого счастья, о непроч-
ности жребия смертных, о всевластии Судьбы,
которую не может преодолеть никто, даже побе-
дитель Сфинкса.

Снова Мойра вырастает над миром как маска
Горгоны¹. Она — не высшая благая Воля, она —
лишь неумолимый порядок вещей, перед которым
человек бессилен. Такова, согласно Софоклу, прав-
да жизни. У Софокла Мойра меньше всего по-
хожа на небесный Промысел. Она просто дей-
ствует как закон причинных связей, равнодушный
к миру человека. Совершилось преступление —
не важно, сознательно или невольно; оно — ре-
альный факт и влечет за собой столь же реальные
последствия. Здесь источник античного «страха
судьбы», немymi свидетелями которого остались
маски греческого театра. Конвульсивные грима-
сы этих бредовых ликов говорят о всепоглощаю-
щем ужасе человека, подавленного Неведомым.

Но, рисуя борьбу Эдипа с Роком, Софокл не
мог стать на сторону Судьбы. Поэтому пораже-
ние Эдипа он изобразил, глубоко сочувствуя ге-
рою.

Страдание делает несчастного царя прекрас-
ным, зрители плачут вместе с ним. Фатум побеж-
дает Эдипа лишь внешне. Внутренне же он оста-
ется свободным; скорби и муки очищают его. Он
выразитель *духовного* начала, нравственной воли
человека. Зритель видит его духовную силу и
ощущает его невиновность, хотя в трагедии об этом
не сказано почти ни слова. И таким образом
Эдип одновременно оказывается и жертвой, и
победителем Судьбы.

¹ Горгоны — в греч. мифологии три сестры, чудовища,
обитающие на краю света; одну из них — Медузу —
обезглавил Персей. Взгляд Горгон превращает людей в
камни.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Возникновение философии

Малая Азия, 650–540 гг. до Р.Х.

Формирование философии как самостоятельной области знаний позволило мыслителям древнего мира познавать законы бытия человека, развития природы и Высшего начала *независимо* от религиозного откровения. Прежде всего *разделение* науки и веры позволило им развиваться, не препятствуя друг другу. Эмпирическое знание, изучение природы и отвлеченная мысль требуют своих «правил игры», и вторжение религиозных доктрин в эту область сковывало науку. Религия же не зависит от науки, и эмансипация науки и философии от опеки богословских теорий открывает новые возможности как для знания, так и для веры.

При этом не следует забывать, что наука и метафизика не бывают абсолютно автономными. Человек, постигающий истину, — не гносеологический¹ механизм: в своих усилиях разрешить мировые загадки он часто исходит из интуиции. Научное знание развивается по формально-логическим законам, постулатом его — сознает это человек или нет — являются некие *недоказуемые* утверждения, которые он принимает как очевидные для себя. Иными словами, отправной пункт науки связан с верой.

Разделение двух видов познания реальности во многом помогло уяснению их границ и природы. Но рубежи нарушались, и возникали конфликты. Геологи пытались навязать науке свои теории, а представители естествознания и философии, забывая об *априорности*² научных посылок, неоправданно наделяли разум всемогуществом, видя в нем *единственный* орган познания для всех измерений бытия.

Такой «рационализм» действительно можно назвать «первородным грехом» мышления. Его ошибка заключается в том, что он объявил разум высшим судьей, игнорировал все пласты реальности, кроме эмпирического и уопостигаемого. Рационализм рассекал живой познающий субъект — человека, сужая его возмож-

ности. Человек знал, насколько «научная» картина мира зависит от чего-то иного, нежели наблюдение и логика, а именно — от внутренней установки, ориентира мыслителя, его *виден* реальности — веры.

После всего сказанного, быть может, покажется странным утверждение, что главной целью греческой философии было искание Бога. Но в действительности к Нему как к первичной реальности были обращены взоры величайших умов античности. Древнегреческие мыслители должны были занять место жрецов и пророков, возвыситься над народными верованиями. Начав с отрицания частных черт язычества, эллинские мудрецы в поисках цельного мирозерцания стремились выработать идею высшего Единства. Вокруг этого вращались и античная наука, и философия. С самых первых шагов они отказались от служения только практическим нуждам, а поставили на первое место бескорыстную жажду истины.

Уверенность в существовании единого верховного Принципа для всей Вселенной являлась стержневой линией греческой философии. Вспомним по аналогии, с какой борьбой утверждался монотеизм в Израиле, вспомним, что идея многобожия оставалась господствующей в большинстве старых цивилизаций, и тогда мы сможем оценить подвиг греческих философов и понять трудности, которые стояли на их пути. Интуиция Единства не имела для них той достоверности, какую дает Откровение, и тем напряженнее должны были быть усилия интеллекта, строившего свое незримое здание.

Из всей богатейшей греческой философии мы остановимся только на учении трех мыслителей: Гераклита, Сократа и Платона.

¹ Гносеология — наука о познании.

² Априорность — возможность введения научно-теоретических посылок без доказательств; априорные посылки в строго научной теории должны получить подтверждение.

«научная» кар-
яого, нежели на-
— от внутренне!
ля, его *видения*

может, покажется
вной целью гре-
Бога. Но в дей-
ВИЧНОЙ реально-
•личайших умой
ыслители долж-
юороков, возвы-
ши. Начав с от-
тва, эллинские
созерцания стре-
пего Единства
пая наука, и фи-
они отказались
и нуждам, а по-
>ыстную жажду

ш единого вер-
ченной явилас
ософии. Вак»
ой утверждалс
что идея много-
[ей в больший -
да мы сможеу
офов и понять
пути. Интуици?
достоверности
пряженнее дол-
•та, строившег:

философии мы
ех мыслителей

гения научно -тео-
шриорные послыл-
учить подтверж-н

Гераклит.
V в. до Р.Х.

История религии. Ки.

Гераклит

Эфес, 540—470 гг. до Р.Х.

Гераклит (ок. 554—483 гг. до Р.Х.) исходил из того, что существует единый закон, на котором основана вся Вселенная. Бытие есть космический процесс. «Все течет», нет ничего постоянного: жизнь сменяется смертью, бодрствование — сном, расцвет — увяданием, холод — жарой. То опускаясь, то поднимаясь, проносятся волны бытия, в каждый миг все вступает в новую фазу или форму существования. «Нельзя в ту же реку войти дважды».

Для Гераклита противоречие являлось одним из коренных свойств мироздания. «Борьба — отец всему и царь». «Борьба всеобща... все рождается через расприю». Но творческая сила «распри» не просто в противостоянии и противоборстве полюсов, а в их соединении. «Расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающуюся гармонию лука и лиры». Так через двойственность образуется единство, которое в процессе становления снова поляризуется для нового синтеза. «Из всего возникает единое, и из единого — все», — утверждал Гераклит. «Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно разгорающимся и закономерно погасающим». Огонь у Гераклита — не просто принцип единства, простирающийся за видимой картиной мирового процесса, он «разумен» по своей природе; это верховное Божество (не совпадающее с мифологическим Зевсом) и «судия» мира. Этот вселенский закон Гераклит впервые назвал *Логосом*, что значит: слово, мысль, закон, разум. Логос у Гераклита — это начало, определяющее все процессы быстротечного мира, рациональная его сущность, сходная с тем, что человек осознает в себе как разум. По аналогии с человеческим мышлением Логос мира проявляет себя как «замысел, устроивший все». Источником Логоса, по учению Гераклита, несомненно, является вселенский Огонь.

Для Гераклита Божество не есть живое личностное начало, но, скорее, сила, неотделимая от

самого космоса. Он полагал, что через определенные, очень большие промежутки времени космос возвращается в изначальное огненное состояние и потом рождается из Огня... Следовательно, истории нет, впереди нельзя ждать новых ступеней к совершенству. Состояние Вселенной, созидаемой борющимися силами, состояние человечества, погруженного в «распря», представлялось Гераклиту вечным.

Как же согласовать эту картину бессмысленно кипящей Вселенной с высшим Разумом, с Логосом? Ответ Гераклит дает решительный и весьма суровый: «Для Бога все прекрасно, хорошо и справедливо, а люди одно приняли за справедливое, а другое — за несправедливое». Это означает, что Божественное бытие живет своей жизнью, что оно не связано с человеком, не считается с ним. Люди — лишь страдательные существа, порожденные космической «игрой в шашки». Верховный Огонь «отрешен от всего», находится по ту сторону человеческих ценностей.

Гераклит пытался построить теологию, не отделяя Божественного от природы, духа от материи. Естественно поэтому, что черты природного мира: неморальная закономерность и детерминизм — были перенесены им и на высшую Реальность.

Сократ

Афины, вторая половина V в. до Р.Х.

В отличие от Гераклита Сократ (ок. 470—399 гг. до Р.Х.) искал истину не в природе, а в человеке. Что такое сам человек? Для чего он живет и как он должен жить? Существует ли истина, или она — мираж? Вот вопросы, которые рано стали занимать Сократа. Он искал великого, прекрасного и истинного, но говорил так просто, прибегал к таким обыденным примерам и сравнениям! Он учил людей добру, но беспощадно издевался над ними. Эта двуликость Сократа многих сбивала с толку, а ведь именно в ней можно видеть ключ к пониманию личности философа. Не заставляло ли его надевать личину простачка, играть комедию, почти юродствовать какое-то особое целомудрие и скрытность? Быть может, ирония и неуемная

говорливость помогали ему оберегать тайный огонь души? Не случайно Сократ, с виду безобидный говорун, оказался настоящим «возмутителем спокойствия» Афин.

Это было время кризиса афинской демократии, всеобщего равнодушия к высоким идеалам, попрания прав человека. И вот на афинских площадях стал появляться коренастый человек с отвислым животом; казалось бы, его курносое лицо с глазами навывкате и толстыми губами могло вызывать только жалость и насмешку у греков, большое значение придававших внешней привлекательности. Но его огромный лоб как бы говорил о могучем уме. Сократ нередко обращался к первому встречному и несколькими вопросами втягивал собеседника в дискуссию. Его манера вести спор располагала и заинтриговывала, он, казалось, готов был дать спорщику положить себя на лопатки. Однако в итоге Сократ приводил в замешательство любого остролова.

Первым делом философ попытался изобличить самоуверенный догматизм и начал с искреннего признания: «Я знаю, что ничего не знаю». Ради своей миссии Сократ пренебрегал всеми жизненными удобствами, став чем-то вроде нищенствующего подвижника. Но он не был аскетом, его самоотречение было поиском свободы: он отворачивался от всего, что порабощает и связывает.

На фронтоне Дельфийского храма была надпись: «Познай самого себя». Греки понимали смысл этого афоризма так: «Познай, что ты только человек». Сократ же вложил в него иное содержание: человеку нужно начинать исследование бытия с себя. В самом деле, какой толк гадать о пространстве, атомах и движениях звезд, если твоя собственная жизнь для тебя все еще загадка? Искать ее разрешения следует не в космосе, а в недрах человеческого духа. И цель эта была для него не отвлеченной, но конкретно-жизненной; он создавал ее как поиск человеком высшего блага. Люди, по его мнению, слишком мало ценят сокровище, которым владеют, — они не знают своей души и лишь поэтому оказались беспомощными и слепыми в мире вещей. Отсюда — и «ужас Рока», и безнадежность.

Сократ.
Статуэтка

Какова цель твоей жизни? — спрашивал Сократ. — В чем видишь ты ее назначение и что считаешь счастьем? Твои друзья жаждут богатства, славы, удовольствий? Но проверь хорошенько — это ли цель, достойная человека? И как легко все это утратить!

Беседуя с молодежью, мудрец шаг за шагом развенчивал ходячие идеалы и показывал их обманчивость. Своим судьям он потом скажет: «Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, и молодого, и старого, заботиться прежде всего не о теле и не о деньгах, а о душе, чтобы она была как можно лучше».

Преходящие блага не могут составлять подлинного счастья, но это не значит, что истинное добро обнаружить невозможно. Оно тождественно высшей мудрости, которая делает жизнь человека совершенной. Вы, говорит Сократ, блуждаете лишь потому, что не открыли основ добродетели, заложенных в нас. Обратитесь к себе, к своему разуму, и он научит вас мужеству, покажет вам необходимость воздержания, умеренности, правдивости. Вы поймете, что по отношению к людям следует быть справедливыми, а по отношению к высшим силам — благоговейными.

Итак, Сократ верит в благой смысл человеческого существования. Он лишь говорит, что этот смысл не лежит на поверхности, а дан как задача. Инструментом ее решения служит у философа диалектика — поединок доводов.

Вот он останавливает приглянувшегося ему человека и задает вопрос. Он внимателен, серьезен, порой прикидывается наивным, спрашивает, возражает, уточняет.

«А что, друг, ты понимаешь под таким-то словом? А не будет ли ошибкой толковать его так?» Его оппонент знает, что такое благо и мудрость. Пусть же скорей просветит он бедного Сократа! — И все дальше и дальше увлекает он спорщика. «Да, да, это так», — вынужден соглашаться тот. Но мудрец не довольствуется частной победой, он продолжает: «Давай-ка рассмотрим этот вопрос тщательнее. Ты следишь за мной? Следи внимательно!»

И вьется, разворачивается нить аргументов, определений, выводов. Собеседнику становится не

по себе, он так привык к шаблонным словам, что никогда особенно не вникал в их значение. Доводя мысль собеседника до абсурда, Сократ показывал, что тот родил «пузырь», а не настоящее дитя, и увлекал его к дальнейшему анализу, помогая «произвести на свет истину». Поэтому свой метод Сократ называет *маевтикой* — духовным акушерством; таким образом он побуждает собеседника самого открывать истину. Человек должен найти в себе и высвободить чистую мысль, «она требует ясной причинно-следственной связи и обоснованности заключений». Таким образом Сократ разрабатывал начала *индуктивного*¹ способа познания.

Несмотря на веру в возможность познания истины с помощью разума, на иронию, Сократ недвусмысленно подчеркивал, что метод его имеет *границы* и не претендует заменить мистическое познание. Человеку дан разум, это его достояние, а высшее открывается иным путем. Сам же он «совет от богов ставил выше всех человеческих отношений». В нем жила *вера в высшее Благо*. Сократ понимал его как небесный *Промысел*. И отнюдь не диалектика открыла Сократу этот аспект верховной Сущности; источник его видения нужно искать в личном духовно-нравственном опыте мудреца.

Религиозная интуиция Сократа составляет душу всей его философии. Поскольку Бог есть Добро, образованный им мир предназначен для радости, гармонии, для блага. Отражение в человеке духовного Божественного принципа позволяет людям быть разумными и творческими существами. А боги — это те тайные силы, которые влияют на жизнь человека. Но все они подчинены единому божественному Благу. Напрасно люди надеются подкупить их дарами, не отрекаясь от зла. Боги — помощники человека, но они могут содействовать ему только в добре, ибо только оно есть высшая цель богов и людей.

Из всего этого видно, что Сократово «богословие» стоит ближе к библейскому учению, чем все, чего достигла античная мысль до Сократа. Сократ показал, что вера и разум совместимы, что религия не есть нечто иррациональное, однако пример самой его личности показывает, что ни

вера, ни нравственность не строятся одной лишь логикой. Тайнственное обаяние исходило от Сократа, который часами мог стоять, погруженный в созерцание, который предчувствовал будущее, слышал голос «даймониона» (какого-то божественного существа в себе), — верил в реальность божественного Добра. И особенно того Сократа, который пошел на смерть ради истины.

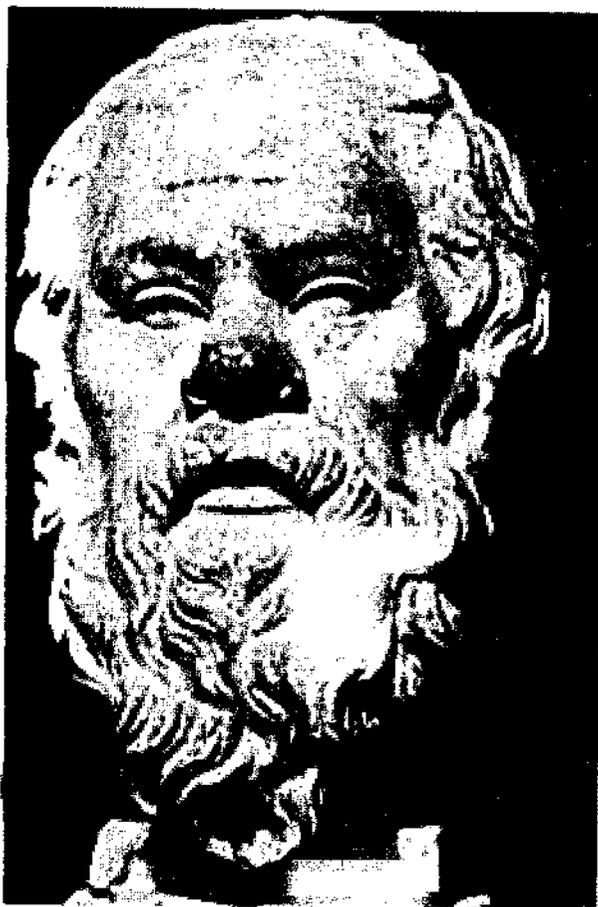
¹ Индуктивный способ познания ведет от фактов (того) к гипотезе, обобщающей эти факты.

Смерть мудреца Афины, 399 г. до Р.Х.

Сократ прививал слушателям умение критически мыслить. За это он был объявлен опасным вратителем, внушающим юношам неуважение к отечественным обычаям и вере, пренебрежение к авторитетам.

В годы, когда Афины потерпели поражение в Пелопоннесской войне, что привело к возникновению внутренних беспорядков, Сократ стал называться «козлом отпущения», на ком можно было выместить накопившееся недовольство. Нашлись те, которые подали на него жалобу в суд за то, что он «портит молодежь, не признает богов». Ему советовали Сократу составить «апологику» — защитительную речь на суде, но философ отказался. «Если я буду предан казни несправедливо, говорил Сократ, — то это будет позором для Афин. Кто предаст меня казни, пусть он не смеет считать это невежеством и ненавистью силой своего закона, в его распоряжении остается союзничество с людьми. Человеческая — его смерть, смерть мудрого и честного человека.

На суде Сократ заявил: «Если бы только Бог поставил в строй, обязав, как я привык жить, занимаясь философией и испытывая себя и людей, я бы вдруг испугался и бросил еще чего-нибудь и покинул строй, это был бы ужасный проступок». Сократ сравнил себя с конем, подгоняющим тучного и обленившегося. И если афиняне, рассердившись на него, внезапно разбуженные ото сна, убьют его,

Сократ

ую остальную жизнь проведут в спячке. Он про-
счит своим судьям, что их постигнет кара пост-
-шее той смерти, к которой они приговорили
ралософа: вечный позор как душителям свободы
I разума. Мужественное и независимое поведе-
ние Сократа на суде вызвало озлобление толпы,
* его приговорили к смерти.

В последние часы Сократ вел с учениками при-
зкнную дружескую беседу. Он не осуждал своих
Ш-чей, а жалел их. Несомненно, вера в Провиде-
нзе не покидала Сократа, и в эти предсмертные
«рчуны она восторжествовала над естественным
-с: веческим страхом смерти. Он сам совершил
исвение, чтобы избавить от хлопот тех, кто будет его
хронить. Не изменившись в лице, не дрогнув, при-
•ЖА он чашу с цикутой и со словами молитвы о том,

чтобы «переселение» в иной мир совершилось бла-
гополучно, неторопливо осушил кубок.

Так закончил свой долгий жизненный путь
этот удивительный человек, неутомимый искатель
истины. Он уверовал в разум, но с улыбкой встре-
тить смерть помогло ему доверие к благодати Выс-
шего начала. Принимая яд, он не знал, что ожи-
дает его за гробом, но до конца предался небесной
воле. Это и было источником его мужества и
спокойной радости, которые так поразили учени-
ков. Не случайно Отцы Церкви называли Со-
крата «христианином до Христа».

Платон. Поиск истины

Афины, Мегары, Египет, Сицилия,
399—387 гг. до Р.Х.

Ученик Сократа Платон (427—347 гг. до Р.Х.),
потрясенный смертью учителя, продолжил его
дело — поиск истины. Он пишет «сократичес-
кие» диалоги, стремясь воссоздать живой, твор-
ческий процесс поисков.

«Творения философов значительно поздней-
ших давно уже пожелтели и высохли, спал их
нарядный убор и стоят перед сознанием оголен-
ные их схемы, как мерзлые деревья зимой. Но
живы и будут жить претрепетные Диалоги Пла-
тона. И нет такого человека, который хотя бы
одно время жизни своей не был платоником. Кто
ведь не испытывал, как растут крылья души?» —
писал о. П. Флоренский¹. Трудно перечислить
всех мыслителей от Аристотеля и Отцов Церкви
вплоть до наших дней, которые так или иначе не
испытали бы на себе влияние Платона. Христи-
анские философы рассматривали учение Плато-
на как пролог к Новому Завету.

Платоновое учение о высшем Божестве, ду-
ховном мире и бессмертии духа несомненно спо-
собствовало осмыслению Евангелия античным
миром и помогло формированию христианской
философии; однако «идеализм» таил в себе уг-
розу извращения христианства тем, что вносила в
него идеи, глубоко ему чуждые. Из них можно
назвать три основные: отвлеченный спиритуализм,
родственный индийскому, пантеистическое тече-
ние и отсутствие духа свободы, без которого хри-
стианство немислимо.

Платон был человеком деятельным. После гибели Сократа он едет в Мегары к знаменитым философам, изучает математику, пифагорейскую теософию², древнюю орфическую мудрость, посещает Египет. Он не только напряженно ищет истину — он стремится претворить ее в жизнь и для этого едет на остров Сицилию, в Сиракузы, чтобы попытаться построить идеальное государство.

Но, не найдя поддержки у правителя Сиракуз и потерпев неудачу в своих замыслах, Платон возвратился в Афины. Во время путешествия его продали в рабство, но кто-то, выкупив Платона, спас его.

Платон пришел к выводу, что конфликт между поборниками правды и людьми, живущими лишь по своим прихотям, неизбежен. Значит, «тот мир, в котором праведник должен умереть за правду, — не есть настоящий мир. Существует другой мир, где правда живет», — писал Вл. Соловьев³ в исследовании о Платоне. Отказываясь признать хаос видимого бытия в качестве последней истины, Платон всем своим существом тянулся к тому незримому миру, в котором предчувствовал свою небесную отчизну.

Платону было около сорока лет, когда к нему пришла слава. Он становится знаменитым на всю Элладу, к нему едут ученики. Недалеко от Афин ученики Платона приобрели небольшое имение с рощей, посвященной герою Академу. Там философ беседовал с учениками, работал. С тех пор этот приют мысли — Академия — много веков будет притягивать самых разнообразных искателей мудрости: из нее выйдут Аристотель и Зенон, Плутарх и Климент Александрийский, Василий Великий и Григорий Богослов.

¹ Отец Павел Флоренский (1882–1943) — священник, религиозный философ, ученый, один из выдающихся мыслителей XX в. Погиб в заключении.

² Теософия (греч. «божественная мудрость») утверждает, что высшая Истина раскрывается только особо посвященным, подготовленным к этому философскими занятиями людям. Сам принцип теософии противоречит основному смыслу Евангелия, открывающего Бога всем людям.

³ В. С. Соловьев (1853–1900) — выдающийся религиозный мыслитель, философ, поэт и публицист.

Идея двух миров Афины, 387–370 гг. до Р.Х.

Каких бы тем ни касался Платон, основное, что неизменно влекло его, — это существование вечной духовной Реальности. Мысль Платона родилась из страстного протеста против дурной действительности; вырваться из тьмы в мир лучезарной Истины было для него вопросом жизни и смерти. В мучительном кризисе напряжение его духа достигло той крайней черты, где грубый покров вещей дает трещину и открывается достоверность высшего плана бытия.

Сущность своего учения Платон, нередко обращавшийся к образному «мифологическому» языку, передал в такой картине. Люди как бы находятся в темной пещере, во всю длину которой тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что они не могут двинуться с места и видят только то, что у них перед глазами. А так как они обращены спиной к свету, то и видят лишь тени от предметов, попадающих между источником света, горящим в вышине, и их темной пещерой. Таков наш видимый мир. Люди, привязанные к чувственным представлениям, принимают тень за подлинную действительность, и, освободившись от оков, не сразу могут освоиться с мыслью, что есть высший, недоступный ощущениям мир, и только постепенно оказываются в состоянии познавать его.

А познать высшую Реальность человек способен потому, что он не исчерпывается телом; в его душе есть некая точка — дух, или, как его называет Платон, «ум», который является *пересечением двух миров*. Человек в своей земной жизни принадлежит одновременно двум измерениям. «Душа» лишь на определенный срок связана с тленным телом, а сама она, в отличие от тела, подобна «божественному, бессмертному, умопостигаемому». Она есть главенствующее начало в человеке и призвана управлять телом. После же разлуки с телом душа уходит в подобное ей самой место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигнув его, обретает блаженство и впредь навеки поселяется среди богов. Затем по причине стремления к жизни душа претерпевает новые

Платон.
IV в. до Р.Х.

воплощения (метемпсихоз) и лишается своей роли в общении с божественным. Избежать «круга рождений» помогает философия, лишь одна она способна «освободить» душу, она делает жизнь мудреца возвышенной и учит не бояться смерти. Способность человека познавать высшее есть *припоминание* (анамнесис) того, что душа вынесла из запредельных сфер. В частности, по Платону, мысль о божественном Единстве является именно *припоминанием* того, что «некогда видела наша душа, когда она сопутствовала Богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и понималась до подлинного бытия».

Платон говорит, что каждому физическому явлению в мире *соответствует* какой-либо из наших органов чувств. Значит, и разум должны соответствовать *реальным умопостигаемым объектам* — эйдосы. Они постигаются не рассудком, а особым умственным зрением, обращенным к незримой реальности непосредственно, *интуитивно*.

Сократ говорит о Божестве как о высшем Благе и красоте. Размышляя об этом, Платон идет по тому же пути. Тот, кто хочет постигнуть Красоту и Добро в их последней глубине, то есть постигнуть Бога, должен напрягать свое «умственное зрение», подниматься ввысь, «не привлекая в ходе размышления ни зрения, ни иного какого чувства». И, лишь освободив свой дух от тленного, разум может познать, что есть истинная Красота в вечной сущности, сама в себе. «Познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря Благу; оно же дает им бытие и существование, оно — *за пределами существования*, превышая его достоинством и силой». Здесь удивительным образом сходятся пути умозрения и мистики; исходной точкой для Платона служил не только интеллект, но и мистическое видение сверхчувственного мира.

Тот день, когда Платон впервые провозгласил, что видимое бытие укоренено в Невидимом, стал великим в истории человеческой мысли. Это открытие определило основные пути западной философии.

Однако при истолковании связи духа и материи у Платона возникли трудности. Если душа на земле — изгнанница, а тело для нее только обуза и от него происходят все мыслимые виды зла, то высшая цель мудреца — готовить себя к смерти, к моменту, когда он наконец избавится от постылого бремени. А до того он может находить счастье в «воспоминаниях» о встречах с горним¹ миром.

Нетрудно понять, каким препятствием стал «идеализм» для принятия Воплощения и Воскресения. Учение Церкви о Богочеловечестве, о таинствах, освящающих материю, и о грядущем бессмертии целостного человека должно было казаться «идеалистам» унижением чистого духа, совершенного в своей бесплотности.

¹ Горний — высший.

Государство

Афины — Сиракузы, 370–354 гг. до Р.Х.

Платон верил, что в сфере эйдосов есть некий высший архетип Государства. Этот «Идеальный Полис» мыслился им в виде слаженного организма, все части которого связаны и служат друг другу.

Платон считает, что государственный порядок есть воплощение морального состояния граждан. А сами нравственные принципы коренятся в том вечном *Добре*, которое должно определять жизнь каждого человека. Отсюда вывод, что социальное переустройство неотделимо от внутреннего преобразования людей. Это была глубокая идея, верность которой трудно оспаривать. Если отрицать объективное значение справедливости, то непонятно, например, почему плохо неравенство и угнетение, — ведь горькие для одних, они вполне устраивают других. Поэтому отказ от единой

Храм Посейдона

Афина.

Роспись амфоры. Фрагмент.
490–480 гг. до Р.Х.

правды обычно приводит лишь к смене форм несправедливости.

Эти мысли Платон развил в своей книге «Государство». Философ утверждает, что общество складывается не случайно, а потому что люди нуждаются друг в друге. Труд есть нечто связывающее людей. Поскольку основы справедливости нужно искать в мире духовном, то для управления городом более всего подходит человек, приобщенный к истинной мудрости. Значит, управлять государством должны философы, познавшие мир эйдосов. Другие люди будут охранять государство, третьи — трудиться.

Особое значение придает философ воспитанию, цель которого — заставить представителей каждого класса знать свое место. Дети сразу после рождения отбираются у матери и отдаются на воспитание государству. Читать им дают только строго проверенные книги. Люди владеют всем сообща. Отменяется семья, воины вступают во временные браки по указанию правителей. Люди воспитываются так, чтобы не знать личных потребностей и всегда быть готовыми жертвовать

Ника Самофракийская.
Около 190 г. до Р.Х.

всем для отечества. Поэты, которые не отвечают духу государства, изгоняются. Ради блага людей стражи будут зорко наблюдать за тем, что едят граждане, во что одеваются, как развлекаются.

Забывая о «народе», Платон, по-видимому, совершенно не принимает в расчет *личность*. Он властно ломает старое, диктует, свержает, ибо люди для него — неудачно поставленные фигуры на шахматной доске, которые необходимо расположить в правильном порядке. Философу важна не каждая из них, а *общая* схема, которую он чертит с решительностью полководца. Платон уверен, что едва только будет установлен предложенный им порядок, как в государстве воцарится счастье. Над тем, какой ценой оно будет куплено, он не задумывается.

Одним словом, Платон создал проект «закрытого» *авторитарного* государства, которое определяет для всех граждан цели, интересы, вкусы и даже моду. Функции власти расширены Платоном до бесконечности: он присваивает ей право распоряжаться и в экономической, и в культурной, и в религиозной сферах. Таков мрачный итог попытки обрести гармонию без свободы.

Свобода требует от человека подвига, творчества, ответственности, здесь же все ясно, все решено, на все вопросы заранее готов ответ. Отдаться такому безмятежному существованию было старым искушением человечества. Не раз, тяготясь своей свободой, люди были готовы променять ее на «чечевичную похлебку»¹.

Особенно остро «боязнь свободы», неумение и нежелание ею пользоваться сказываются в переходные эпохи, когда человек сбрасывает оковы, а потом не знает, что делать дальше; тогда он готов ради покоя и порядка снова вернуться к рабству.

Платон совершил попытку претворить свои идеалы в жизнь. Она оказалась неудачной, и это было благом, потому что в случае успеха Платон оказался бы в числе исторических преступников. Потому что добро без свободы неизбежно оборачивается злом.

¹ За чечевичную похлебку Исав, сын Исаака, променял свое первородство младшему брату Иакову, который и получил вместо него благословение отца (Быт 25).

Логос и Хаос

Афины, 354—347 гг. до Р.Х.

В последние годы Платон пытается понять, что собой представляют силы Добра и Зла в устройстве Вселенной. Он утверждает, что мир сотворен Демиургом (Создателем). Верховный Разум, или Логос, творит целостный мир по образу эйдосов, а в конечном счете — по образу совершенства. Космос сотворен как «единое видимое живое существо», обладающее разумом и душой. Вселенская душа была создана первой и послужила объединяющей основой для космоса. Таким образом, миротворение есть процесс активности Логоса в царстве вечного Хаоса, но черты несовершенства остаются неизбежными в нашем

«наилучшем из миров». Создание Вселенной закончено, но полностью изгнать из нее хаотическое начало не под силу и самому Демиургу, ибо оно связано с властью Ананке — Необходимости... Человеку не остается ничего иного, как примириться с фактом несовершенства. Мятеж против зла, апокалиптическая надежда — все это оказывается чуждым Платону, наследнику магического мирозерцания.

Величие Платона заключалось в прозрении высшего духовного мира, где человек находит свою небесную родину. Но кроме солнечного света Логоса в его сознание проникает и обманчивый лунный свет дионисического дуализма; позади же всего грозно сверкают звезды ночного неба — Судьба и Необходимость.

V. ВЕСТНИКИ ЦАРСТВА БОЖИЯ¹

Библейские пророки от Амоса до эпохи реставрации, VIII—IV вв. до Р.Х.

ВВЕДЕНИЕ

В Библии мир предстает перед нами как незавершенная и «открытая система», которая развивается по восходящей линии. Пророки первыми оценили ход времени и поняли, что земные события представляют собой историю борьбы Сущего за Свое творение. Конечная цель этой борьбы — полное торжество Божественного Добра. Первоначально пророки считали залогом победы устранение всяческой неправды из мира, но постепенно они осмыслили будущее Царство Божие как примирение Творца и человека, единение их в высшей гармонии. Они видели в человеке активного подвижника Божия. Служение высшей Воле требовало от пророков деятельного участия в жизни окружающего мира. И прежде всего они выступали как непримиримые враги заблуждений их современников.

Пророки совершают уникальную религиозную революцию, безжалостно низвергая привычных языческих кумиров. Они никогда не делают культа из «отечественной старины» как таковой. Упорному тяготению израильтян к язычеству они противопоставляют веру в Единого,

магическому пониманию богослужения — религию духа, национальной узости — универсализм.

Пророки объявили себя продолжателями религиозного учения Моисея, которое все же оказалось не в силах победить грубый натурализм и крестьянские суеверия израильтян. Для того чтобы проповедь Моисея была услышана и принята во всей Палестине, необходимо было новое духовное возрождение народа. Начало этому процессу было положено деятельностью пророка Амоса.

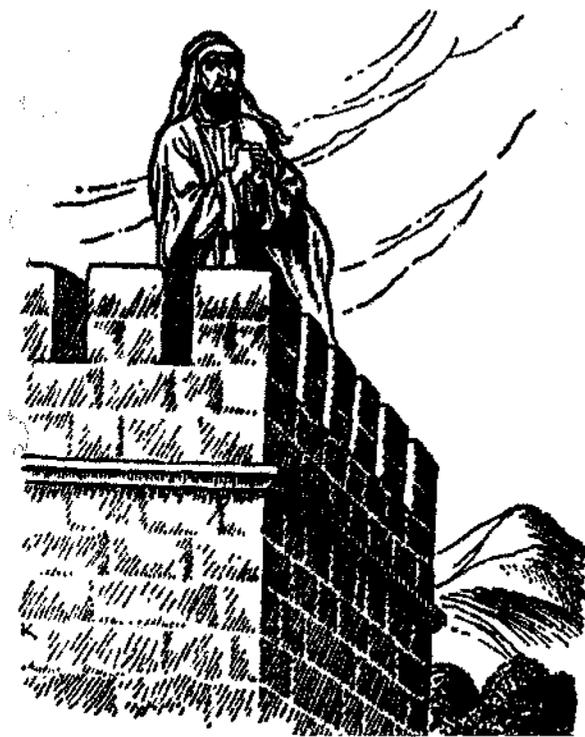
Пророк Амос.

Г. Доре.

Гравюра

¹ В этой главе цитаты из книг пророков даны в новом переводе.

Пророк

ДО ПЛЕНА

Пастух Амос
Северное Израильское царство,
760–755 гг. до Р.Х.

Израильский пророк Амос, первый из пророков в истории Ветхого Завета, пишет на пергаменте книгу, в которой излагает свои знаменательные видения и вещие предсказания.

По отдельным дошедшим до нас сведениям попытаемся представить себе жизнь Амоса до его призвания. Он был родом из Текои, небольшого городка в Иудее, находившегося в нескольких километрах от Вифлеема. Городок этот располагался на самом востоке населенной части страны. «Далее, — говорил блаженный Иероним, живший в тех местах, — нет ни одного селения... На этой сухой песчаной земле совсем не родится никаких плодов. Поэтому вся она наполнена па-

стухами, так что бесплодие земли вознаграждается обилием скота».

Но если Амос и был в полном смысле слова человеком из народа, бедным пастухом, то мы ошиблись бы, предположив, что он был невежествен. Напротив, этот простолюдин обладал широким кругозором, был довольно грамотен, тщательно изучал Писание и хорошо знал жизнь окружающих его людей.

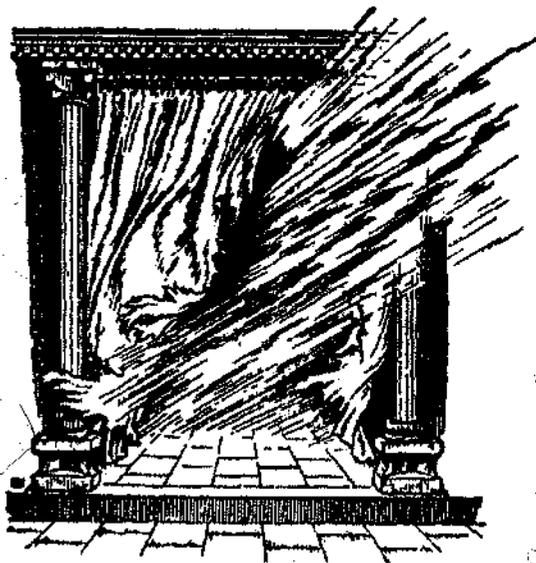
Однажды, около 760 г. до Р.Х., с ним произошло нечто, что вынудило его внезапно оставить тихую жизнь в горах и появиться в шумных городах Эфраима. Амос ушел из иудейской земли на север.

Сам Амос говорит о потрясшем его душевном перевороте как о главном событии своей жизни. В одно мгновение, словно вспышки молнии, озарил его необычайно яркий свет: как буря, как гудящее пламя пожара пришло к нему слово Господне.

«Я не пророк и не Сын Пророческий», — говорил Амос. Он не учился у прорицателей, не принимал посвящения от людей.

Пророком его сделал только Бог. В этом проявилась одна из существенных черт библейского Откровения, которая становится особенно ясной при сравнении с другими религиями.

Завеса

Когда человек задумывался о непонятных ему явлениях природы или искал помощи в своих земных делах, он издавна обращал свои взоры к Божеству. Посещение оракулов и аскетические подвиги, философские искания и совершение ритуальных церемоний — все это в первую очередь говорило о заботах людей, их трудностях, недоумениях и устремлениях. Считалось, что благосклонность богов покупается жертвами, и это было, в сущности, единственное, что могло привлечь их внимание к людям.

Совершенно иной религиозный мир раскрывается в Библии.

Ягве — незримый и созидающий миры, ни на мгновение не остается равнодушным к Своему творению, особенно же к человеку, в котором запечатлен Его образ. Начало диалога с человеком всегда принадлежит Богу.

Божественное Откровение звучит как голос Личности, Которая может вступать в контакт с человеком, но тем не менее бесконечно превосходит всё человеческое.

«Он есть Тот, Кто создал Орион и Плеяды,
Кто превращает тьму в утро
и день — в непроглядную ночь...
Строит Он в небесах чертоги Свой,
и своды Свой утверждает на земле;
Созывает воды морские
и разливает их по лицу земли.
Ягве — имя Ему!»

(Ам 5:8; 9:6)

Амос даже избегает называть Сущего Богом Израилевым. Это имя ограничивало бы Его рамками национальной веры. Амос предпочитает именовать Его Саваофом, Богом Воинств, что означало «Властитель звездных миров», «Господь Вселенной».

То, что Бог «возвещает человеку Свои замыслы», означало вовлечение людей в процесс всемирного созидания. Ягве властвует над миром и открывает людям Свою волю через пророков. Амос утверждает, что Он «не делает ничего, не открыв Своей тайны слугителям Своим, пророкам» (Ам 3:7). Через пророков Творец осво-

бождает мир от слепоты и открывает людям возможность участвовать в исполнении Божественных планов.

В Бетеле Амос собирает толпы слушателей, вызывает панику среди духовенства, приводит в смятение весь город.

Что же могло вызвать резкое противодействие властителей проповеди Амоса? Угрозы против царского дома? Несомненно. Но этого мало. Такие угрозы вообще нередко произносились пророками. Самое большое негодование, видимо, вызвало пророчество о гибели Израиля.

Обращения Амоса к народам полны горечи и гнева. В чем же Господь обвиняет через него язычников? Отнюдь не в том, что они исповедуют ложные религии. Их грех заключается прежде всего в попрании человечности. Пусть они заблуждаются относительно Бога, но они должны различать добро и зло. Это то, что апостол Павел называет законом совести у язычников.

Пророк напоминает о резне, учиненной в захваченных городах, о жестоком обращении с пленными, об издевательствах над беззащитными женщинами и детьми. Все это не останется без возмездия: Бог — Судия мира, и все люди ответственны перед Ним.

Ответственность означала высокое достоинство и причастность к замыслам и делам Творца. Преступления народов есть не просто нарушение земного порядка, но прежде всего противление воле Божией относительно мира и человека.

ЛЮДИ РАВНЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ БОЖИИМ — вот благовестие иудейского пастуха Амоса. Чтобы осознать всю новизну и смелость его проповеди, стоит вспомнить, что в те времена египтяне и индийцы называли иноплеменников «сынами дьявола», а греки считали варваров «прирожденными рабами». Но что говорить о древности, когда и сейчас, через двадцать восемь веков после Амоса, ненависть, презрение и отчужденность продолжают порой разделять народы.

У Амоса мы не находим еще проповеди мировой религии, но его универсализм явился важным шагом в направлении к ней. Он считал, что Израиль не потому стал народом Божиим, что он лучше других, но потому, что ему было предназна-

чено принять Откровение, быть его сосудом и носителем.

Это не имеет ничего общего с вульгарным национальным мессианизмом, ибо по своей физической природе израильтяне ничем не отличались от эфиопов и филистимлян. Горькое разочарование ждет тех, кто говорит: «мы лучше других», «мы особые». Правда Божия нелюбима.

Самого Амоса новое видение мира потрясло до глубины души. Быть может, и сам он когда-то не был свободен от общепринятых иллюзий. И с тем большей силой стал он теперь проповедовать о неизбежности Суда Господня. Вавилонские поэты прославляли богатырей, египетские — богов, фараонов и женщин, Гомер воспевал доблесть своих героев и их оружие; Амоса же — великого поэта Востока — вдохновляет мысль о Божественной справедливости. Правда — его единственная царица и героиня.

«В это скверное время, — говорит Амос, — благоразумные помалкивают». Он прекрасно сознавал, какую ненависть возбуждают его речи, но молчать не мог даже перед лицом обвинений и угроз.

Внешняя набожность ни на йоту не оправдывала израильтян в глазах пророка. Религия, в которой подразумеваются сделки людей с божествами и вымогательства, есть оскорбление Неба. Люди должны навсегда расстаться с надеждой, будто от Бога можно откупиться.

«Ненавижу Я, презираю праздники ваши,
не приемлю каждаго на торжествах
ваших!
Если принесете Мне всесожжения и дары
ваши,
Я отвергну их
и не взгляну на жертвенных тельцов.
Удали от Меня шум песен твоих,
звукам арфы твоей Я не стану внимать;
Но пусть, как вода, потечет правосудие
и справедливость, как могучий поток».
(Ам 5:21—24)

Некоторые исследователи пытались толковать служение Амоса как создание своего рода «эти-

ческой религии» и видели в нем лишь социально-го реформатора, боровшегося с угнетателями с помощью религиозной фразеологии. Но такие попытки лишены всякого основания.

Амос — боговидец, для которого служение правде есть прежде всего исполнение Божьих велений. Он знает надмирный сверхчеловеческий источник добра, и для него Бог и правда едины. В проповеди Амоса социальный протест есть не основное, а вторичное, производное от веры.

В сознании древних мысль о грехе чаще всего сливалась с нарушением установленных правил. Для Амоса же грех есть зло, внесенное в отношения между Богом и человеком.

Не просто «совесть», не просто «гуманность» необходимы человеку, но живое познание Бога, слышание Его слова. И в то же время принятие небесного Слова невозможно без исполнения заповедей.

«Дома из тесаных камней вы построили,
но жить в них не будете!
Виноградники прекрасные развели,
но вина от них пить не будете,
Ибо знаю Я, каково множество
преступлений ваших
и как тяжки грехи ваши».
(Ам 5:11)

Амос предвидел, что Израиль будет изгнан со своей земли, которой он оказался недостоин.

Вряд ли он мог знать подробности событий, происходивших далеко на севере, на берегах Тигра. Тем более восхищает его историческое пророчество. Военный мятеж привел на престол Ассирии Тиглатпаласар III (745—727 гг. до Р.Х.). Его руками была создана невиданная доселе военная машина, подчиненная строгой дисциплине и содержавшаяся на средства государства.

Такая армия была практически непобедимой, и после почти столетнего перерыва началась новая серия походов. Тиглатпаласар в это время ввел еще одно новшество: он понял, что прежняя политика взимания дани приносит мало пользы, и предпринял уже настоящую оккупацию завоеванных земель, уводя из них местных жителей и

поселяя там чужеземцев. Такой перетасовкой населения царь хотел исключить возможность возникновения национальных очагов сопротивления. Оторванные от родины люди быстро ассимилировались и превращались просто в «подданных царя».

Недалек был день, когда такая участь должна была обрушиться на Израиль.

Откровение любви Божией.

Пророк Осия

Самария, ок. 750—740 гг. до Р.Х.

В своих пророчествах Амос был не одинок: в Эфраиме появился проповедник, говоривший о близкой гибели Израиля. То был Осия, младший современник Амоса. Вероятно, он жил в Самарии и проповедовал в одном из ее святилищ; есть основания полагать, что он был священником. Религиозное состояние народа и богослужебная практика были ему хорошо известны. Но из того, что Осия говорит о пророках и священниках, можно заключить, что он принадлежал к тем людям, которые осознали духовный кризис Израиля и не желали мириться с застоєм и вырождением веры.

Осия смотрел на Синай как на верный ориентир в религиозной жизни народа. Он провещал Моисеевыми заповедями события своего времени и должен был прийти к таким же печальным выводам, что и Амос. Однако Осия не стал лишь предсказателем мрачного конца, не был он похож на надменного мудреца, который, подобно Гераклиту, бесстрастно судит о людских безумствах с высоты своего превосходства.

Осия временами готов кричать от терзающей его скорби; он охвачен горем, возмущением, страстной тоской по гармонии и миру.

Какие-то не совсем ясные для нас события в жизни Осии подготовили его душу к восприятию новых глубин богопознания.

Что же произошло с Осией? Он рассказывает о своей жизни довольно сбивчиво: в одном месте говорит, что женился на «блуднице», в другом — о своей любви к неверной женщине. Вряд ли перед нами аллегория. По-видимому, и «блудница», и «неверная жена» Осии — одно и то же реальное лицо.

Сеятель

Для Сократа неудачный брак едва ли мог быть трагедией; и дело здесь не столько в личном характере философа, сколько в том, что грек, как правило, не ждал от женщины духовной близости и понимания.

Между тем в Израиле женщины не были безмолвными рабынями. Жены некоторых пророков разделяли со своими мужьями их служение. Поэтому нет ничего странного в том, что Осия искал в своей жене сочувствия и духовной близости. Но вместо этого он нашел легкомыслие, равнодушие и грубость. Кажется, что на какое-то время между мужем и женой произошел полный разрыв. Согласно обычаю, Осия мог обратиться к суду, строго каравшему неверных жен, но любовь не позволила ему сделать это; напротив, она в конце концов взяла верх над горечью измены, и Осия вернул жену в дом. Светлый эпилог Книги пророка Осии говорит о том, что сильное и чистое чувство победило после всех испытаний.

Нравственные страдания, через которые прошел Осия, стали тем опытом для души, в результате которого раскрылся пророческий дар.

Для Осии религия — не столько долг или обязанность, сколько прежде всего любовь к Богу. У него, первого в Священном Писании, брак, любовь мужа и жены становятся символом союза Бога с человеком. В браке есть и долг, и обязанности, но сущность его — в таинственном единении двух существ. Такова и вера. В ее основе лежат не требования, а любовь: доверие, привязанность, неразрывные узы. Здесь Осия предвосхитил уже апостола Павла и Иоанна Богослова.

Трагедия Израиля — в его измене любви Божией.

Но не только прямое отпадение в язычество составляет в глазах Осии измену народу Божия. Он видит ее в искажении самого почитания Ягве. В этом он целиком единокорен с Амосом, проповедником религии Духа.

«Сделали себе литых кумиров, — иронически говорит пророк, — из своего серебра, по своим понятиям, изделие художника. Говорят им: принosite жертву! Человек, целуй тельцов!» (Ос 13:2).

Возмездие готовится руками самих грешников, которые, «посеяв ветер, пожнут бурю» (Ос 8:7). Еще яснее, чем у Амоса, у Осии выражена мысль о том, что в самом отступничестве от Бога уже заложена кара. Не Бог-мститель явится с бичом для воздаяния, а сам грех обрушит его на преступника. Бог лишь создал такое положение вещей в мире, при котором наказание за грех неотвратимо.

Но в тот самый момент, когда приговор кажется уже готов, среди упреков, сетований и зловещих предсказаний неожиданно звучит голос Божий. И это уже не голос непреклонного Судии, а слова, исполненные бесконечной жалости и сострадания.

«Как предам Я тебя, Эфраим?»

Отрекись ли от тебя, Израиль?..

Повернулось во Мне сердце Мое,

Разгорелась во Мне жалость Моя».

(Ос 11:8)

Пророку, любовь которого преодолела все муки измены, явилась неугасимая любовь Божия. Он — возлюбленный, Он — всепрощающий:

«Он уязвил — и Он же исцелит,

Он ранил — Он же и перевязывает раны».

(Ос 6:1)

Отвергнутый и преданный людьми, Бог страдает. Вот непостижимая тайна, открывшаяся пророку Осии. Это страдание — боль неразделенной любви, оно свидетельствует о сокровенных узах, связующих творение и Творца.

Мы нужны Ему! Не чудо ли? В силах ли мы понять эту мысль?

«Божество не страдает, страдание есть признак несовершенства», — говорят в смущении философы. Нет, отвечает им пророк, есть *Божественное страдание*. Бог страдает из-за *нашего* несовершенства.

Перед лицом страстей Господних преобразуется человек. Уже не черви мы, попираемые ногами, не забытый островок мира, а дети Божии, которых Неизреченный держит на руках, которых Он с болью проводит через испытания, чтобы обратить к раскаянию. Такими увидел людей Осия. Если Амос бросает грешников в бездну ужаса, то Осия возносит кающихся к вратам Неба.

«Я — Бог, а не человек!» — говорит Ягве (Ос 1:9). Это звучит, как удар грома. Но при этом Непостижимый и Вечный, Он полон какой-то глубочайшей живой человечности. Он есть Правда, и поэтому — Судия, но Он же сострадает грешникам. Он же останавливает стрелы гнева; Его любовь сильнее закона воздаяния.

Пророк не только ясновидец любви, но и провозвестник свободы, которая раскрывается в том, что Всемогущий ждет обращения людей Своих.

В эпоху греческой тирании, основания Рима и ассирийских нашествий, в отблеске кровавого заката Израиля Осия, последний пророк Северного царства, говорит о Боге, который есть Любовь и ждет от человека ответной любви. И когда Сын Человеческий войдет под кровы отверженных, презираемых и грешных, он напомним законникам, кичившимся своим благочестием, эти великие слова Осии: «Милосердия хочу Я, а не жертвы...» (Ос 6:6; ср. Мф 9:13; 12:7).

Пророк Исайя.
Г. Доре.
Гравюра

Исайя и «бедняки Господни» Иерусалим, 742–735 гг. до Р.Х.

Столб дыма над Храмом, зубчатые стены, опоясывающие крепость на холме; крутые выжженные солнцем склоны; волнистая цепь гор замыкает долину. Таким был Иерусалим за восемь веков до Рождества Христова. К тому времени он пережил долгую историю, а впереди его ожидала удивительная судьба. Здесь пересекутся пути многих народов и культур; в течение трех тысячелетий его будут оспаривать друг у друга люди трех материков; к его святыням станут приходить исповедующие три мировые религии.

Город Давида и Христа, город Обетования и Евангелия, Иерусалим от самых своих истоков связан со Священной историей.

В атмосфере этого легендарного города и вырос первый великий пророк, проповедовавший в Иудее, — Исайя. Как Сократ — детище Афин,

так и Исайя неотделим от Иерусалима, дух которого ощущается во всех его проповедях, в его учении о святости Божией, об Остатке Израиля и о Мессии.

В биографии Исайи отражена в каком-то смысле история его родного города в ту эпоху. Исайя был призван на служение, когда ему было около тридцати лет, и с тех пор на протяжении почти полувека он оставался духовным отцом Иерусалима, советником царей, неподкупной совестью нации.

Исайя по праву должен быть признан одним из крупнейших писателей Израиля. Его монологи дышат огромной эпической силой.

Когда мы обращаемся к Книге пророка Исайи в ее современном виде, то должны помнить, что это сборник речей, составленный его учениками. Не все в этом сборнике принадлежит самому пророку, часть написана его последователями. Для того чтобы выделить подлинные проповеди Исайи

и расположить их в хронологическом порядке, потребовалась работа нескольких поколений богословов. Для составителей древней антологии важно было прежде всего сохранить учение пророка и его школы. Между тем литературный анализ книги помог восстановить последовательность речей в связи с этапами духовного развития и биографией Исаяи.

Исайя родился в Иерусалиме около 765 г. до Р.Х. и, по преданию, принадлежал к царскому роду. Даже если это легенда, во всяком случае, он, несомненно, был из аристократической семьи, и та роль, которую он играл в городе, указывает на его знатное происхождение.

Молодость Исаяи совпала с годами сравнительного благополучия страны. Однако не в этом видел он знак благоволения Божия. Разделяя общую веру в избранность Сиона, он не связывал ее с ханаанскими легендами и народными поверьями. Храм в его глазах был местом особого Богоявления, местом, где Господь открывается людям.

Однажды, когда Исаяя молился в Храме, как бы зарница разорвала тьму, и открылось ему, что Сущий здесь, что Он воистину обитает среди Своего народа, идет рядом с человеком.

Что это было? Интуитивное чувство Всевышнего? «Божественная тайна разлита во всем» — кто в минуты просветления хотя бы раз, хотя бы в слабой степени не ощутил этого?

С Исаяей же произошло другое. Пророк пережил Богоприсутствие не как трепетное касание незримого, но как реальную, явную почти до боли близость Иного, близость, вызывающую мистический ужас. Это было что-то очень мощное и вместе с тем очень личное, пронизывающее, как пристальный взгляд, подлинное обнаружение Бога рядом с собой. Он, Ягве, шествующий над Синаем и морем, превыше облаков, ветров и звезд, непостижимым образом пребывает в этом суровом святилище среди лампад и золоченых херувимов, обитает в этом Доме и на этой горе, в этом святом граде.

«Я видел, — говорит Исаяя, — Господа, сидящего на престоле высоком и вознесенном, и края риз Его наполняли храм».

(Ис 6:1)

«Горе мне, я погиб! — пронеслось тогда в сознании Исаяи, — ибо я — человек с нечистыми устами и среди народа с нечистыми устами живу, а глаза мои видели Царя Ягве Воинств...» (Ис 6:5). С детских лет его учили, что созерцание Сущего подобно вхождению в огонь.

Но вот через облака курений к Исаяе прилетел один из серафимов. В его руках уголь от жертвенника, которым он коснулся уст пророка, и все существо Исаяи пронизал очистительный огонь.

«Кого пошлю Я? Кто пойдет для Нас?» — прозвучал в глубине голос. Исаяя не колебался: «Вот я, пошли меня!» (Ис 6:8).

И тогда он услышал страшные слова о народе слепом и глухом, народе с черствым сердцем, который отвернулся от Бога. Пророк должен возвещать слепцам волю Ягве, но все будет тщетно, ибо они не станут слушать. И все же Исаяя обязан говорить. «Доколе, Господи?» — опечалился Исаяя. Ответ звучал как приговор:

«Пока города не будут разрушены и опустеют, дома останутся без жителей.

И земля не обратится в пустыню, пока не удалит Ягве отсюда людей и вся страна станет безлюдной...»

(Ис 6:11)

Хотя греховный человек и не в силах созерцать Бога, но Исаяя, очищенный, уже с сыновним дерзновением говорит: «Вот я, пошли меня!» Пророк не тонет в Боге, но и не лежит перед ним распростертый ниц, он предстоит Ему и становится соучастником Его деяний.

Явление в Храме было откровением свято-сти Божией. Бог свят — вот альфа и омега провозвестия Исаяи, его символа веры.

В Упанишадах и у Платона мы тоже находим мысль о том, что Божество в своей сущности не может быть определено никаким земным понятием. У Исаяи эта несоизмеримость Бога и мира выражена в слове «кадош», «святость». Но при этом Сущий не перестал быть для пророка Богом Живым. Он есть Личность, действующая в мире, хотя Лик Его и образ Его действий совершенно иные, нежели у людей. Человек может

знать лишь Его волю, но самого Его познать он не в состоянии. И если возможен союз между Творцом и творением, то только потому, что Бог сам ищет его, начиная диалог с человеком. Учение о «святости» напоминало о том, что тайна Божия «всцело иная». Оно предостерегало людей от создания воображаемого Бога по своему образу и подобию.

Радость, рожденная посещением Божиим, омрачалась для Исаяи сознанием несоответствия народа идеалу «святости». В применении к людям «кадош», «святость» означала «посвященность Богу». Народ Ягве должен был принадлежать Ему целиком и следовать Его путями. Но что же?

«Виноградник Ягве Саваофа — это дом
Израилев,
и мужи иудейские — любимое
насаждение Его.

Он ждал правосудия, а здесь —
кровапролитие,

Он ждал праведности, а здесь — вопль».

(Ис 5:7)

Видение пророка Исаяи
о разрушении Вавилона.

Г. Доре.

Гравюра

Если мы сравним проповедь Исаяи с речами Амоса, то сразу бросится в глаза их существенное различие. Для Амоса День Ягве — это лишь тьма, разрушительный вихрь, Исаяя же усматривает в нем и нечто другое. Обетования Божии не отменяются целиком: среди всеобщего разложения и надвигающейся беды должен сохраниться святой *Остаток Израилев*. Именно в нем и осуществится все то, что предсказано некогда народу Божию. Ядром возрождения народа Божия станут люди, верные «святости», люди, посвятившие себя небесному Царю.

В те годы все более явственно давало о себе знать религиозное направление, известное под названием «эбионим Ягве», «бедняки Господни». Именно в них мог видеть пророк тот святой *Остаток*, который будет спасен во время всех исторических потоков.

Пастушеский идеал с его простотой и свободой отвергал узурпацию власти и обогащение. Угнетатель, вероотступник и «пожиратель бедных» нередко был представлен в одном лице.

Однако бедность, порожденную праздностью, Библия недвусмысленно осуждала (Притч 28:19). Неимущий, исполненный злобы, зависти и алчности, не мог быть причислен к «беднякам Господним», которые не считали свою бедность проклятием, а по-своему даже гордились ею.

Поборники истинного благочестия группировались нередко вокруг Храма. Это были и «бедняки Господни», и люди, которые называли себя «анавим». Слово это буквально переводится тоже как «нищие», но по смыслу означает «кроткие» и «смирненные».

Смысл слов «кротость» и «смирнение» сильно изменился от неправильного употребления и ложных ассоциаций; смирнение легко отождествляется теперь с ханжеской елейностью, низкопоклонством, унижительной покорностью. Между тем смирнение в библейской ветхозаветной и христианской традициях лучше всего может быть понято как духовная трезвость и доброта, противоположные опьянению гордыней.

«Кроткие», как и «бедняки Господни», были замечательным явлением в духовной жизни дохристианского мира. Ведь то было время могущества

Господь поражает Левиафана.

Г. Доре.
Гравюра

Ассирии, время изощренной жестокости и организованных массовых убийств. Если в XX в. тупое насилие и попрание человечности приобретает небывалый размах, то чувство нравственного возмущения, которое вызывают любые акты бесчеловечности, отличает нашу эпоху от прошлых веков.

Иное дело — эпоха пророков. Анналы тех времен с эпическим спокойствием повествуют о гнусных надругательствах над человеком. Но именно в то время и пробудились в мире силы добра. В эпоху Ветхого Завета к создателям Царства Божия принадлежали анавим и эбионим, в которых Исая усмотрел святой Остаток Израиля.

Слова «анавим» и «эбионим» и в евангельские дни будут обозначать тех, кто сознательно вступил на путь добра и нестяжания, и именно поэтому через восемь веков после Исаяи в Своей Нагорной проповеди Христос прежде всего обратился к «нищим», «кротким», гонимым и ищущим правды; и о Себе Он скажет: «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф 11:29).

Слово о Мессии

Иерусалим и Самария, 736—727 гг. до Р.Х.

Мысль о спасении и потребность в нем могли появиться только на определенном этапе духовной истории, когда люди пришли к убеждению, что Вселенная не есть лучший из миров. Именно тогда возникли учения, предлагавшие, каждое на свой лад, способы освободиться от фатальной власти зла: от страдания, бессмыслицы и смерти.

В Израиле тоже жила мысль о спасении. Но для еврейских пророков спасение было не политической утопией и не отказом от мира, а означало жизнь с Богом. Они говорили о спасении только потому, что верили в пришествие самого Бога в мир.

Грядущее всегда было путеводной звездой для людей Ветхого Завета. Пророк Нафан предрек вечное царство Мессии из дома Давидова; но так как вечность присуща только Богу, это Царство и явится Царством Божиим.

Кого в те времена израильтяне называли мессией? «Мессия», или правильнее «машиах» (по-гречески «христос»), означает «помазанник», то есть человек, посвященный Духом Господним на служение. Так именовали пророков, священников, но главным образом — царей.

При совершении обряда помазания употребляется елей, масло оливы. Как огонь был символом духовной мощи, а вода — знаком очищения, так елей знаменовал сохранение. Елей, возлитый на избранника, означал постоянное пребывание на нем Божественного посвящения. Его совершали во время торжественной коронации, поэтому в сущности каждый иерусалимский монарх был «мессией». Однако пророчество указывало на Мессию необыкновенного, Того, Который некогда воцарится в нерушимом Царстве, одесную Ягве.

«Ибо из Сиона выйдет Учение
и Слово Ягве — из Иерусалима.
И Он будет судить между племенами,
говорить ко многим народам;
И они перекуют мечи свои на плуги
и копыя свои на серпы.

Не поднимет меча народ на народ,
и не будет больше учиться войне».
(Ис 2:3—4)

Эти слова о «мече и орале» (плуге) нередко повторяют и в наши дни, с той лишь разницей, что начало пророчества опускается. Между тем библейский поэт не отделял желанный конец кровопролитий от духовного возрождения мира. Пророчество говорит о том, что зло может быть побеждено только тогда, когда люди примут Учение и Слово Господне.

Это было особенно необходимо в те дни, ибо период относительного спокойствия кончился и Иудея вступила в полосу войн. Две великие державы — Ассирия и Египет — готовились к решительной схватке, причем перевес был явно на ассирийской стороне. Перед обоими еврейскими царствами стояла трудная задача: определить свою позицию, пребывая между молотом и наковальней.

Именно в этот критический час пророк Исайя сделал попытку повлиять на царя Ахаза. В присутствии всех окружающих он торжественно провозгласил явление «знака от Ягве», указывающее на неприкосновенность святого града.

«Слушайте! Дом Давидов! Мало Вам испытывать людей, что вы испытываете Бога моего? И все же даст Сам Господь вам знак: вот некая жена зачнет, и родит Сына, и даст ему имя Эммануил («С нами Бог»). Маслом и медом будет он питаться, пока не научится отвергать злое и избирать доброе. Но прежде чем отрок научится отвергать злое и избирать доброе, будет опустошена земля...» (Ис 7:13—16).

Пророк требовал от царя подвига во имя веры. Но помощь ассирийцев была поставлена выше помощи Ягве. Царь иудейский, не упова на Господа, доверился монарху великой державы.

Большинство иудейских царей мало походило на идеального помазанника. Рождение младенца, которого нарекут «С нами Бог», знаменовало не только спасение Сиона от врагов, но и наступление в будущем Царства Божия.

Итак, венец спасения — Божие Царство, властитель его — Мессия-Христос. Тема эта сначала

входит в Ветхий Завет робко и неуверенно, но постепенно слышится все громче, захватывает все большее пространство и наконец становится ведущей в уповании Израиля. Мессия-Личность... Помазанник, Который восстановит мир между Творцом и людьми.

Самария и Сион 715—688 гг. до Р.Х.

В 715 г. умер царь Ахаз, и его сын Езекия, которому тогда было уже около двадцати пяти лет, наследовал ему.

Новый царь с первых дней правления связал политику с идеями «партии реформ». Есть все основания считать, что Исайя сразу же стал близким к царю человеком и вдохновил его на проведение религиозных преобразований.

Согласно Библии, Езекия в первый же год своего правления объявил о всенародном и торжественном праздновании Пасхи в городе Давида. До сих пор она не была связана с Иерусалимом. Семьи в каждом городе и селении устраивали в этот день священную трапезу, установленную со времен Исхода. С этим торжеством издавна соединяли праздник Опресноков, когда выпекали пресный хлеб перед уборкой ячменя. Этим праздникам — пастушескому и земледельческому — Езекия хотел придать характер Сионского торжества. Как воспоминание об избавлении от рабства Пасха должна была отныне стать днем прославления свободы, днем благодарственных молитв в Доме Господнем. Под влиянием Исайи царь стремился также пробудить в народе дух покаяния. Объявляя свою волю перед собранием священников, Езекия сказал: «Над отцами нашими тяготел гнев Ягве, и вот теперь я хочу заключить Завет с Богом, чтобы Он отвратил от нас Свой гнев». Таким образом, возвращение к чистоте древней веры стало главным девизом преобразований.

Езекия энергично содействовал религиозному просвещению. При нем был расширен штат писцов, занявшихся приведением в порядок священных книг. Писцы Иерусалима, именовавшиеся «слугами Езекии», собрали речи пророков, пред-

Поражение Синахериба
по молитве Езекии.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

сказывавших падение Самарии, составили новую Священную историю, соединив два ее варианта — северный и южный. Они выпустили сборник изречений «Мудрости». Этот сборник, приписываемый Соломону, знаменовал появление нового жанра в библейской литературе. И не случайно возник он в годы мира и развития просветительства. В Книге Притчей мы не найдем ни проповеднического пафоса, ни бурных обличений, ни мучительных борений души. Вся она — земная, уравновешенная, спокойная; в книге намечен не просто правильный путь жизни, но такой, который был бы в согласии с волей Творца. Поэтому этика Притчей совпадает с нравственным идеалом пророков.

Не более двух лет продолжался спокойный и плодотворный период. Влияние Исая было парализовано людьми, сорвавшими дело реформ. Ассирийцы уже десять лет не тревожили Палестину, и Исая пытался любой ценой предотвратить участие Иудеи в готовящейся войне. Но он был отстранен, его советов не спрашивали. В Иерусалиме полным ходом шла подготовка к войне, конец которой оказался плачевен: Езекия и его союзники не только не одолели Ассирию, но потерпели полное поражение. Страна была

разорена, тысячи людей угнаны на чужбину. Приходилось признать, что прав был Исая.

И когда, вероятно около 688 г. до Р.Х., ассирийский царь Синахериб (Сеннахирим) вторично вторгся в Иудею, Езекии рассчитывать было не на что. Но именно тогда, когда исчезли все земные шансы на спасение, в Исаяе произошла внезапная перемена: он стал вестником надежды и утешителем народа; он был отныне уверен, он знал, что нечестивому врагу не дано сокрушить Остаток Израилев.

Тайна и донныне окутывает дальнейшие события похода Синахериба. Мы знаем лишь одно: какие-то загадочные обстоятельства разрушили все планы завоевателя.

При раскопках Лахиша была обнаружена огромная братская могила. В ней лежали беспорядочно сваленные останки более чем полутора тысяч людей.

Представляется наиболее вероятным, что на армию Синахериба обрушился противник, перед которым он был бессилен, — эпидемия. Синахериб больше не возвращался в Иудею.

Спасение Иерусалима подняло как никогда авторитет Исая. Его школа стала одной из влиятельнейших в городе. Казалось, все испытания

Поражение войск
Синаххериба.
Г. Доре.
Гравюра

ловати и Израиль окончательно вышел на верный путь. Но прозорливый пророк знал, что это не так.

Роду Давидову суждено пасть и возродиться. Лишь малый обрубок, пенек, останется от некогда мощного ствола. Это будет пределом унижения народа и царского дома, но в корнях Бог все же оставит жизнь, и в один прекрасный день из полумертвого пня выйдет *Нецер*, молодая весенняя поросль.

Исайя, как и прежде, не называет Мессию царем, ибо в его пришествии окончательно будет ясно, что единственный Царь — это Господь. Все, чем прославится *Нецер*, придет непосредственно от Ягве. И мудрость, и богопознание, и благочестие — все это деяния Духа. И сам Помазанник будет действовать силой духовной.

Заключительные стихи величественного гимна, победной песни Исая, не оставляют сомнения в

том, что для пророка мессианская эра означает уже не просто свободу и справедливость. Она принесет мир не только как прекращение войн и борьбы, но мир в его глубочайшем, священном смысле.

Библейское слово «шалом» (мир) означает полноту жизни.

«И младенец будет играть у гнезда гадюки,
и в нору аслида дитя вложит руку.
Не будут больше творить зла и бесчестия
на святой Горе Моей,
Ибо земля наполнится познанием Ягве,
как море наполнено водою».

(Ис 11:8—9)

Нередко можно слышать снисходительное замечание, будто Исайя со своей верой в грядущее «в наивной форме» предвосхитил современ-

ные идеи социальной справедливости. История европейской культуры доказывает, что эти идеи находятся в прямой связи с Библией.

Пророки, жившие в эпоху духовных и социальных катаклизмов, накануне гибели их отечества, перед лицом торжествующей тирании, узрели Царство Божие. Их проповедь была безумием в глазах мира, даже самих пророков поражала открывшаяся им тайна.

Языческая реакция. Сокровенная Тора Ниневия — Иерусалим, 687—640 гг. до Р.Х.

Вера, построенная только на чуде, по существу перестает быть истинной верой. Знамение как бы несет посягательство на свободу человека и принудительно навязывает ему спасение.

После ухода ассирийцев современники Исайи, вероятно, прониклись надеждой, что Ягве даст наконец последний бой Ассиру. Но скоро им стало ясно, что ангел Господень не довел расправу до конца, скорее наоборот: мало того, что Синаххериб на несколько лет пережил Езекию, но и царствование его сына Асаргаддона стало апогеем могущества Ниневии.

В Иудее возобладали сторонники проассирийского курса. Наметился возврат к политике Ахаза. В кругах иудейской знати большое распространение в то время получила культ астральных¹ богов.

В Иерусалиме быстро расплодился всякого рода заклинатели, маги и знахари. Но самым страшным был возврат к культу Молоха. В долине Генном (Геенне) у юго-западной стены Иерусалима были поставлены жертвенники, на которых все чаще стали совершать чудовищный обряд детоубийства.

Язычество справляло свою последнюю, но самую бурную вакханалию на Святой Земле.

Пророк Исайя не дождал до этих мрачных дней отступничества.

Вместе с религиозными реформами были отвергнуты и социальные требования пророков. Беззаконие и произвол воцарились в стране.

Тем временем в Иерусалиме стала возрождаться религиозная оппозиция. В дни гонений

те, кто остался верным Богу, искали в преданиях Моисеева времени руководства и поддержки.

Сформировавшаяся в бурные критические годы и написанная от лица Моисея Тора, или Пятикнижие (первые пять книг Библии), пронизана духом борьбы. О единстве Божиим и верности Творцу в ней сказано так, как говорят лишь перед лицом опасности, угрожающей вере.

¹ Астральные боги — различные олицетворения стихийных (космических) сил; поклонение астральным богам есть нарушение Завета, ибо поклоняться следует не тварям (сколь бы возвышенны и могущественны они ни были), а Творцу.

Возрождение пророчества. Призвание Иереми Иерусалим, 640—622 гг. до Р.Х.

Дело пророков, долгое время казавшееся погибшим, в этот тревожный час начало возрождаться. Первым выступил пророк Софония, знатный иерусалимлянин из школы Исайи. Во время богослужения в Храме, где полагалось славить Бога и царя, он возвестил, что чаша беззаконий переполнена.

Это те самые слова, которые и доныне потрясают слушателей латинского гимна «День гнева»:

«День тот есть День гнева,
День скорби и тесноты,
День ужаса и опустошения,
День тьмы и мрака,
День тучи и мглы,
День трубы и боевого клича
против крепостей и высоких башен.
И стесню Я людей,
и они будут ходить, как слепые,
за то, что совершили против Ягве».
(Соф 1:15)

Ослабление Ниневии и проповеди Софонии произвели глубокое впечатление на молодого царя Иосию. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он впервые всенародно объявил, что отвергает иноземные культы и будет отныне следовать вере своего праотца Давида.

Борьба за духовное возрождение шла рука об руку с борьбой за независимость и объединение страны. Казалось, рассвет Израиля, которого уже отчаялись ждать, наконец наступает.

Только один человек в Иерусалиме не разделял общей радости и надежды. Это был *Иеремия*, сын Хиакии, молодой левит из Анатота.

Подобно тому как у смертного одра Северного царства Израиля стоял великий пророк Осия, так и фигура Иеремии скорбным силуэтом символизирует конец Иудейского царства. Свидетелем его последнего взлета в годы Иосии, очевидцу Иерусалимской трагедии, Иеремии, суждено было присутствовать при агонии страны и покинуть ее вместе со своим народом. Хотя он и не обладал призванием вождя, как Моисей или Илия, не был великим поэтом и основателем школы, как Исая, тем не менее он оставил неизгладимый след в ветхозаветном религиозном сознании. Не случайно о его жизни и личности Библия говорит больше, чем о других пророках. Но если бы мы захотели искать у него каких-то новых доктрин, то нас ждало бы разочарование: почти все, чему учил Иеремия, было уже сказано его предшественниками. Однако при внимательном чтении его книги нетрудно уловить одну важную черту, которая объясняет тайну его влияния: от главы к главе в ней все яснее вырисовывается яркая индивидуальность автора.

Иеремия — посланник, сохраняющий за собой право особого мнения о том, что ему велено возвещать. Дальше любого пророка отстоит Иеремия от восточного мистицизма с его растворением личности в экстазе:

Мы находим в нем человека, который познал тайну непосредственной живой беседы с Богом.

Неприступный Царь Славы, явившийся Исаяе, грозный Судья, вещавший устами Амоса и Софонии, в судьбе Иеремии приближается к человеку, преодолевая дистанцию, открывая Свой живой Лик.

Робость и колебания овладели Иеремией, когда он понял, какой трудный подвиг возлагается на него: он не мог не сочувствовать решению царя Иосии покончить с язычеством в стране, но при этом ясно видел, сколь поверхностным оставалось обращение» масс.

Пророк Иеремия.
Микеланджело.
Фрагмент росписи.
1511 г.

«Удивительное и страшное делается в этой стране, — говорит Иеремия, — пророки пророчествуют ложь, священники господствуют с их помощью, а народ Мой любит все это» (Иер 5:30—31).

Иеремия не был демагогом и не умел льстить народу. Во имя Израиля он начал борьбу с самим Израилем и не замалчивал его грехи, потому что хотел спасти его. Патриоты возмущались его речами, предпочитая слушать тех пророков, которые от имени Ягве сулили им новые победы. Между тем Иеремия больше, чем какой-либо из пророков, любил свой несчастный народ и многострадальную землю. Такая же суровая любовь позволила Данте назвать Италию рабой и домом разврата.

После ряда неудач Иеремия понял, что его призывы бесполезны, и вернулся в родной горо-

док без всякой надежды на подлинное возрождение Израиля. Но вскоре в Иерусалиме произошло событие, которое, казалось, могло поколебать его пессимизм.

Иерусалимская реформа Иудея и Израиль, 622—609 гг. до Р.Х.

Царю Иосии шел двадцать шестой год, он был молод, смел, энергичен и почти освободился от опеки старых сановников. При дворе образовался тесный круг поборников реформ.

Царь замыслил осуществить капитальную реставрацию Иерусалимского храма; во время этой реставрации там была найдена книга Торы.

Через несколько дней после находки глашатаи объявили в Иерусалиме, что царь созывает народ в Храм. Поднявшись на возвышение, Иосия громко объявил, что в Храме найдена священная книга Торы, в которой Бог возвещает свой Завет Израиле. Царь велел подать ему свиток и стал читать.

Это был знаменательный час в истории Израиля. Рожденный не как нация, а как община верных, народ Божий возвращался теперь к своему истоку. Здесь, перед воротами Храма, после долгих лет забвения и отступничества вновь обозначилась его особая судьба; здесь из национального племенного единства возникало единство иное, духовное, которого чаяли пророки и которое шесть веков спустя будет утверждено на этой самой земле и в этом святом граде.

До нас не дошли сведения о событиях, которыми были наполнены тринадцать лет, прошедшие между находкой Торы и смертью Иосии. Все это время усилия реформаторов, вероятно, не ослабевали. Дух социальной справедливости, которым Тора была проникнута, становится отныне идеалом Иудейского царства. Впервые в истории государство приняло столь человеческие законы, защищавшие интересы беднейших слоев населения. Напомним, что в том самом году, когда была обнародована Тора, в Афинах ввели законы Драконта¹, отличавшиеся небывалой жестокостью, о которых сами греки говорили, что они написаны не чернилами, а кровью.

Неудивительно, что эти новшества привели Израиль к быстрому расцвету. И все же Иеремия не стал энтузиастом иудейской реформы. Вероятно, он вообще невысоко ценил внешние перемены в культе и введение новых законов. Трудность его положения заключалась в том, что он не мог быть противником нововведений, но, как человек тонкий и проницательный, видел их слабые стороны и не очень верил в их результаты.

Для пророков самым главным было «богопознание» в целом. Их религиозный идеал можно, пожалуй, сравнить с девизом блаженного Августина: «Люби Бога и поступай как знаешь». Иными словами, образ жизни должен как бы сам собой вытекать из веры.

Но далеко не для всякого человека пригоден такой путь, и порой он может таить в себе даже опасность своего рода морального релятивизма². Поэтому священникам необходимо было создать свою Тору; она была записана, вероятно, в эпоху Иосии. Это так называемый «Закон Святости», охватывающий 17—26 главы книги Левит.

Так же, как Книга Завета и Второзаконие, Закон Святости представляет собой нечто вроде расширенного толкования Моисеева Декалога. Главная мысль кодекса созвучна пророку Исайе: Ягве — свят, Он бесконечно возвышается над миром. Но поэтому и все, посвященное Ему: жертва, город, народ, — должно отделиться от мира, стать сакральным, чистым, достойным Бога. Живя среди мира, народ Божий должен ощущать себя «святым», т.е. принадлежащим Богу и отгороженным от языческого мира.

Духовная община не сможет укрепляться и возрастать, если не сумеет в чем-то обособиться от мира, в чем-то найти свой путь, свой образ жизни. Для этой цели священники старались окружить всю жизнь израильтян системой норм, которая делала бы ее в корне отличной от жизни язычника.

Наиболее строго Закон судит о трех видах преступлений: идолопоклонстве, суевериях и грехах плоти. Это вполне понятно и в плане историческом, и по существу.

В те годы мировые события тоже могли представляться как знак близости мессианской эры.

Плач Иеремии.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Мидийский царь в союзе с Вавилоном начал кампанию против Ассирии. Никогда еще не обрушивался на ассирийцев столь сокрушительный удар. Ненависть к империи была столь велика, что она вряд ли могла рассчитывать на серьезную поддержку.

Даже язычники усматривали в судьбе Ассирии кару за ее преступления. Катарсис исторического воздаяния явился как бы благой вестью для тех, кто в мучительном недоумении смотрел на разгул грубой силы.

Крах Ассирии открывал перед египетским фараоном возможность восстановить контроль Египта над сирийскими областями.

Осенью 609 г. до Р.Х. египетская армия выступила на север. Когда царь Иосия получил сообщение о том, что египтяне идут по его земле, он немедленно велел собрать войско, чтобы преградить путь фараону.

Это была ошибка: иудейский царь не рассчитал своих сил, противопоставив их огромной, хорошо обученной армии. К тому же исход битвы был предreshен с самого начала: при первых же выстрелах египетских лучников Иосия, стоявший впереди на колеснице, был тяжело ранен. Лишенное своего вождя иудейское войско в беспорядке отступило.

Истекающий кровью Иосия был доставлен в столицу и вскоре умер. Вся страна оцепенела в горе.

Пророк Иеремия написал траурную элегию на смерть царя-реформатора. Он любил Иосию, но к такому исходу дела был готов, ибо не верил в скорое прощение Израиля, считая, что только горькая чаша разочарований, разрыв с патриотическими иллюзиями принесут Израилю исцеление от духовных недугов.

¹ Русское словосочетание «драконовский закон» (или «драконовские меры») сохраняет имя этого законодателя.

² Моральный релятивизм — отрицание абсолютных, неизменных моральных норм.

Иеремия против Иерусалима Иудея, 609—597 гг. до Р.Х.

В эти годы патриотизм, обезоруженный крушением политических надежд, стал вырождаться в болезненный национализм. Как это нередко бывает, бедствия подогревали национальное чувство народа.

Исподволь стали возрождаться старые языческие обряды. Кое-где крестьяне вновь стара-

Пророк Иеремия.
Г. Доре.
Гравюра

лись умиловить ваалов, опасаясь засухи, а женщины отыскивали заброшенные амулеты Астарты.

Впрочем, это были уже, скорее, тени прошлого, которые не могли изменить общей картины набожности и спокойствия. В стране царил мир. Египетское иго не было слишком тяжелым, оно ограничивалось взиманием подати.

И тогда-то Иеремия вновь был призван выступить против Иерусалима. Как и прежде, не без колебаний решил он возобновить борьбу со своим народом. Внутренний голос не давал ему покоя, пока он не согласился идти и говорить. Иеремия вынужден был сказать людям самое страшное и непонятное для них. От его слов почва должна была уйти из-под ног любого набожного иудея: пророк объявил войну двум последним кумирам — идее национального превосходства и слепой вере в народную святыню. Одним из первых среди учителей человечества Иеремия возвестил чисто духовную религию, которая, признавая символы,

храмы, обряды, по существу стоит выше их. Пророку надо было показать, что стены Храма и камни алтаря не имеют ценности сами по себе. Он готовился развеять миф о нерушимости Дома Ягве, чтобы напомнить о богопознании, заслоненном внешними проявлениями культа.

Особенно оскорбили слова Иеремии служителей храма. «Смерть ему!» — кричали они; толпа росла, угрожая пророку расправой.

С этого времени создалось странное на первый взгляд положение: защитниками Иеремии стали светские люди, а пророки и духовенство превратились в его смертных врагов.

Мрачные мысли посещали Иеремию в эти дни, он в который раз убеждался, что все его усилия разбиваются о глухую преграду.

Выступая против священников и власть имущих, Иеремия не замалчивал и грехов простого народа. В нем он видел источник постоянного возвращения к язычеству. Многие из «людей

земли», которые еще недавно своими руками разбивали фетиши и выбрасывали домашних божков, теперь мучились суеверным страхом и чувством вины. Комета или любое иное необычное явление пугали людей.

В конце концов Иеремия настроил против себя все сословия, но действовать иначе он не мог. «Сострадательнейший из всех пророков», как называл его св. Григорий Богослов, он хотел бы жить в мире со всеми, однако Бог требовал от него иного. «Горе мне, мать моя, — восклицал он, — что ты родила меня человеком, спорящим со всею землею. Все проклинают меня» (Иер 15:10; ср. 20:14).

И вот наконец Иеремия выступил с прямыми обличениями царя Иоакима.

«Не будут оплакивать его, говоря:
“О брат мой! О брат мой!”

Не будут оплакивать его:
“О государь! О владыка!”

Ослиным погребением будет погребен он,
вытащат его и бросят далеко
за ворота Иерусалимские».

(Иер 22:18—19)

Легко догадаться, в какую ярость привело это пророчество царя. Быть может, пророку удалось вовремя скрыться, а дальнейшие события отвлекли внимание Иоакима. Словом, Иоаким не решился казнить Иеремию, но запретил пророку выступать в Храме с речами и вообще покидать свой дом.

В это время на царя обрушились новые тревоги и заботы. Иудея была слишком слаба, чтобы претендовать на полную самостоятельность, и нужно было решать, к какой из борющихся великих держав — Египту или Вавилону — примкнуть. Египет находился на грани полного разгрома.

Для Иудеи самым естественным шагом было бы встать под эгиду Вавилона, и Иеремия объявил, что это ее единственный путь к миру.

В январе 597 г. до Р.Х. регулярные войска халдеев стояли уже под Иерусалимом, и в их стан прибыл сам царь Вавилона Навуходоносор. Иеремия настойчиво призывал иудейского царя скорее просить мира.

Пророк Иезекииль.

Икона.

Конец XV в.

16 марта ворота Иерусалима открылись, и из них вышла процессия, состоявшая из царя, царицы и высших сановников Иудеи. Одетые в траурные одеяния, они вступили в халдейский лагерь. Навуходоносор принял их сурово, как изменников, но никого не казнил. Он пощадил Иудейское царство, однако во избежание мятежа велел переселить в Вавлонию большинство военачальников, гарнизон города, строителей, оружейных мастеров, а также почти всю знать и богатых людей. Таким образом Навуходоносор надеялся искоренить проегипетскую партию.

Иеремия знал, что среди высланных было немало людей, которые верили ему и сочувствовали его делу, таких, как, например, молодой священник *Иезекииль*. Пророку хотелось как-то поддержать их, укрепить и направить на верный путь.

Пророк Иезекииль.
Г. Доре.
Гравюра

Иеремия убеждал своих соотечественников не отчаиваться, держаться стойко и не строить иллюзий: плен будет долгим, как человеческая жизнь, он кончится лишь через семьдесят лет. Все это время иудеи должны жить верой в грядущее освобождение, очищать свою душу покаянием и искупать богоотступничество. И лишь после этого Ягве снова вернет людей своих.

Иеремия оказался прав. Именно люди, составляющие первую партию переселенцев, прошедшие через испытания и сохранившие веру, заложили фундамент возрождения Израиля.

Небесная колесница. Иезекииль Вавилон, 597–590 гг. до Р.Х.

Перед иудейскими поселенцами в Вавилоне стояла трудная задача: оставаться верными своей религии, не имея религиозного центра. Они остро нуждались в вожде и духовном руководителе. Таким наставником стал для них Иезекииль.

Лишенный Храма священник, чья деятельность в ссылке поневоле ограничивалась тесными рамками общины переселенцев, Иезекииль, в отличие от Иеремии и Исаяи, был скорее собеседником и писателем, нежели народным трибуном.

Что прежде всего заботило Иеремию и других пророков, живших в Иудее? Они стремились преодолеть остатки ханаанских суеверий и сохранить внешний мир ради углубления церковных реформ. Вавилон в глазах Иеремии был «бичом Божиим», заявляющим о себе лишь грубой силой. Иезекииль же жил бок о бок с этим огромным центром цивилизации, которая уже сама по себе требовала осмысления.

В пятый день летнего месяца таммуза в 592 г. до Р.Х. обитатели поселка Тель-Абиб увидели священника Иезекииля, потрясенного, изменившегося в лице. Долгое время он оставался немым. К старейшинам, собравшимся к нему услышать волю Божию, он обратился с

помощью знаков. Но вот однажды его уста снова открылись, и он поведал старейшинам о необыкновенных видениях, посещавших его все это время.

В Ветхом Завете до Иезекииля только Моисей и Исаяя были причастны к созерцанию Славы Господней в ее непереносимом для смертного величии. Но если тогда она являла себя на Горе Божией и в Доме Божием, то теперь она предстала пророку видением колесницы на равнинах языческой Халдеи. Это должно было означать, что для нее нет границ; несущие ее херувимы обращены ко всем странам света, она абсолютно свободна и не привязана ни к какой земле. Пребывание ее на Сионе было лишь особой милостью Божией.

О другом видении Иезекииль рассказал вскоре после того, как оно посетило его (Иез 8—11). Перед Иезекиилем выросла огненная фигура, ко-

торая подняла его в воздух. И вот он уже перенесен в Иерусалим, к северным воротам Храма. Но это был не видимый город, столица Иудеи, а, скорее, Иерусалим сокровенный. «И вот там — Слава Бога Израилева, подобная той, которую я видел на равнине». А повсюду, как в Вавилоне, возвышались идолы; в каком-то странном секретном зале вожди народа кадили фрескам, изображавшим звероподобных богов Востока.

И тогда Слава Господня сошла с колесницы и стала у порога Храма, а по городу пошли губители, поражая отступников. Один из них брал раскаленные угли из Меркабы, небесного Ковчега, и пригоршнями бросал их на город. Когда все было кончено, херувимы простерли свои крылья, офаны — колеса, полные живых глаз, пришли в движение.

Слава, уносимая живой колесницей, покидала оскверненное грехом место.

Пророк Иезекииль.
Микеланджело.
Фрагмент росписи.
1511 г.

Страшные видения пророка
Иезекииля.
Г. Доре.
Гравюра

Это было страшное зрелище: исчезало то, что со времен Моисея было упованием Израиля, разрывался Завет, закрывались врата, дом оставался пуст. «Господи Боже, — возмолился пророк, — неужели Ты хочешь истребить Остаток Израилев?» Ведь не все изменили, ведь покаялись многие!

Итак, отныне путь Израиля, указанный через пророка, — это путь странствующей Церкви, которая следует за незримой колесницей Божией. Она должна осознать свое прошлое, должна помнить, что от нее самой зависит — быть ли с Богом или удалиться от Него.

И Иезекииль, и Иеремия — оба, таким образом, прониклись мыслью, что временным очагом Израиля становится Халдея. Они были уверены, что дни Иерусалима сочтены. События в скором времени оправдали их предвидения.

Крушение

Иерусалим, 588—587 гг. до Р.Х.

В этот период временной передышки, когда оживились надежды на благополучное окончание вновь вспыхнувшего противоборства Вавилону, на родине Иеремии, в городке Анатоте, началась распродажа земельных участков; владельцы, вероятно, хотели покинуть опасные места. Родные предложили Иеремии выкупить часть земли, которую он мог приобрести по праву родства. Пользуясь тем, что в окрестностях Иерусалима стало спокойнее, престарелый пророк решил отправиться в путь. Однако в воротах он был задержан стражей. Начальник караула, принадлежавший к военной партии, обвинил Иеремию в желании перейти в стан противника (в город просочились слухи, что снова приближаются халдеи).

Он был жестоко избит и брошен в подвал дома Ионатана, царского писца.

Неизвестно, сколько дней пробыл пророк в заключении, но за это время положение в городе круто изменилось. После первого же столкновения халдеи вынудили отступить войско фараона и снова блокировали Иерусалим. На этот раз жителям города ждать помощи было неоткуда...

Над подземельем, где в смертных муках томился пророк, уже начиналась агония Иерусалима. Проходили месяцы, у осажденных стала ощущаться нехватка продовольствия; халдеи готовились к решительному штурму.

Как-то ночью, возможно, по совету одного из друзей Иеремии, пророка привели во дворец. «Нет ли слова от Ягве?» — спросил его царь. Он окончательно убедился, что предсказания Иеремии исполняются. Узник был изнурен заточением, обессилен душевной борьбой, но, когда от него потребовалось свидетельство, он призвал всю свою твердость и сказал лишь то, что знал как истину: «Ты будешь предан в руки царя вавилонского». Царь приказал оставить Иеремию в караульном помещении при дворе. Узник стал пользоваться относительной свободой и постепенно приходил в себя.

И тогда-то в душе пророка пробудились новые силы и совершился перелом. Четверть века говорил он только о бездне, в которую падает Иудея, теперь же, когда стало уже видно дно этой бездны, пророк впервые заговорил о спасении. Он даже подтвердил свои надежды определенными действиями. При посещении родственников, к изумлению всех, он пожелал заключить формальный договор о покупке земли.

Пророк во всеуслышание объяснил свой поступок: «Так говорит Ягве Саваоф, Бог Израилев: дома, и поля, и виноградники снова будут покупать в этой земле».

Вероятно, к этому времени относится и пророчество Иеремии об «Отрасли Давидовой» — Мессии. «Вот наступят дни, — сказал Ягве, — когда Я восстановлю для Давида праведную Отрасль, и он воцарится как царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле. В дни его Иуда спасется, и Израиль будет жить безопасно» (Иер 23:5–6).

Много месяцев стояли халдеи под Иерусалимом. Царь решился на последнее средство: под покровом ночи со всей семьей и оставшимся гарнизоном он незаметно вышел через восточные ворота, находившиеся у дворцового сада. Однако бесшумно миновать вражеские цепи им не удалось: бегство было замечено, и за ними устремилась погоня. Теперь Иерусалим стоял открытым для врагов. Вавилонские войска двинулись по улицам города...

15 августа 587 г. до Р.Х. халдейские солдаты закончили разрушение городских стен. Кедровый дворец и все крупные здания Иерусалима были преданы огню. Храм подвергся полному разгрому. Дом Ягве солдаты подожгли. В огне погибла и древняя святыня Израиля — Ковчег.

И на развалинах живет надежда Иудея — Египет, 587–580 гг. до Р.Х.

Бедствие пробудило религиозную совесть людей: они каялись в своих грехах, давали обеты Богу, сокрушались о том, что слушали голоса ложных пророков, нарушали уставы Торы. А колонны пленных все уходили одна за другой.

Эти люди, лишившиеся дома, были подавлены и озлоблены. У большинства из них родные либо погибли, либо были угнаны. Они решительно не могли понять, как это могло случиться, что Ягве допустил гибель Храма и Иерусалима.

Через несколько дней иудеи разбили лагерь на египетской территории близ города Тафнэ. Как раз в этом самом месте шесть веков назад устроил первую стоянку Моисей после Исхода. И вот превратности судьбы снова забросили злополучных скитальцев в землю Мицраим.

Израиль и его религия, казалось, шли к своему естественному концу. Не так ли, или почти так, угасали другие древние народы и погибали божества? Нашествие завоевателей, рухнувшие города и храмы, распад нации... А в нашей повести о пророках не хватает как будто бы лишь эпилога; умрут Иеремиа и Иезекииль, растворятся изгнанники среди чужих племен, а слова и дела библейских провидцев, подобно памятникам Вавилона, Египта, Финикии, станут лишь достоянием невозвратного прошлого.

Но случилось иное, неожиданное, по-человечески трудно объяснимое.

Изгнание и плен оказались не концом дороги для Израиля, а ее поворотом. Это был не финал истории народа Божия, а начало ее новой главы. Не случайно Иезекииль узрел Славу Господню, пребывающую вне Храма и Града, но там, где в живом сердце светит живая вера.

А среди колоннад языческих храмов, среди иудейских солдат и египетских крестьян, в дельте Нила, на перекрестке трех материков, старый пророк Иеремия, прошедший неизмеримые страдания, исполняется радостью Грядущего. Время исчезает. Ветхий Завет смыкается с Новым...

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с Израилем и Иудой **НОВЫЙ ЗАВЕТ**. Он будет не таким, какой Я заключал с их праотцами, когда взял Я их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской. Хотя они нарушили Мой Завет, Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот Завет, который Я заключу с Израилем после тех дней, говорит Господь; Я вложу Закон Мой в них самих и на сердцах их напишу его; и стану Я для них Богом, а они будут Моим народом. Не нужно уже будет им учить друг друга познанию Бога: все они от малого до великого будут знать Меня, говорит Господь, ибо прошу Я беззакония их и не буду вспоминать грехов их» (Иер 31:31-34).

ПЛЕН И РЕСТАВРАЦИЯ

«На реках вавилонских»

Халдея, 580—575 г. до Р.Х.

Около 580 г. до Р.Х. Иудея представляла собой мрачное зрелище: она опустела в буквальном смысле этого слова. Остались брошенные поля и виноградники, среди которых лишь изредка можно было встретить хижины нищих и разоренных крестьян. Обезлюдившие города походили на огромные свалки битого кирпича.

Среди изгнанников в Вавилоне нашлось немало таких, которые в конце концов склонились перед чужими алтарями. Они перестали принадлежать к народу Ягве, не видя в этом ни пользы, ни смысла. Деятельность пророков меняет направление. Если прежде им приходилось чаще всего обличать, то теперь они приступили к делу *врачевания*.

Когда в Халдею! пришла весть об осаде Иерусалима, Иезекииля¹ постигло семейное горе: внезапно заболела и скончалась его жена, которую он очень любил и называл «отрадой очей». На похоронах пророк ко всеобщему изумлению, вопреки обычаю, сдерживал слезы. Когда же его спросили о причине этого, он ответил, что хочет дать «знак» Израилю, призывая его мужественно встретить несчастье и смириться перед высшим предначертанием. Иезекииль принимает на себя пастырскую роль.

Разрушение
Иерусалима и пленение
израильтян.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Вестники Царства Божия

Совместная молитва и слушание проповеди в день Господень, субботу, превратились в стержень, вокруг которого вращалась вереница обыденных дней. Когда мы осознаем христианский храм не только как святыню, но и как место братской встречи, где звучит Слово, то нужно помнить, что начало этого восходит к Иезекиилю и основанной им синагоге, где в течение веков сосредоточивалась духовная жизнь *диаспоры* (рассеяния).

Никакая эпоха в истории Ветхого Завета не породила столь сильного покаянного движения, как годы изгнания. Лучше всего о нем можно судить по знаменитому 50-му псалму, заключительные строки которого прямо указывают на плен.

Автор его ясно сознает, что сам человек не способен полностью освободиться от греховности, и видит спасение в благодатной силе Божией. Лишь она может искоренить врожденную человеческую нечистоту и омыть сердце. Здесь слово «сердце» впервые появляется в Ветхом Завете, оказывая на грядущее чудо духовного просветления:

«Помилуй меня, Боже,
Г по великой милости Твоей,
и по множеству щедрот Твоих изгладь
беззакония мои.

До конца смой с меня беззакония мои
и от греха моего очисти меня,
Ибо беззакония мои я знаю
и грех мой всегда предо мною.

Пред Тобой одним согрешил я,
и лукавое пред Тобой сотворил я,
Так что прав Ты в приговоре Своем
и справедлив в суде Своем...

Сердце чистое создай во мне, Боже,
и дух правый обнови во мне.

Не отринь меня от лица Твоего
и Духа Твоего Святого не отними
от меня.

Верни мне радость спасения Твоего
и Духом Твоим владычным утверди
() меня.

Научу беззаконных путям Твоим,
и нечестивые к Тебе обратятся...».
(Пс 50:3-6,12-15)

Служение Богу псалмопевец понимает так, как о нем учили Моисей и пророки: жертва есть знак союза с Творцом, но она лишь внешнее проявление. Истинная жертва — эта вера и чистое сердце:

«Господи! Отверзи уста мои,
и уста мои возвестят хвалу Тебе,
Ибо не желаешь ты жертвы — я бы дал ее —
и ко всесождениям не благоволишь,
Жертва Богу — сокрушенный дух,
сердца сокрушенного и смиренного Бог
не уничтожит.

Обнови, Боже, по милости Твоей Сион,
и да воздвигнутся стены Иерусалимские;
Тогда угодны будут тебе праведные жертвы,
возношения и всесождения,
тогда возложат на алтарь Твой тельцов».
(Пс 50:17-21)

Видение Града Божия

Халдея, 573 г. до Р.Х.

Четырнадцать лет прошло после сожжения Храма и двадцать пять — после увода первой партии пленных.

Трагедия, разыгравшаяся в Иудее, постепенно уходила в прошлое; для детей переселенцев единственной реальностью была окружающая их жизнь. По всем человеческим расчетам трудно было ожидать каких-либо перемен, но Иезекииль неустанно говорил об обещанном чудесном освобождении Израиля.

В дни печального двадцатипятилетия плена, в 573 г. до Р.Х., Дух Божий снова перенес пророка в Иерусалим.

Описанию этого Нового Иерусалима и посвящены последние главы Книги Иезекииля. Читающий их наталкивается на массу цифр, многочисленные промеры и точные детали.

Это одновременно и план, и проект, и целая программа. В схематическом чертеже зашифрован призыв пророка, обращенный к народу. Так, например, он очерчивает Град Божий правильным квадратом. Это означает гармоническое совершенство и в то же время крестообразную про-

стертость к четырем странам света (символ вселенскости).

Но если так, не правы ли те, кто считает Иезекииля реформатором-утопистом, подобным Платону?

Утописты пытались наметить черты совершенного общественного строя в рамках действительности, которая их окружала. Иезекииль же основное внимание уделяет не столько социальному строю, сколько необходимости полной *перемены ориентации жизни*. Мы слышим от него призыв сделать духовную жизнь центром человеческого существования.

Град Божий созиждется уже не на Сионе, а на земле, расположенной между границами колен, и называться он будет не Иерусалимом, но Ягвешамма, «Господь здесь». Это — заключительный аккорд книги, и в нем сосредоточено самое существенное в видении пророка.

Врата, в которые вошла Слава, наглухо закрываются; только таинственный голос из глубины Храма свидетельствует о том, что внутри святилища пребывает вечный огонь Божества. Казалось бы, Бог здесь, близко, но в то же время Он далек и страшен в Своей неприступности. Человек по-прежнему не может, увидев Его, остаться живым. Перед нами — признак подлинного *понимания* Иезекиилем природы Божественного.

Если даже перед зрелищем космической бездны человек испытывает трепет, если сердце его порой сжимается от созерцания бесконечного океана творения, то что же должен он ощущать, приблизившись к тайне трансцендентного?¹ Сверхчеловеческая мощь, абсолютное сверхбытие, — несоизмеримая с тварью «святость». Тут исчезают все антропоморфные лики Вечного и рождается чувство священного ужаса, благоговения, смешанного со страхом. Тем, «кому библейский образ Бога кажется чересчур «очеловеченным», нужно перечитать те страницы Библии, где говорится о «святости» Ягве.

Единственное, что непосредственно связывает Славу и окружающий мир, — это «река жизни», которая вытекает из-под порога Храма. Она струится по Святой Земле, ширясь и углубляясь,

вплоть до самого Мертвого моря, воды которого она очищает от горечи. Образ живой воды (который мы снова встречаем и в Апокалипсисе) означает неиссякаемый поток благодатной силы; она не только наполняет человека, но и омывает мир, изгоняя из него горечь греха.

Изображенная Иезекиилем Церковь, может быть названа Вселенской, хря ядром ее и остается Израиль. Пророк говорит о том, что входящие в нее «герим», иноплеменники, имеют равную долю с иудеями (Иез 47:22—23). И не случайно поэтому Град Божий открыт четырем странам света.

После 571 г. до Р.Х. мы больше уже ничего не слышим о Иезекииле. Вероятно, он вскоре умер. Но миссия его была к тому времени выполнена. Лучшие силы в изгнании целиком приняли его программу: омывшись от исторических грехов, вновь собратся на возрожденной земле, воздвигнуть храм и готовиться к великому Дню.

¹ Трансцендентный — за пределами, выходящий из рамки физического мира, превосходящий его.

«Ветхозаветный евангелист»

Халдея, 562-^550 гг. до Р.Х.

Тут мы приближаемся к самому таинственному месту Ветхого Завета и в то же время самому возвышенному, где более всего он связан с Евангелием.

В унылом затишьи плена раздается голос нового избранника Господня, который возвещает Израилю «новое и сокровенное» (Ис 48:6). Ни прежде, ни после него в дохристианском мире мы не встретим такой глубины прозрения, силы и свободы духа. Он — величайший учитель, богослов и поэт Израиля.

Но кто же он, этот человек? Казалось бы, в Ветхом Завете о нем должно быть сказано больше или хотя бы не меньше, чем о Исае и Иеремии.

Но тут, как ни трудно этому поверить, обнаруживается поразительный факт: непроницаемая завеса скрывает лицо пророка, даже имя его остается нам неизвестным.

Пророк Исая.
Ю. Карольсфельд.
Гравюра

Его проповеди и гимны включены в Библии в Книгу Исаяи, и долгое время их приписывали нерусалимскому пророку. Но даже и тогда, когда выяснилось, что это — ошибка, загадка безымянного провидца осталась неразрешенной. Условно его принято теперь называть Исайей Вторым, или Второисайей.

Быть может, он носил то же имя, что и пророк VIII в. до Р.Х., а впоследствии их отождествили? Но это предположение нечем подтвердить.

Возможно, что пророк намеренно укрылся за авторитетным именем.

Скорее всего, перед нами не просто псевдоним, а свидетельство духовной преемственности, глубокой ученической связи.

Из всех наименований Израиля Второисайя предпочитал слово «эвед», служитель, и это вполне понятно, ибо для него народ Божий был прежде всего посланником Бога в мире.

«Дух Владыки Ягве на мне,
ибо Он помазал меня»

Благовестить кротким послал он Меня,
исцелять сокрушенных сердцем,
Объявлять пленникам свободу
и освобождение — узникам,
Возвещать желанный год Ягве
и День воздаяния Бога нашего,
Утешать всех опечаленных».

(Ис 61:1–2)

Для Исаяи Второго «Израиль» — понятие не однозначное. Есть два служителя Господня. Один действительно часто отпадал от Бога, но существует и другой Израиль: Израиль пророков и боговидцев, Израиль верных и стойких, Израиль «кротких» и «бедняков Господних». Он-то и явится подлинным Эвед-Ягве, исполнителем на земле небесной воли.

В какой-то момент он начинает различать во главе избранного народа таинственное Лицо, воплощающее в себе высшее призвание Израиля. То — великий Пророк, на котором почит божественное помазание.

Уже Исая Иерусалимский сознавал, что Мессия должен действовать иначе, нежели земные цари, а последователь его говорит об этом с ясностью, не оставляющей места сомнениям.

Но Мессия, как его видит пророк, станет не просто наставником народов. Одними поучениями исцелить греховную болезнь невозможно; для этого нужен особый подвиг Слуги Господня. Кроткий Учитель будет Заступником, Ходатаем за человечество.

Мессия разделит участь гонимых пророков, и Его страдания за людей таинственным образом принесут им спасение.

Как это будет? Пророк не знает, но он видит почти воочию Чистейшего из всех на земле, Который отдает Себя в руки злых сил лишь затем, чтобы стать Искупителем грешников.

Зрелище поруганного Слуги ужасает самого провидца. Он стоит потрясенный, вместе с земными царями и народами изумляясь добровольной жертве:

«Он же взял на Себя наши немощи
и понес наши болезни;
Думали мы, что Он поражен, наказан
и унижен Богом,
а Он изранен был за грехи наши
и мучим за беззакония наши».
(Ис 53:4—5)

Это не растерянная, ничего не понимающая жертва, а Мученик, свободно и сознательно приносящий Себя на заклание:

«Он принял на Себя кару для спасения
нашего,
и ранами Его мы исцелились.
Все мы блуждали, как овцы, каждый своею
дорогой,
но Ягве возложил на Него грехи наши.
Истязуем был Он, но в муках не отверз уст;
как агнец, ведомый на заклание,
и как овца перед стригущими ее —
безгласна,
Так и Он не отверзал уст Своих».
(Ис 53:5—7)

Алтарь бога огня.
Иран

Здесь порог и граница Ветхого Завета.

Новый Завет, говоря об Искуплении, обращается к образам и языку Второзакония. Евангелисты и апостол Павел принимают его символы Агнца и Жертвы, которые отныне становятся неотделимыми от попыток выразить тайну Спасения.

Нельзя обойти молчанием и то, что агнец в Ветхом Завете был жертвой, приносимой людьми. Именно с таким непорочным агнцем сравнивает Второзаконие Слугу Предвечного.

Не представляем ли мы себе в таком случае Бога в виде деспота, требующего крови для того, чтобы смыть оскорбление? Древние и средневековые богословы, видевшие в жертвенном обряде лишь умилоствление, задабривание, почти что подкуп грозного Божества, приходили порой к чудовищным и абсурдным толкованиям, вроде того, что крестная Кровь была выкупом дьяволу за человека.

Но если таков смысл Искупления, то как совместить его с Любовью?

Библия указывает на жертву как на древнейшее проявление благочестия (Быт 4:3).

С отдаленнейших времен кровь означала для людей принцип жизни. Ритуалы с участием крови знаменовали закрепление «кровной», жизненной связи их совершителей. Главным в жертве был знак *сопричастия* Высшему, сочетания людей с Ним и через Него — между собой.

Вкушая во время священнодействия плоть животного, древние искали все того же: обретения единства с Богом, осязаемого отождествления с Ним.

Следовательно, идея кровавой жертвы имела в основе своей не столько сделку, сколько жажду подлинного богообщения.

В свете этого становится понятным, почему величайший пророк Ветхого Завета, а вслед за ним и Новый Завет дорожили этим символом и обращались к нему, когда говорили о спасении мира.

Следуя Иеремии и Иезекиилю, пророк Второсайя видел в освобождении Израиля знак приближения Царства Божия. Исход из Вавилона как бы сливался в его глазах со всеобщим спасением. Здесь сказалось то сокращение исторической перспективы, которое было столь свойственно многим провидцам. Но и сама ошибка пророка имела значение для современников. Вера в то, что искупительное деяние Бога должно совершиться сегодня же; придавала словам Исайи Второго особую силу.

Вскоре после первых выступлений до него дошли волнующие вести с востока. Над народами и царствами поднималась фигура, в коготорой Второсайя увидел вершителя Божиих судеб.

То был Куруш Ахменид, или Кир II Великий, персидский царь, перед которым одно за другим склонялись государства Азии. В отличие от прежних покорителей мира, он не оставлял после себя сожженных городов, не угонял людей на чужбину, не разрушал храмов. Многие приветствовали Кира как желанного освободителя. Его появление несло Израилю долгожданную свободу.

Была и другая причина, по которой события в Иране могли привлечь внимание пророка. Незадолго до этого в персидских землях зародилось новое религиозное учение, созвучное библейскому.

Пророк Авесты и пророк Библии Иран и Халдея, ок. 560–546 гг. до Р.Х.

В Рождественском повествовании евангелиста Матфея есть загадочное место: некие «вохвы с востока» приносят свои дары вифлеемскому Младенцу.

В евангельском подлиннике слово «вохвы» звучит как «маги», что обычно означает людей, искусных в чародействе. Однако какие побуждения могли привлечь в Вифлеем языческих заклинателей?

Между тем в античные времена слово «маг» имело довольно определенное значение: так именовали жрецов *иранской религии*, которая ко времени Рождества Христова была широко распространена не только на Востоке, но и в самой Римской империи.

Оригинальность Ирана, как и Израиля, заключалась в его религии.

Вещественных памятников эта религия почти не оставила. Единственным свидетельством о ней, дошедшим до нашего времени, является священная книга парсов, небольшого племени, бежавшего в Индию от преследований мусульман. От них-то и получила Европа «иранскую библию» — *Авесту*. Название это означает то же самое, что и Веды, «знание», но, разумеется, речь в ней идет не о науке, а о знании духовном.

Первое знакомство европейцев с Авестой произошло в XVIII в. Проходили годы, появлялись новые переводы Авесты, на ее основе составлялись словари, и становилось ясно, что пестрота этой книги является, как и в Ведах, результатом напластования многих разнородных слоев.

Хотя значительная часть Авесты была записана на рубеже эпох и даже в средние века, но в ней содержится немало такого, что пришло из глубокой древности. Эти архаические ее пласты вво-

«Изначала, как близнецы, явили себя
 два Духа,
 Один — добрый, другой — злой,
 в мысли, слове и деле;
 И между ними обоими правильно избирают
 Мудрые, но не глупцы.
 И когда эти два Духа встретились,
 То установили вначале жизнь и не-жизнь
 И то, что в конце концов худшее бытие
 назначается злым,
 А следующему Правде — Благая Мысль».
 (Ясна 30:2-4)

Таким образом Заратустра, этот страстный борец против зла, как бы отдает ему невольную дань, объявляя его изначальным.

Из этих слов явствует, что в одном из близнецов, по-видимому, следует видеть самого *Мазду*, ибо именно ему принадлежит титул «облеченный в небесную твердь» и наименование «Святейший Дух». Его извечный противник именуется *Насилием*, *Ложью*. Впоследствии *Насилие* и *Ложь* будут объявлены в заратустризме ипостасями злого духа, которого назовут *Ангра* или *Ангра-Майнью* (греч. «Ариман»), что означает «Дух-Противник».

Слово это родственно «сатане» (противнику) в Библии. Но если сатана — это существо, отпавшее от Бога во имя самоутверждения, то *Ангра-Майнью* — вечный соперник Бога, нечто вроде второго, «злого», Творца. В одной из более поздних глав «иранской библии» говорится, что *Мазда* создал все прекрасные земли для обитания людей, а *Ангра-Майнью* в противовес ему сотворил воинственные племена, колдунов, суеврия, зимнюю стужу и другие бедствия.

Но как же согласовать это с монотеизмом *Спитами*? Почему, будучи поклонником единого Бога, он усмотрел в злом начале некий самодовлеющий, самосуций принцип?

Дуализм (двоебожие) не был созданием самого *Спитами*. Скорее всего, он явился у пророка уступкой древней традиции.

Картина Вселенной как арены борьбы, в которой создается мировая структура, была великим открытием человеческого духа, подлинным проникновением в суть сотворенных вещей. Но

ахиллесовой пятой всех этих учений являлось обожествление хаотического начала, неизбывный страх перед ним. Поэтому космическая битва представлялась нескончаемой.

Во всем внебиблейском мире один Заратустра хотя и принял эту теорию, но все же отверг ее пессимизм. Его живая вера в Бога открыла ему грядущую победу Добра. Здесь он снова приближается к Библии.

Если греки достигли высочайшей вершины в философском осмыслении идеи Бога, если индусы пришли к высочайшему пределу «естественной мистики», то, исключая библейское Откровение, в религии Заратустры мы видим наибольшее приближение к Богу Живому. И все же это было «человеческое, слишком человеческое» приближение. Идея священной войны омрачала его чистоту, а уступка традиционному дуализму оставляла уязвимое место, обрекавшее заратустризм на поражение.

Наиболее благотворным и долговечным оказалось учение Заратустры о нравственной свободе. Не слепое, уныло-покорное исполнение предписаний, но сознательный и ответственный выбор доброго начала должен побудить человека встать в ряды воинов *Мазды*.

Но мечтам пророка о грядущем торжестве его учения не суждено было сбыться. При его жизни маздеизм не распространился дальше Бактрии, а религиозные войны кончились вторжением врагов в Бактру и гибелью престарелого Заратустры.

Около 546 г. до Р.Х. Бактрия вошла в состав персидской державы Кира. Присоединение ее, по свидетельствам Геродота и Ктесия, произошло мирным путем.

Кир всюду проводил гуманную политику: с уважением относился к местным обычаям и верованиям, не допускал массовых убийств и пыток пленных, в городах сохранялось самоуправление, подати устанавливались умеренные.

Слухи об этих событиях не могли не дойти до иудейских пленников в Вавилоне. Второисая пристально следил за успехами нового повелителя Востока. После ассирийских и халдейских зверств Кир казался посланником всеобщего мира.

Если он придет в Халдею, плен Израиля, несомненно, кончится.

Понимая, вероятно, что схватка Кира с Вавилоном неизбежна, Исайя Второй решает обратиться прямо к персидскому царю. В то время пророчествам, исходившим даже от иноземных провидцев, придавали большое значение. Поэтому слово иудейского мудреца должно было быть небезразлично Кирю.

Купцы из Ирана часто приходили в Вавилон, и эхо религиозного брожения, возникшего вокруг учения Спитамы после присоединения Бактрии, могло дойти до Второисайи.

Ни один из библейских пророков не возвращается с такой настойчивостью к теме миротворения, как Исайя Второй. Создается впечатление, что это не случайно, что пророк уже знаком с иранским учением о двух духах и хотел как можно яснее утвердить единобожие. Кажется, что он с кем-то спорит, когда с неистовым жаром и страстью говорит о том, что у Бога нет «двойника».

Но в таком случае пророк делает Бога ответственным и за мировое зло. Не звучит ли это кощунством?

Бог для пророка — источник жизни и блага, зло же проистекает от измены Ему.

Второисайя знает о том, что Богу противостоят злые силы. Единственный из всех авторов Библии он прямо говорит о космической битве Творца с чудовищем Хаоса (Ис 27:1; 51:9).

Но борьба Хаоса с Богом и победа Творца — это не схватка «близнецов», как у Заратустры, а торжество Царства Божия над злой волей твари, над силами, которым была дарована свобода, но они извратили пути Создателя.

И все же для людей того времени, да и для многих в наши дни, ответ Заратустры казался более убедительным. Однако не все то, что просто и ясно для интеллекта, соответствует глубинной тайне. Изобразить ее в виде логической модели вряд ли возможно. Второисайя определяет границу для разума, пытающегося охватить тайну Божьих судеб, он говорит о неисповедимой безмерности Творца, о непостижимости Высшего. Восхищенное смирение, рожденное панорамой мироздания, — вот один из верных путей к Богу.

Это изумление лучше самой остроумной метафизики приводит к подлинному соприкосновению с верховной Реальностью Сущего.

Таким образом, мы видим, что если восстание против бога в Иране могло вызвать радость и сочувствие у израильского пророка, то искушению поставить рядом с Богом некоего «близнеца» он противился всеми силами души.

¹ Родство древних индийской и иранской культур доказывается близостью языков; так называемые индоиранские языки выказывают значительную близость в рамках индоевропейской семьи языков.

² Альбигийство, богомилство, павликианство — течения, возникавшие в христианстве и определенные Церковью как ереси, т. е. взгляды, противоречащие учению Христа и Его Церкви.

³ Номады — пастушеские племена.

⁴ Ясна — наиболее древняя часть Авесты, содержащая гимны, из которых самыми ранними признаны 28—34, 43—51, 53, именуемые Гатами.

Конец неволи

Вавилон, 546—538 гг. до Р.Х.

Неизвестно, дошли ли до Кира пророчества Второисайи, и если дошли, то как он к ним отнесся. Но вот пришло время, когда пророк мог проверить, насколько его надежды основательны. После присоединения Бактрии армия Кира двинулась на Вавилон. Персидский царь к тому времени уже знал, что и Вавилон не окажет сопротивления.

12 октября 539 г. до Р.Х. персы вступили в Вавилон, сдавшийся на милость победителей. Порядок в оккупированной столице был образцовый: Кир приказал строго следить за тем, чтобы не было грабежей; храмовые здания оцепили войска, охраняя их от посягательств. Персидский царь даровал городу неприкосновенность и в своем манифесте объявил себя почитателем бога Мардука, чем окончательно покорил жрецов.

Иудейский пророк мог торжествовать: люди теперь воочию убедились, что «муж правды», чей приход он приветствовал, действительно был освободителем, а не тираном. Но с другой стороны, манифест Кира недвусмысленно показал, что ни-

какой надежды на его обращение к Богу нет. Человек, который принес жертвы Мардуку, вернул городам их идолов и сблизился с жрецами, вряд ли собирался отказываться от язычества. Это было большим разочарованием для пророка, крушением затаенных его надежд.

Впрочем, было бы несправедливым по отношению к Киру сказать, что он забыл о пленниках, которые так ждали его. Вскоре же после своей победы он принимает иудейскую делегацию, а весной 538 г. до Р.Х. издает эдикт, касающийся евреев. В указе объясняется, что все иудеи, если они того пожелают, могут вернуться на родину предков.

Итак, после полувека, прошедшего со времени крушения Сиона, ворота неволи распахнулись.

Пока «исход» был невозможен, евреи о нем часто говорили и платонически мечтали о свободе. Но вот он стал реальностью, и страх перед неизвестностью, колебания, сомнения завладели многими: как уходить из богатой цивилизованной страны, где теперь под эгидой Кира жизнь должна течь мирно и спокойно? Как решиться идти в эту пустую заброшенную Иудею, где нет ничего, кроме развалин? Здесь, в Вавилоне, к услугам каждого все плоды высокоразвитой культуры, там — глухая провинция, одичавшая за десятки лет запустения. Если для тех, кто в ней родился, воспоминания еще что-то говорили, то для «детей изгнания» земля отцов — лишь миф.

На субботних собраниях Второисайя выступал с речами, которые мы теперь назвали бы сионистскими. В центре его проповеди стояло не просто национальное возрождение; для него «исход» был религиозным подвигом общечеловеческого масштаба. Его убеждения можно было бы кратко выразить так: единый Бог всего человечества предназначил израильтянам роль Его благовестников в мире.

Состоятельные люди не хотели и слышать о том, чтобы покинуть Вавилон. Для них это означало разорение. Самые патриотически настроенные из них ограничивались тем, что вносили пожертвования на оснащение каравана.

Что мог возразить пророк на логичные доводы рассудительных людей, считавших «исход»

безумной затеей? Он мог лишь сослаться на то, что дело Божие не может оказаться тщетным. Все преграды рассеются, как дым, перед силой Господней. У Ягве — Свои замыслы, и Он знает, каким способом их осуществить:

«Мои мысли — не ваши мысли,
и пути ваши не таковы, как пути Мои;
Но как небо выше земли,
так и пути Мои выше путей ваших».
(Ис 55:8–9)

В эти лихорадочные дни мыслями Второисайи целиком завладевает древнее сказание об Исходе; он живет им, в его глазах оба события — старое и новое — как бы сливаются воедино. Времена Моисея проецируются на эпоху Кира. Пророк изображает странствие Израиля в Землю Обетованную в чудесном виде: пустыня расцветает, как сад, превращаясь в Эдем.

Зачарованный этим неземным видением, пророк сумел заразить своими чувствами равнодушных, убедить сомневающихся, укрепить слабых. К весне караван был готов выступить в путь.

Возвращение. Первые трудности Иерусалим, 538–530 гг. до Р.Х.

И вот Дамаск уже позади, караван шел теперь прямо на юг, продвигаясь по краю пустыни.

При вступлении в Иерусалим всех охватили радость возвращения и печаль при виде унылых равнин на месте бывшего Храма и царского дворца. Город мечты предстал перед ними в виде голого холма, на котором среди обломков и щебня рос колючий кустарник.

Весной следующего 537 г. до Р.Х. явилась наконец возможность приступить к строительству Храма. В основу плана положили описание Иезекииля. Закладку Храма превратили в праздник.

Между тем жители Самарии проведали о том, что творится в Иудее, и прислали людей, предлагая помощь в благочестивом деле. Посланцы говорили, что самаряне давно уже приняли религию израильтян и их приверженность к культуре Ягве насчитывает полтора века.

Иона проповедует
ниневитянам.

Г. Доре.
Гравюра

Знаменательный час! Не начинается ли сбываться пророчество о народах, которые придут на Сион воздать честь единому Богу?

Но именно в этот исторический момент черная трещина разверзлась между иудейской общиной и миром...

Самарян встретили с откровенным недружелюбием и подозрительностью, принять их помощь решительно отказались.

В чем же крылась причина этого неожиданного отказа? Почему были преданы идеалы пророков?

Вожди общины сомневались в чистоте веры всех тех, кто избежал плена, сыграла роль и исконная вражда между Севером и Югом. И наконец, восточные колонисты в Самарии наряду с Ягве чтили и богов своей родины. Вожди общины стремились во что бы то ни стало соблюсти чистоту веры.

Вне всякого сомнения, Второисайя был удручен исходом переговоров. Он ждал миссионерского подвига, который примет на себя Израиль как Слуга Божий, но сам народ не созрел для этого.

Пророк вступил в борьбу с духом исключительности и изоляционизма.

Люди Ветхого Завета не были какими-то особенными существами, сделанными из иного материала, чем прочие. Писание не случайно изображает их во всей их человеческой немощи и противоречивости. Им так же, как и нам, были свойственны духовные взлеты и духовное бессилие. Воздвигая свой Храм, они соперничали, ссорились, ревновали, искали выгоду, уклонялись от трудностей. Но именно потому, что они были такими же, как мы, история их осталась столь жизненной и важной для нас. Слабые и земные, они проходили путь нелегкого восхождения, порой сбиваясь и падая.

Сколько раз Исайя Второй вынужден был признавать, что надежды его напрасны! Но видение золотого Града горело перед ним и в конце его земного странствия. Не этот нищий город, лежащий в развалинах, но Новый Иерусалим остался нерушимым оплотом его веры, предметом его любви.

Здесь мы должны расстаться с Второисайей — таинственным безымянным гигантом Библии. Выше него ветхозаветное сознание уже редко сможет подняться.

Второй Храм

Иерусалим, 530—428 гг. до Р.Х.

После многолетнего бездействия в Иерусалиме вновь приступили к прерванным работам на горе Божией. 12 марта 515 г. до Р.Х. состоялось торжественное освящение Второго Храма, приуроченное к празднику Пасхи. О периоде между 515 и 445 гг. до Р.Х. Библия молчит. За это время под новыми ударами судьбы волна начавшегося было в Иерусалиме мессианского брожения спала.

Но это имело и свои положительные последствия, неудача заставила задуматься лучших людей Израиля о его судьбе. Об этом свидетельствует одна из самых удивительных книг Ветхого Завета — Книга пророка Ионы.

Нас не должно вводить в заблуждение то, что ее обычно помещают среди пророческих писаний; это произведение относится к совсем иному жанру, к разряду «агад» — так именовались еврейские назидательные сказания и притчи.

Главной целью агады являлось поучение. Исторические книги¹ Ветхого Завета тоже преследовали эту цель, но они заключали в себе подлинные факты, взятые из летописей. Агада же, по существу, равнодушна к исторической достоверности своего рассказа. В ней идея целиком заслоняет историю.

Агадическая форма библейского учительства прежде мало принималась в расчет толкователями Книги Ионы, они хотели видеть в ней описание подлинных событий. Такой подход неизбежно отвлекал от главного: скептики превращали историю незадачливого пророка в мишень для

насмешек, а его защитники изыскивали способы доказать, что человек может пробыть невредимым три дня в желудке «большой рыбы». И рыба, и фантастическое растение, вырастающее за одну ночь до размеров дерева, говорят о том, что перед нами аллегория, назидательная легенда; и если с их позиции рассматривать книгу, то насмешки над ней окажутся бессмысленными. Она заключает в себе идею, которая ставит этот шедевр на одно из первых мест в Ветхом Завете.

Что побудило автора написать Книгу Ионы, догадаться нетрудно. Наиболее пламенные мессиансты Иудеи ожидали, вероятно, что языческие крепости падут, поверженные космической бурей. Но все осталось на прежних местах. Многие усмотрели в этом отказ Ягве от Своего слова и открыто роптали. Как мог Он пощадить язычников?

И вот, отвечая этим заносчивым и угрюмым людям, тщетно ожидавшим гибели чужеземных монархий, израильский учитель пишет Книгу Ионы.

В ней рассказывается о пророке, которого Бог послал проповедовать в самое языческое пекло: в Ниневию. Ниневия названа не случайно, ибо она осталась в памяти Израиля как чудовище, хуже которого невозможно и придумать.

Получив небесное повеление, Иона отнюдь не намеревался заботиться о спасении ниневитян. Человек пылкий и темпераментный, он и не скрывал причин своего непослушания: ему слишком хорошо известно, что Ягве — Бог «благой, долготерпеливый, многомилостивый и отменяющий бедствия», поэтому можно рассчитывать на то, что Он пощадит грешников, если они раскаются.

Рассудив так, Иона без лишних слов садится на купеческий корабль и решает «бежать от лица Ягве» в далекий Тарсис, в Испанию. Но его наивная уловка напрасна: Бог посылает бурю, и Иона догадывается, что корабль может пойти ко дну из-за него. Он просит купцов бросить его в воду, и едва они выполняют его просьбу, море утихает.

Строптивый пророк не утонул: Ягве послал гигантскую рыбу, которая проглотила Иону и через три дня выплюнула на берег. И здесь Бог снова приказывает Ионе идти в Ниневию.

Понимая бесполезность противления, Иона отправляется в путь. В Ниневии он в точности выполняет поручение Ягве, объявив, что если город не отвратится от своего нечестия, то через сорок дней его постигнет гибель.

«И поверили ниневитяне Богу, — повествует рассказчик, — и объявили пост, и оделись во власяницы, от великого до малого» (Иона 3:5). Сам грозный царь ассирийский встал с трона и, сняв мантию, сел в рубище на пепле. Во всеобщем посте приняли участие не только люди, но даже и скот.

Такое искреннее сокрушение, разумеется, отвело от нечестивцев гнев Господень. Но Иону такой результат его же проповеди глубоко возмутил. В запальчивости он стал пенять Богу: «Не это ли говорил я, еще когда был в земле своей?» Он предвидел, что Ягве помилует ниневитян.

«Неужели это тебя столь огорчило?» — спросил

Господь. Иона молчал, но его молчание было весьма красноречиво. Надеясь втайне, что небесный гром все же поразит Ниневию, пророк разбил палатку у ее стен и стал наблюдать, что будет дальше.

Тогда Господь преподавал урок упрямцу: в одну ночь Он вырастил тенистое растение, которое спасло Иону от немилосердного полуденного зноя.

Эта неожиданная прохладная тень очень обрадовала Иону. Но наутро следующего дня червь подточил растение, и оно завяло. Автор сказания продолжает:

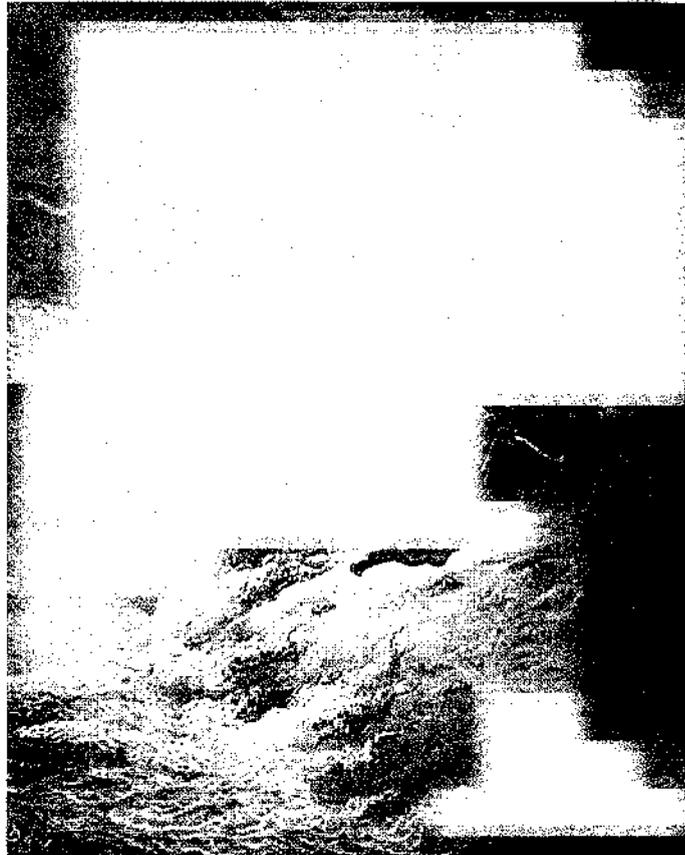
«Когда же засияло солнце, навел Бог палящий ветер с востока, и солнце начало жечь голову Ионы так, что он стал просить себе смерти и

сказал: лучше мне умереть, нежели жить! И сказал Бог Ионе: неужели ты так огорчился из-за растения? Отвечал он: очень, даже до смерти! Тогда сказал Ягве: ты жалел растение, над которым не трудился и которого не выращивал, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь засохло. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличать правой руки от левой, и множество скота?» (Иона 4:8—11).

Таков конец книги, и ответ на

вопрос Бога напрашивается сам собой: Создателю дороги все народы, и даже такой грешный, как ниневитяне, а спасение язычников для Него не менее важно, чем спасение иудеев.

В этой книге впервые преемники пророков, книжники, заявили о себе как о новой духовной силе. Однако взглядам, высказанным в Книге пророка Ионы, будет постоянно противиться дух

Избавление Ионы.

Г. Доре.

Гравюра

нетерпимости, привнесенный в иудейство книжником из Вавилона Эзрой, провозглашенным в 428 г. до Р.Х. религиозным главой иудеев.

Эзра трактовал Закон как договор: Бог дал людям предписания относительно всей их жизни, но они пренебрегали условиями Завета. Выполняя от слова до слова все, что требует Закон, Израиль станет достойным своего избранничества и будет снова в милости у Бога.

Следует отметить, что законничество породит узость сухого буквализма, фарисейское самодовольство и высокомерие. Увлечение внешними правилами и обрядами будет порой принимать гротескные формы. Эзра требовал от иудеев безусловной изоляции, полного отделения членов общины от иноплеменников, считая обособление от языческого мира основным условием спасения

Израиля. Он окончательно превратил Израиль из нации в своего рода религиозный орден.

Говоря о борьбе двух течений в иудействе — пророческого универсализма и законнической обособленности, проще всего счесть Эзру лишь злым гением Израиля, погубившим дело пророков. Но после возвращения из плена иудеям необходимо было на некоторое время уйти в себя, погрузиться в размышления. Плодами реформы Эзры воспользуются мудрецы, книжники и раввины, которые в течение столетий станут трудиться над духовным воспитанием народа. Реформа Эзры позволит им не тратить сил на борьбу с языческими влияниями.

¹ Историческими книгами традиционно называют Книги Иисуса Навина, Судей и Царств.

VI. НА ПОРОГЕ НОВОГО ЗАВЕТА

От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя

БУДДИЗМ, ЙОГА И ИНДУИЗМ

Ашока

Индия, 272–232 гг. до Р.Х.

Определенные моменты истории можно обозначить словами: торжество духа. Таким временем, бесспорно, был расцвет буддизма в Индии при царе *Ашоке* (272–232 гг. до Р.Х.).

В начале царствования он проявил себя как человек суровый и даже жестокий. Согласно легенде, добываясь трона, царь умертвил своих сводных братьев и без колебаний казнил неугодных людей. Во время войны с восточным княжеством Калингой Ашока перебил более ста тысяч человек и угнал в плен сто пятьдесят тысяч. Рассказывали, что пленных он подвергал страшным пыткам и посылал на каменные работы.

Но наконец все эти зверства стали тяготить самого Ашоку. По преданию, мужество некоего монаха-буддиста, попавшего в царские застенки, пробудило в царе угрызения совести и способствовало коренной перемене как характера, так и политики Ашоки.

Около 264 г. до Р.Х. царь принял буддизм, и последующие годы его правления не перестают вызывать удивление.

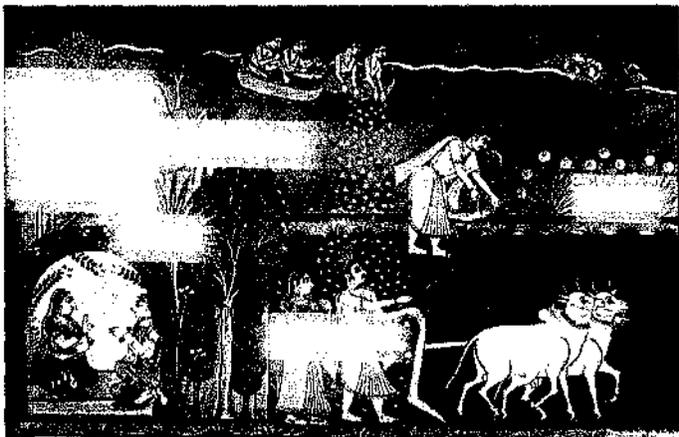
Обратившись к Будде, дхамме и сангхе¹, Ашока торжественно объявил, что потрясен горем людей, пострадавших от войны, и что расправы, подобные последней войне, никогда больше не повторятся. Он требовал, чтобы ему сообщали о делах в любое время, не боясь оторвать от работы и отдыха. Заботился Ашока и о здоровье подданных, сажал рощи, строил лазареты, по его приказу было вырыто много новых колодезь. Главной своей задачей Ашока считал «обеспечение счастья в этом и том мире».

Правление царя-буддиста — явление почти неподобное, исключительное во всей мировой истории. Оно показало, какой силой могут стать религиозно-нравственные принципы, реализованные в жизни общества.

Сурья, бог Солнца.
XII в.

¹⁰ История религии. Кн. I

Рождение Ситы.
XV в.

Заслуги царя-буддиста несравненны, и не на нем лежала вина за противоречия, обнаружившиеся в доктрине Будды, когда она вошла в соприкосновение с миром.

¹ Дхамма (пали, священный язык древне-индийских культов) то же, что дхарма, мировой порядок, закон, также учение Будды; сангха — буддистская община. Будда, дхарма и сангха — так называемые «три сокровища» буддизма.

«Царственная йога» Патанджали Индия, ок. 180 г. до Р.Х.

Одних йога интригует своей экзотикой и небывальными феноменами, других в ней привлекают способы сохранить и укрепить здоровье. Но, хотя во всем этом немало от профанирующей¹ моды, сам по себе интерес к йоге вполне оправдан. Если буддистская мораль представляет собой одну из вершин дохристианской этики, то йога сконцентрировала в себе тысячелетний опыт самоуглубления и психотехники, не имеющий себе равных в древности. Став школой духовной собранности, аскезы и созерцания, она неоспоримо заняла свое место в ряду великих достижений человечества.

Еще в III тысячелетии до Р.Х. на индийских печатях изображались фигуры, сидящие в йогической «позе лотоса». Это доказывает, что йога зародилась в доарийские времена среди аборигенов страны.

Хари Хара.
Божество с атрибутами Шивы и Вишну.
1730 г.

Важнейшие принципы йоги сформулировал гуру Патанджали, автор «Йога-сутры».

Размышляя о Божестве, человек не мог не задавать себе вопрос: почему Оно недоступно людям с такой же очевидностью, как явления видимого мира или достижения мира внутреннего? На это брахманизм отвечал: Священное близко, Оно рядом, Оно во всем, Оно в тебе; но ты не в состоянии созерцать Его, ибо весь погружен в ложное и брешное. Поэтому ты можешь узнать о Нем лишь из писаний или собственных умозаключений. Непосредственное же восприятие Бога

Воплощение Вишну

в виде вепря.

X—XI вв.

должно предваряться подготовкой, которая сделала бы тебя способным к постижению тайны Единого и Вечного. Этой-то цели и служит йога.

В процессе медитаций и упражнений не Бог открывается людям, но — человек обретает самого себя. К Небу нельзя подняться одними человеческими усилиями. И если природу (в том числе и собственную) мы исследуем сами, то Богопознание есть встреча и взаимодействие двух начал, двух волей. В «Йога-сутре» же все начинается и кончается человеком.

¹ Профанация в узком смысле слова — исполнение священнических функций лицами, не имеющими соответствующего статуса, т.е. непосвященными; в широком — распространение в упрощенном и искаженном виде сложных специальных воззрений.

Индуизм

Индия между II в. до Р.Х. и сменой эпох

Выход индуизма на авансцену истории совершился почти без борьбы, как бы незаметно. Этому способствовала, во-первых, склонность индийцев сближать различных богов, что создавало терпимость между их почитателями. Вторая особенность индуизма тоже связана с пантеистическим мироощущением. Любая вера стремится найти средства для одоления дистанции между человеком и Высшим. Пантеизм же просто игнорировал эту дистанцию. Убеждение, что все миры пронизаны Божеством и тесно спаяны между собой, создавало чувство близости Священного; поэтому религии, населявшие Вселенную сонмами духовных сил, всегда имели особую притягательность.

Вместе с архаическими богами вернулись и многие доарийские обычаи. Первобытный тотемизм обрел второе дыхание, хотя истолковывали его уже по-новому: поскольку Бог может проявляться во всем, то горы, растения, животные должны восприниматься как Его воплощения. Нигде, кроме, пожалуй, Египта, культ животных не держался так стойко, как в Индии. Почитание коров, обезьян, змей и по сей день остается неотъемлемой чертой индуизма.

Впитав в себя разнородные обряды, верования и суеверия, индуизм стал сам походить на

Вишну, спускающийся с небес
(Избавление слона)
VI—VII вв.

фантастическое переплетение форм, украшающих фасады индийских храмов, где боги и демоны, люди и звери образуют единый узор — картину многоликого бытия.

Мифы об аватарах¹, чарующие легенды о Раме и Сите, о любовных похождениях пастуха Кришны были лучшими проводниками индуизма, который отдавал должное всем сословиям, занятиям и возрастам. Эта емкая религия привлекала всех: отшельников и воинов, земледельцев и горожан. Она открывала двери вековым церемониям, признакам и обычаям. Индуизм стал верой народа, он неразрывно сросся с его богатой культурой и питал ее. Все это обеспечило индуизму победу над последователями Будды.

Такова была духовная ситуация на берегах Ганга, когда там появились первые проповедники Евангелия. Но если эллинистический мир был их миром, то Индия осталась для апостолов чуждой и малопонятной. Поэтому успех миссии был там весьма ограниченным. Лишь много веков спустя христиане научатся ценить духовную мудрость Востока и смогут говорить с ним на его собственном языке.

¹ Аватар, или аватара, автара (санскр.) — в индуистской мифологии бог, пришедший к людям в облике смертного существа.

ГРЕЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Человек в меняющемся мире
Запад и Восток, IV—III вв. до Р.Х.

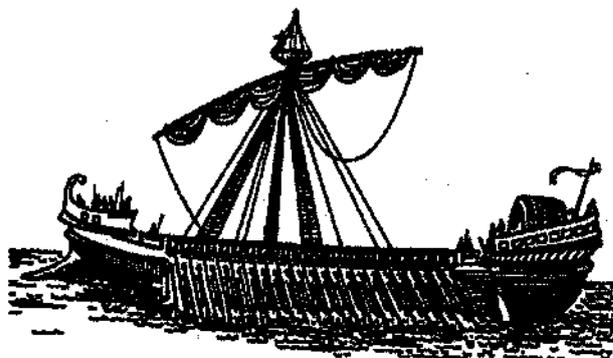
Из всех периодов древности прообразом XIX и XX вв. в наибольшей степени может служить цивилизация эллинизма.

Первым потрясением для греков стало «открытие мира». В походах Александра Македонского они столкнулись с многими народами древней утонченной культуры. Воины и пришедшие вслед за ними торговцы и колонисты на каждом шагу сталкивались с удивительными для них явлениями. Миновав пустыни и заснеженные хребты Азии, они попадали в города со странной, на их взгляд, архитектурой; их поражали звуки неведомых языков, чужеземные верования и обычаи. Диковинные идолы, алтари огнепоклонников, индийские аскеты, человеческие жертвы, с одной стороны, и запрет приносить в жертву даже животных — с другой, непонятные законы и обряды — словом, было от чего прийти в замешательство.

Еще раньше философы подточили веру в неизблемость устоев государства. Разрушительные идеи софистов, проекты Платона, исследования Аристотеля привели греков к убеждению, что гражданский порядок — нечто условное, целиком зависящее от воли людей. Политическая жизнь

Триера.

VI—V вв. до Р.Х.

Александр Македонский.

Мозаичная картина в Помпеях. Фрагмент.

II в.

полиса лишается традиционных точек опоры, народу становится все труднее нести бремя свободы.

Этим пользуются *диадхи* — полководцы, преемники Александра. Македонец показал им заразительный пример. Образ юноши, покорившего полмира и объявившего себя богом, стоит перед ними как предел честолюбивых мечтаний.

Навсегда прошли времена маленьких царств или республик, где для решения дел на площади могли собраться все полноправные жители. Не удался и опыт федерации, свободного союза стран. Многонациональная империя — эта гробница свободы — по самой своей природе требует сильной власти. Непрочность связи ее частей, спянных лишь силой оружия, постоянно дает о себе знать. Поэтому правительству приходится дер-

жать наготове машину подавления и увеличивать аппарат чиновников.

Дерзкая мечта Александра перемешать все население державы, превратив его в один народ, управляемый царем-богом, не осуществилась. Однако и эллины, и «варвары» отныне оказываются в одной упряжке как царские подданные. Это положение, ранившее самолюбие греков, компенсируется для них тем, что эллинистическая культура становится ведущей в Азии и Северной Африке. Ее каноны прочно выкристаллизовались за века: от крито-микенского периода до времени Перикла и Аристотеля. Она покоряет своей удивительной цельностью и завершенностью.

Двинувшийся при Александре на восток поток греков-переселенцев не иссякает в течение столетия после его смерти. Покровительствуемые царями колонисты из Афин, с Архипелага, из Ионии проникают все дальше в глубь Азии и Африки. Простонародный язык греков (*койне*¹) начинает играть роль универсального. Он позволяет грекам хотя бы отчасти ощущать себя дома всюду: и у берегов Аму-Дарьи, и у границ Индии.

Мир постепенно становится эллинским; в то же время меняется и само эллиństwo: стремление к комфорту, чувственность, изнеженность и любовь к роскоши сменили простоту и строгость, которые ценились прежними поколениями. В литературе и искусстве также намечается тяга к изысканному, возбуждающему нервы, эротическому. Многие писатели того времени указывают на признаки повсеместного нравственного упадка.

В развитом обществе отход от религии всегда сопровождается разгулом суеверий. Заклинатели, знахари, толкователи снов и маги прочно и надолго обосновываются в городах. Мыслящие люди ищут ответа у философов, влияние которых возрастает как никогда раньше. Философия впервые становится популярной во всех слоях общества. Философы заняты не судьбой Вселенной и человечества, а участью индивида. Среди эллинистических мыслителей мы прежде всего видим моралистов и учителей жизни. В этом они сближаются с мудрецами Индии и Китая, которые проповедовали в ту же эпоху.

Греческая философия выступает теперь не столько как наука для любознательных, сколько как панацея, сулящая человеку спасение и внутренний мир. Четыре школы времен эллинизма: скептическая, эпикурейская, киная и стоическая — получают широкое распространение в массах.

¹ Койне — разговорный язык, на котором общались между собой носители разных греческих диалектов. В койне диалектные особенности были стерты, что способствовало взаимопониманию.

Эпикур и скептики Афины и Элида, III в. до Р.Х.

Сын бедного афинского переселенца Эпикур (341—271 г. до Р.Х.) провел детство на острове Самос, родине Пифагора. Мать его была заклинательницей злых духов и зарабатывала на хлеб своим искусством. Эпикур еще ребенком вынужден был сопровождать ее, когда она ходила по домам, воюя с демонами, и ужас от постоянной близости чего-то зловещего повлиял на мальчика: отечественная религия предстала перед Эпикуром в отталкивающем виде, отождествляясь с ремеслом матери.

Высылка эмигрантов из Афин заставила Эпикура в 322 г. уехать в Малую Азию. Там он скитался несколько лет, изучая философию, читая лекции и терпя порой крайнюю нужду. Постепенно у него сложилась собственная система взглядов. Стержнем эпикурейства стала не космология, а новое отношение к жизни.

В тридцать два года Эпикур начинает проповедовать свою доктрину и излагать ее письменно. Летом 306 г. он возвращается в Афины, где быстро находит учеников, ставших его преданными и любящими друзьями. Неизменно спокойный и просветленный, он делает их как бы членами одной семьи. По примеру слушателей Платона и Аристотеля они приобретают для Эпикура участок земли близ Дипилонских ворот. Туда, в тенистый сад, сходятся все желающие принять участие в беседах мудреца. Философ угощает их хлебом и родниковой водой и учит находить радость в самом простом и необходимом.

Эпикур.

IV-V вв. до Р.Х.

О чем же велись беседы среди мирт и цветов Эпикурова сада?

Начать с того, что философ, считая Вселенную скоплением атомов, тем не менее всегда отклонял обвинения в нечестии или атеизме. «Боги существуют, — заявлял он. — Познание их — факт очевидный. Но они не таковы, какими представляет их толпа».

Эпикур не признавал ничего чисто духовного и даже природу богов рассматривал как материальную.

Их бытие рисовалось ему вершиной мирового совершенства, и потому он считал их свободными от такой тяжелой обязанности, как руководство

миром. Мир людей и мир богов, согласно Эпикуру, — две почти ничем не связанные сферы. Следовательно, это должно устранить всякий страх перед божественным. Столь же бессмыслен и страх перед Судьбой.

Человек должен выкинуть из головы и мысль о смерти. «Смерть, — доказывал Эпикур, — не имеет никакого отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам». Смерть не касается ни живых, ни мертвых, «так как для одних она не существует, а другие — уже не существуют».

Покончив таким образом с «самым страшным из зол», Эпикур пребывает в уверенности, что нашел секрет счастливой жизни. Тщеславие, властолюбие, алчность, распутство — все это, по мнению философа, болезни, которые изнуряют человека, лишая его внутреннего равновесия. «Благополучие и счастье не в обилии денег, не в высоком положении, не в должностях каких-либо или силе, но в свободе от печали, в умеренности чувств и расположении души, полагающихся (всему) пределы, назначенные природой».

Проповедуя воздержание, Эпикур полагает, что нравственное поведение естественно для человека, что сама природа его направлена к добродетели. Он проходит мимо трагических конфликтов личности, которые с такой силой изображали Софокл и Еврипид.

Эпикур не признает ничего, что стояло бы над людьми, требуя от них борьбы с миром и с собой. Библейский Иов восставал против зла, требовал справедливости, ибо знал, что мир и человек имеют высшее предназначение. Эпикур же не верит ни в осмысленность мира, ни в конечную Правду и кротко принимает жизнь такой, какова она есть.

Так же, как эпикурейство, кратчайший путь к нерушимому внутреннему миру предлагал и скептицизм.

Патриархом скептиков считается Пиррон (365—275 гг. до Р.Х.) из пелопоннесского города Элиды. Подобно Эпикуру, он искал секрет счастья, понимая его как свободу от оков мира.

Признав, что чувства не дают подлинной картины бытия, а разум не способен давать

неоспоримые доказательства, скептики возвели сомнение в принципы, полностью отрицая объективную ценность любого теоретического утверждения. Они считали, что мы обречены жить одними «мнениями», что нет рационального критерия, который был бы достаточно прочным фундаментом мировоззрения. В этом бесспорная заслуга пирронистов в истории мысли.

Практический же смысл философского скепсиса виделся в воздержании от суждений, в невозмутимости, бесстрастии. В этом пункте Пиррон сомкнулся в Эпикуром, и греческая мысль еще раз пересеклась с буддийской. Путь Пиррона вел к тупику, между тем как человек искал выхода, искал решения коренных жизненных проблем.

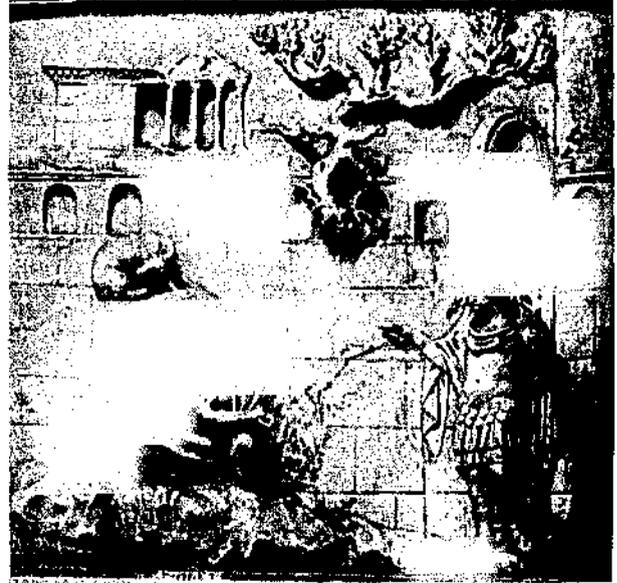
«Жить согласно природе!»

Афины и Коринф, V—III вв. до Р.Х.

Принято думать, что толпы оборванных молодых людей, которые слоняются по дорогам и улицам больших городов, появились только в нашу эпоху, пресыщенную цивилизацией. Между тем античный мир тоже знал своих «хиппи»; они во многом были похожи на нынешних, хотя, в отличие от них, исповедовали ясную и законченную философию опрощения.

Подобные взрывы отвращения к цивилизации сопровождали ее многие века, от Лао-цзы до Руссо и Толстого. Это явление неслучайное; оно тесно связано с противоречиями, изначально присущими цивилизации.

Самая серьезная попытка «вернуться к природе» исходила из мысли, что человек должен искать руководства в чем-то, стоящем над ним. В качестве такой основы часто называли «естественный Порядок», отражающий Божественное бытие. «Все выходит хорошим из рук Мироздателя, все вырождается в руках человека», — говорил Руссо, выступая против условностей и искусственности цивилизованной жизни. В Греции выразителями этого протеста стали киники. Теоретические основы их учения довольно слабы; кинизм не столько теория, сколько способ существования. А в эпоху, когда люди теряли почву под ногами, этот вызывающий и в то же время

Диоген и Александр Македонский.

Рельеф. Копия картины.

IV в. до Р.Х.

равно доступный и беднякам, и пресыщенным образ жизни помогал самоутверждению личности.

Среди киников наибольшую, правда, несколько скандальную известность получил *Диоген Синопский* (400—323 гг. до Р.Х.). Желание опроститься приняло у него гротескные формы. Человек образованный, писатель и моралист, он стал ходить по улицам полуголым, ночевать в большом кувшине из-под зерна («Диогенова бочка»), лакать воду, как собака, отправлять естественные нужды при всех, заявляя: «Что естественно, то не постыдно». Он даже пытался есть сырое мясо.

Одно огорчало его: мало было людей, желающих следовать его примеру. Он ходил по улицам с фонарем среди бела дня, заявляя, что тщетно ищет хотя бы одного настоящего человека.

В III в. до Р.Х. кинизм стал очень популярен. Но именно тогда это учение начинает деградировать. Киники незаметно превращаются в «циников» в современном смысле слова. Они проповедуют животный эгоизм, учат равнодушно переносить смерть близких. Уроки трудолюбия сменяются оправданием паразитизма, аскетизм — умением жить за чужой счет.

Цивилизация несет в себе много темного — но не такова ли участь всего созданного человеком? Пороки цивилизации — его пороки. В то же время нельзя не признать, что и в цивилизации человек реализует заложенные в нем творческие возможности. Киники, как говорится, вместе с водой выплескивали и ребенка. Негативное отношение к городской жизни они переносили на культуру вообще, отдавая предпочтение полуживотному образу жизни, а это было уже настоящим посягательством на дух и культуру.

Тем не менее кинизм не прошел бесследно в истории мысли. Очистив его от юродства и крайностей, стоики положили некоторые его принципы в основу своего мировоззрения, ставшего самым влиятельным в эпоху эллинизма.

Улица в Иерусалиме

Первые стоики

Афины, 315–200 гг. до Р.Х.

Нравственная дилемма для стоиков удивительно проста. Им непонятна драма воли, которая в своих метаниях парализует разум. Для них бессмыслицей звучали бы слова апостола Павла: «То, что ненавижу, то люблю», ибо они считали, что разум желает только добра. В силу же разума они верили беспредельно.

Стоицизм стал своеобразной формой бегства от мира. До конца последовательный стоик свободен от привязанностей, как йог или буддистский монах. У него нет семьи, нет желания славы, нет жажды наслаждений. Удовольствие в его глазах — глупость. Он суров, трезв, ничему не удивляется, ничего не страшится. Он равнодушен к любым превратностям жизни. «Ваше счастье — не нуждаться в счастье», — обращается он к людям.

Создать новый тип религии стоицизм был не в состоянии, да, в сущности, и не претендовал на это. Для большинства своих сторонников он оставался только «идеологией», а религия — это жизнь.

МУДРЕЦЫ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Человеческая мудрость и Премудрость Божия

Иерусалим, 420–400 гг. до Р.Х.

Книги Библии, написанные между 400 и 200 гг. до Р.Х., говорят о напряженной духовной жизни: о спорах, исканиях и новых поворотах религиозной мысли. Притчи, Иов, апокалиптические писания, Екклесиаст подобны пикам подводного хребта, подножие которого скрыто в глубинах вод. По ним мы можем хотя бы отчасти судить о том, чем жил тогда Израиль.

Несчастья Иова.
Г. Доре.
Гравюра

Мудрецы спокойно делали свое дело: собирали древние притчи, слагали псалмы и поэмы, составляли антологии. Для них важнее всего было не опровергать кого-то, а делиться своими думами о человеческой жизни и ее путях. Так возникла *Книга Притчей Соломоновых*.

Один современный писатель заметил: когда переходишь от чтения Пророков к Притчам, кажется, будто спускаешься с неба на землю. И в самом деле, эта книга содержит главным образом мысли о семейной жизни и воспитании детей, о занятиях горожан и земледельцев, о дружбе и честности, бедности и богатстве, трудолюбии и праздности.

За житейскими сентенциями книги стоит нечто гораздо большее, чем кажется на первый взгляд. На примере Притчей мы видим, как

Откровение, не ломая естественного хода человеческой мысли, медленно проникает в ее недра и в конце концов приводит к познанию воли Творца.

У греков мудрость подчас сама по себе считалась добродетелью. В Книге Притчей, наоборот, именно добродетель почитается истинной мудростью, ибо мудр не тот, кто имеет много знаний о мире (что это в сравнении с самим миром?), а тот, чья жизнь согласуется в велениями Божиими. Нарушение Его воли есть безумие или род самоубийства.

При этом мудрец вовсе не склонен считать добро «естественным» и легким. Он слишком хорошо знает предрасположенность человеческой природы ко злу. Людям отнюдь не свойственно повиноваться голосу совести и разума.

Иов на гноище.

Г. Доре.

Гравюра

Этот библейский реализм не позволяет мудрецу искать источник нравственности в самом человеке. Опорная точка этики должна находиться выше, в сверхприродном мире. Выбирая между добром и злом, которые человек обнаруживает в себе, он должен следовать добру как закону, установленному Творцом. Подлинная мудрость неотделима от веры, от стремления выполнять заповеди. Мудрость как исполнение велений Сущего противостоит греху и немощи в человеческом бытии.

Уже не первый раз в дни скорбей и сомнений обращался Израиль к Сущему. И вот снова он возвышает голос, чтобы говорить со своим Господом. Этот поразительный диалог мы находим в самой трагичной и героической книге Библии, книге, носящей имя Иова.

Иов

Иудея, ок. 400 г. до Р.Х.

Книга Иова, поражающая глубиной мысли и поэтической красотой, издавна привлекала богословов и философов, художников и поэтов. Ее перелагал Ломоносов, Гёте использовал ее сюжет в прологе своего «Фауста», Пушкин говорил, что в этой книге заключена «вся человеческая жизнь»; он специально изучал еврейский язык, чтобы переводить «Иова».

Почему страдает невинный?

Великие греческие трагики — современники автора Книги Иова — чаще всего искали ответа на этот вопрос в идее родового возмездия или в тайном, пусть даже неосознанном, грехе (как то было с Эдипом). Индийцы ссылались на пере-

воплощение и Карму¹. Ничего подобного нет в Книге Иова. Она отрицает наследственную вину, а в прологе Сам Ягве признает героя «непорочным, справедливым, богобоязненным и далеким от зла» (Иов 1:8). Бог как бы гордится его верностью и, указывая на Иова Сатане, называет его Своим «служителем». Тем самым вопрос о трагической судьбе праведника поставлен в предельно ясной, безоговорочной форме.

Иов — не помазанник, не пророк, не мученик, взявший на себя грехи людей; он просто человек, один из многих. Поэтому все попытки видеть в нем прообраз Христа лишены основания. Единственное, что выделяет Иова, — праведность. И не она ли должна была, согласно общепринятым взглядам, оградить его от всякого зла? Между тем он — безупречный и чистый — подвергается самым жестоким испытаниям. Значит ли это, что человек не может больше рассчитывать на справедливость? Кто же в таком случае Он, Вершащий пути мира, и какое место Он предназначил на земле человеку? Иов как бы говорит от лица Авеля и всех идущих за ним жертв.

Трудно почувствовать всю глубину отчаяния Иова, если не знать иудейских представлений той эпохи о человеке. Для Библии человек — не «пленный дух», но целостное живое существо, единство духа и плоти.

Когда разрушается связь духа и плоти, человек, по мнению иудеев, фактически исчезает. Египетские жрецы, греческие философы и последователи индуизма уже давно прониклись верой в то, что бытие личности не кончается с последним вздохом. Пусть они понимали посмертие по-разному, но это было обширное духовное пространство, которое развешивалось перед человеком, признававшим себя бессмертным.

Ветхий Завет этой перспективой был долго лишен. Свет веры озарял для иудея только земной мир. Подлинной жизнью в его глазах обладал один Сушый. Все остальное получило от Него лишь временное бытие. Смерть возвращала плоть земле, а душу увлекала в царство теней, куда не проникал свет Божий.

Отсутствие веры в бессмертие приводило к осознанию ценности жизни и земных дел. Если

человек хотел познать полноту бытия в отпущенный ему срок, он должен был творить добро и удаляться от зла. Здесь, пока он жив, он и пожинал плоды им совершенного. Эти жесткие рамки явились одним из величайших духовных испытаний Израиля, но в то же время они предохраняли его от мечтательного спиритуализма. Так садовник иногда ограждает со всех сторон растение, чтобы укрепить его.

Кто знает, не имеет ли ослабление чувства бессмертия в наши дни такого же провиденциального² смысла? Ведь верой в иной мир слишком часто злоупотребляли в ущерб нравственным требованиям религии. Характерно, что Евангелие мало говорит о посмертии, хотя оно постоянно подразумевается. Это значит, что мысль о вечности не должна вытеснять у людей мысли о нравственных задачах временной жизни.

Иов — человек, который ничего не знает о Священной истории и не хочет слышать о грядущих поколениях. Он вопрошает Бога о себе. Раздавленный горем и лежащий в пыли, на самом деле он стоит во весь рост. Иову было бы легче, если б он знал, что виновен. Но он сознает свою правоту, и это самое ужасное. Ведь он считал, что Бог не мог так поступить с ним. А раз это случилось — то рушится все... Он один, абсолютно один — во власти снедающей его боли.

В Книге Иова уже содержится весь «карамазовский» бунт против Бога и мира, в ней дан и полный набор экзистенциальных³ характеристик человека. Он хрупок, ничтожен, подавлен страхом и неуверенностью. Мир для него полон ужаса; это кошмар, от которого невозможно пробудиться.

В своих жалобах и обвинениях Иов доходит до самого края пропасти; кажется, что вот-вот он сорвется, и тогда ничего не останется, кроме бунта.

Самое непостижимое, что этот человек, призывавший Бога на суд, оставался все же человеком веры.

Со дна бездны Иов обвиняет Бога в жестокости, втайне надеясь, что ошибается.

Доверие Иова составляет самую суть его отношения к Богу. Хотя и разум, и чувства говорят

ему, что все вопли напрасны, он не перестает звать. Молчание Неба не может поколебать праведника.

И вот внезапно из налетевшей бури раздается глас Господень.

Явившись Иову, Бог не снимает покрыва с тайны. Значит ли это, что ответов вообще не существует? Нет, но в данном случае все объяснения были бы неуместны.

Иов мог бы услышать о бессмертии человека, о воздаяниях в вечности, о воскресении, но ведь его мучило и иное: почему Бог допускает зло в мире?

В речах Ягве мы находим лишь едва уловимый намек на ответ. Он говорит только о том, что автор *знает*. А знает он пока одно: мысль человека не в силах вместить всех замыслов Провидения.

Все пути Творца направлены на конечное благо мира, сколь бы загадочными они ни казались людям.

По существу к этому сводится весь монолог Ягве. Но гораздо важнее для понимания книги — реакция и ответ самого Иова на Богоявление. Он «кладет руку свою на уста» (Иов 39:34), склоняется в смиреннии и благоговении. Почему?

В присутствии Господнем все вопросы отпали сами собой. Выразить эту тайну оказалось не под силу даже такому великому поэту, как автор Книги Иова. Творение его прекрасно именно этой недосказанностью и целомудрием.

Книга Иова не отрицает Божией справедливости; она лишь показывает, что не все объясняется только воздаянием. В этом ее огромное значение в истории Ветхого Завета. Она была создана, когда старое богословие переживало трагический кризис.

¹ Карма (инд.) — закон воздаяния, закон причин и следствий.

² Провиденциальный — предусмотренный Промыслом Божиим и служащий Его целям.

³ Экзистенциальный (от лат. *exsistentia*, «существование») — относящийся к бытию.

Экклезиаст

Иудей, ок. 350 г. до Р.Х.

Книга Иова свидетельствует о брожении умов и жарких спорах, волновавших Израиль, когда мыслящие люди пытались найти разрешение жгучих проблем, избегая ссылок на Закон и Священную историю. В напряженной духовной борьбе сталкивались противоположные точки зрения. Но даже и на этом фоне свободных дискуссий Экклезиаст мог показаться книгой вызывающей.

«Род уходит, и род приходит,
а Земля остается навек.

Восходит солнце, и заходит солнце,
и на место свое поспешает...

Все — одна маета, и никто рассказать
не умеет, —

Глядят — не пресытятся очи,

слушают — не переполнятся уши.

Что было, то и будет, и что творилось,

то и творится,

И нет ничего нового под солнцем.

Бывает, скажут о чем-то:

смотри, это новость!

А это уже было в веках, что прошли до нас».

(Еккл 1:4–10)

Охваченный каким-то жестоким наслаждением, вглядывается поэт в картину вечного круговорота. Кажется, что он забыл все, о чем возвещали пророки Израиля. Это мироздание, которое созерцает человек, лишенный света Откровения... В этом мире жизнь теряет смысл и значение.

Главное, что отличает этику Экклезиаста от этики пророков, — это ослабление уз между религией и нравственностью. Пророки черпали в вере силу для проповеди действенного добра. Человечность и вера были для них неотделимы. Здесь же этой связи столь ясно не ощущается.

У Экклезиаста нет вдохновения, даруемого верой, и ему остается рассчитывать лишь на обычные земные радости.

Но именно тут он терпит самое жестокое поражение. Все, что манило и соблазняло его, на поверку оказалось «суею».

Он построил себе прекрасные дома, посадил виноградники, цветники, сады, среди которых были фонтаны. Он накупил рабов и наложниц, окружил себя певцами и певицами. Глаза его день и ночь радовали сокровища.

«Ни в чем, что очи мои просили,
я не отказывал им,
Ни от какой я радости не удерживал
сердце...
Но оглянулся я на дела,
что сделали руки мои,
И на труды, над которыми трудился, —
И вот, все — суета и погоня за ветром!»
(Еккл 2:10–11)

Этот мрачный припев о суетности лейтмотивом проходит через всю книгу.

Представление иудеев о том, что Судий — все, а человек ничто, приняло у Экклезиаста крайнюю, отрешенно-холодную форму. Бог кажется равнодушным к миру, которому Он предоставил кружиться по предписанным законам без всякой цели. Неизвестно даже, желает ли Он блага сво-

Антиох IV.
Монета

им творениям. Даже когда человек надеется, что есть какой-то нравственный миропорядок, он ошибается. Нет настоящей награды добрым, да и сама награда в этом мире — что она, как не суета сует?

Едва ли во всей литературе еще найдется книга с таким безысходным мироощущением. Без пафоса, спокойно и беспристрастно Проповедник уничтожает все опоры жизни, оставляя людям лишь жалкое подобие надежды. Ведь именно благополучие в этой жизни считалось обещанной Богом наградой. Но если этот единственный дар отравлен, — к чему он?

На первый взгляд кажется непостижимым, как могла подобная книга попасть в Библию. Известно, что учителя иудейства много спросили, прежде чем решились дать ей место рядом с творениями мудрецов, Пророками и Законом. Тем не менее они это сделали.

Иерусалимский философ поднес людям чашу с горьким напитком, но то был напиток исцеляющий. Уверенность в том, что высшее благо ограничено земными пределами, была преградой на пути израильской религии. Экклезиаст разрушил это препятствие.

Ценность воды по-настоящему познается в пустыне, жажда вечности пробуждается, когда человек отдает себе отчет о мимолетности земного. В этом заключается великий смысл отрицательного опыта Экклезиаста.

ИУДЕЙСТВО И ЭЛЛИНИЗМ

Эллинизация. Книга Даниила
Иудея, 168–166 гг. до Р.Х.

Настали дни, когда маленькой крепости Ветхого Завета, раздираемой спорами, предстояло выдержать самый яростный штурм, какой она когда-либо испытала в прошлом.

Антиох IV Эпифан, второй сын Антиоха Великого, — одна из наиболее странных и демонических фигур времен эллинизма. Необычными были и характер, и судьба Антиоха.

После гибели брата Селевка IV, убитого царедворцами, Антиох стал властителем сирийской державы Селевкидов. Рим одобрил его канди-

Пророк Даниил.

Г. Доре.

Гравюра

датуру, надеясь сделать его послушным орудием. Но впоследствии сенаторы поняли, что просчитались.

Заветной мечтой Антиоха IV была тотальная эллинизация государства. Он стремился навязать дорогие ему греческие обычаи и культы и подавить национальные очаги сопротивления.

Серьезных препятствий своим замыслам царь не встретил. Камнем преткновения оказалась одна Иудея.

В библейской традиции Эпифан стал прототипом Антихриста. Начиная с Книги Даниила до Иоаннова Апокалипсиса священные писатели будут придавать Врагу Божию черты Антиоха. Этот человек не только впервые в истории решил полностью искоренить иудейскую религию, но и

был первым царем после Александра Македонского, который всерьез воспринимал свой божеский титул. Бог Израиля был для него противником, которого надлежало свергнуть с престола.

Осенью 168 г. до Р.Х. Антиох велел прекратить службу в Иерусалимском храме и разослал по городам эмиссаров с указом: все живущие во владениях царя отныне должны считаться «одним народом и оставить свой закон». Евреям запрещалось читать Писание, соблюдать субботу, совершать обрезание и даже просто называться иудеями. Нарушившего указ ждала смертная казнь.

Правительственные чиновники разъезжали по стране, чиня расправу. Свитки Библии, которые попадали им в руки, рвали или предавали огню.

Пророк Даниил во рву львином.

Г. Доре.

Гравюра

Однажды в тайных убежищах, где писцы прятали свитки Библии, появилась новая книга. Она подоспела вовремя. Ее с жадностью читали, переписывали и пересказывали. Причину вызванного ею волнения нетрудно понять: она рассеивала мрак и возвращала доверие к Промыслу Божию, действующему в земных событиях.

Книга носила имя *Даниила*, мудреца.

Даниил знает, что приближение Божиего Царства будет сопровождаться разгулом зла и беззакония, что в мире есть тенденция к вырождению, что в нем действуют разрушительные силы, но ни на минуту не забывает, что рядом с этим нисходящим потоком пролегает русло другого,

восходящего, цель которого — Царство Господне. Провидец говорит о конце истории как о новой ступени на пути человечества. Грядущее создается в противоборстве двух начал и в торжестве небесного Града найдет свое осуществление. Этот Град явится не для того, чтобы все повторилось вновь, а чтобы открыть твари мир Божественного света.

Книга Даниила, рожденная в тяжелую годину, насквозь проникнута ощущением великой схватки добра и зла. Ее слова повторит Христос, говоря о закате ветхозаветной эры, ее язык станет языком иудейских и христианских апокалипсисов.

Три отрока в печи огненной.

Г. Доре.

Гравюра

Подобно живой воде падали слова Даниила в измученные души. Грядет Сын Человеческий, Который положит начало новому миру. И особенно окрыляло их пророчество о судьбе людей, сохранивших верность до последнего дыхания. Они погибли, но смерть их — только временный сон. В день Суда...

«Многие из спящих во прахе земном пробудятся:
одни для жизни вечной,
другие на вечное поругание
и посрамление.»

И разумные будут сиять, как светила на тверди,
и обратившие многих к правде —
как звезды, вовеки, навсегда».

(Дан 12:2–3)

В конце времен архангел Михаил, покровитель ветхозаветной Церкви, ополчится на сатанинскую рать и одолеет ее. Вообще всей Книге Даниила свойственно чувство близости незримых сил, участвующих в мировой драме. Пророку открыто, что дела человеческие определяются духовной битвой, которая идет во Вселенной между силами света и тьмы.

Отделившиеся

Иудея, 160–63 гг. до Р.Х.

Традиционная уважаемая праведность (садека) оставалась для высшего духовенства и знати чем-то непревзойденным. Быть может, поэтому они называли себя «садокитами», или *саддукеями*.

В практической жизни саддукеи проявили себя гибкими прагматиками, преследующими своекорыстные цели и склонными к уступкам. Они окружили себя роскошью, зато народ считали нужным постоянно держать в узде. С этой целью саддукеи отстаивали суровые принципы древнего уголовного права.

В борьбе за прочное место при дворе они превратились в активную политическую партию. Совет старейшин, или *Синедрион*, состоял в основном из ее членов. Естественно, что в народе к этим черствым, надменным людям относились почти враждебно.

Священники

Семисвечник.

Рельеф на арке Тита. Фрагмент.

После 81 г.

Фарисеи обособились не только от правящей верхушки, но и от всех, кто, по их мнению, мало знал или плохо соблюдал Закон.

Фарисеи были «тончайшими толкователями Закона», но толкование их было особого рода. В отличие от саддукеев они не смотрели на Писание как на мертвую реликвию или строго зафиксированный кодекс; по крайней мере в принципе фарисеи исходили из мысли, что вера не может ограничиваться рамками книги. Они утверждали, что живая духовная преемственность, или церковное *Предание*, играет роль не меньшую, чем канонические книги.

Разумеется, устное *Предание* легче засоряется человеческими домыслами, «преданиями» с маленькой буквы. Чтобы избежать этого, фарисеи стремились сохранить связь между поколениями книжников и разработать принципы изъяснения Библии. Но именно здесь проявилась скованность их духовного творчества. «Предания старцев» были канонизированы и возведены в ранг общеобязательной истины.

Первосвященник, ковчег, алтарь и священные сосуды в Святой Святы

Фарисеи не дали погаснуть духу благочестия в народе, предотвратили его вырождение в светскую нацию, управляемую светскими царями. Благодаря им Библия не превратилась в фетиш, а осталась подлинной книгой жизни.

Синагоги и школы оказались со временем великим в руках фарисеев. Именно им народ был обязан всем лучшим, что выросло в его недрах на пороге Нового Завета.

Воздавая должное фарисеям, их не следует, однако, идеализировать. В этом течении слишком большое место занимали казуистика и ритуализм, которые подрезали крылья свободному прощескому вдохновению.

Третье направление в иудаизме — ессейское. Полагая, что власть имущие и весь народ сблизь с истинного пути, и ожидая скорого суда Божия, они образовали своего рода «Церковь внутри Церкви».

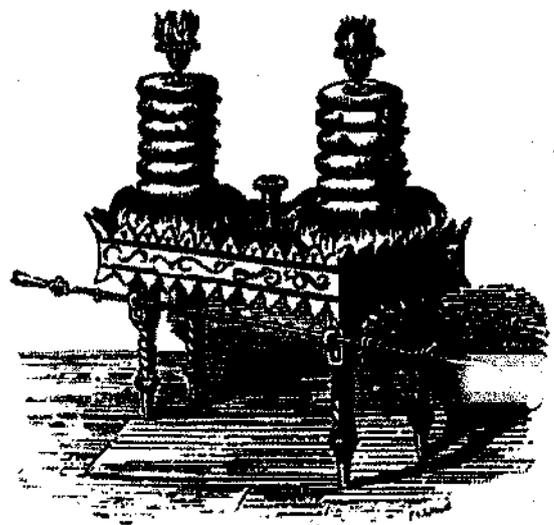
Эта секта с трудом укладывалась в рамки традиционного представления об иудаизме. Монастырский устав, форменная белая одежда, общность имущества — ничего этого не знала история Израиля.

Древние историки говорят, что у есеев не было ни денег, ни рабов; трудились все. Идеалом была строгая набожность.

Происхождение и история этого полумонашеского ордена долго оставались загадкой. Только

в середине XX в. находки в пустыне на побережье Мертвого моря пролили новый свет на ессейское движение. Большинство историков признало, что кожаные манускрипты и развалины поселков, обнаруженные в районе Кумрана, принадлежали ессейским общинам.

Исследование кумранских свитков навело историков на след вождя или даже основателя секты. Имя его остается тайной; в текстах он

Стол для хлебов предложения

*

Юпитер.

I в.

фигурирует как Священник, Избранник, Взыскующий Торы, Единственный Учитель, а чаще всего как *Учитель Праведности*.

Он задумал основать общину «сынов света», веря, что когда явится высший Судия, все «выразившие готовность присоединиться к избранникам» будут спасены.

Первые следы поселения на берегу Мертвого моря относятся к сороковым-тридцатым годам II в. до Р.Х. Это означает, что Учителю удалось получить во владение участок земли в Кумране. Он призывал всех «верных Закону» выйти, подобно Аврааму, из среды грешников, чтобы готовить себя к последним дням.

Люди, поселившиеся в Кумране, любили называть себя просто «Израиелем», ибо считали, что лишь они достойны этого славного имени. Ста-

рый Завет нарушался уже многими поколениями. Здесь, в пустыне, ессеи надеялись заключить с Богом Новый Завет, который будет принят непорочным Остатком, бедняками, чающими Дня Господня.

Но, готовясь к вступлению в Царство Божие, кумранский Учитель в конце концов создал настоящий культ исключительности. Его стремление соблюсти чистоту веры привело к отталкивающей сектантской гордыне.

Нравственный облик ессеев омрачает не только эта тенденция. Их законническое буквоедство оставило далеко позади даже самых закоснелых формалистов среди фарисеев.

На рубеже II и I вв. до Р.Х. ессеи стали поселяться и в городах. У этих сектантов, живших «в миру», естественно возникали контакты с

иностранными. Некоторые ессеи даже пытались распространять свои взгляды.

Тем не менее исход из пустыни части ессеев не означал отказа от принципа обособленности. Они по-прежнему относились к людям иного толка с осуждением и неприязнью. Особенно враждебны они были к саддукеям. Впрочем, и фарисеев они не щадили, называя их «толкователями скользкого».

К этому времени Рим пережил борьбу вокруг реформы Гракхов и диктатуру Суллы, подавил восстание Спартака и начал развернутым фронтом вести наступление на Восток. В 66 г. до Р.Х. Гней Помпей сломил военную мощь Понта и Кавказа, а через два года появился в Сирии.

Иудеи уже понимали, что избежать нового иноземного владычества не удастся. Стоял лишь вопрос: кого из претендентов на трон признает римский полководец. Один из них, Аристокбул, допустил ряд тактических ошибок, и Помпей принял поэтому сторону другого, Гиркана. Однако Аристокбул не согласился с этим решением, и когда Иерусалим открыл римлянину ворота, он укрепился в храмовой цитадели, готовясь выдержать штурм.

Три месяца длилась блокада; наконец 10 октября 63 г. до Р.Х. крепость была захвачена. Римские солдаты ворвались в святилище. Даже в самом Храме они встретили отчаянное сопротивление. Среди общей сумятицы лишь священники продолжали совершать богослужение.

Аристокбул был взят в плен и отправлен в Рим. Помпей же после захвата Храма проник в Святая Святых. Но, удовлетворив свое любопытство, он ни к чему не притронулся, ибо римляне привыкли терпимо относиться к чужеземным культам.

Рим шел к созданию мировой державы. Открылась новая глава истории, и уже народилось поколение, которому предстояло быть современником евангельских событий.

Дьявол (демон подземного царства).
Этрусский надгробный рисунок.
IV—III вв. до Р.Х.

РИМ, ГРЕКИ И ВОСТОК

Душа и вера римлянина
Италия, ок. 650 г. до Р.Х.

Поразительные успехи римлян вызывали восторг и зависть современников. Попытки разгадать секрет латинской фортуны в свое время предпринимали Полибий и Августин, Монтескье и Гегель. Муссолини думал, что сумеет воскресить былое величие Рима, однако жизнь показала тщетность этой мечты. Хотя многие элементы древнеримского духа не умерли, — что-то главное ушло безвозвратно.

Что же представляли собой строители Orbis Romanum, «Римского мира»?

В старину говорили, что у него есть второе, тайное, имя, которое можно найти, прочитав слово Roma по-восточному: справа налево. Тогда оно будет звучать как Амог, Любовь. Дух Рима столь же парадоксален и двойственен, как и все значительные явления мировой культуры. В самом деле, римляне, не обладая религиозным гением, слыли благочестивым народом и гордились этим; Рим в течение трех веков преследовал Церковь, но он же стал одним из всемирных центров христианства. Его цивилизация была еще более

ТРЕ
ТЬ
ЕГ
Гос
ЖИ
НЕ
МА
КЕ
ОЛ
ЮЕ
КОС
ТЕ
ЖИ
СТЕ

светской, чем у греков, однако отцы Церкви считали Рим оплотом веры.

Нераздельность гражданского и религиозного духа благотворно сказывалась на нравственной стороне жизни римлян. Их традиционные добродетели: верность, честность, скромность, мужество, уважение к старшим — повсюду вызывали удивление. Отношение римлян к закону не было чисто светским. Сама приверженность порядку вытекала из веры в его высший смысл.

Однако религия, которая питала гражданское и правовое сознание Рима, сама пострадала от засилия римского права.

Формальный долг как главный стимул действия воцарился у латинян и в области веры, обедняя и сковывая ее. Предстоя Высшему, человек только выполнял своего рода повинность. Сердце его при этом оставалось почти безучастным. Римская молитва едва ли даже заслуживает этого названия; она ограничивалась механическим произнесением формул и предписанными жестами. Цицерон с полным правом говорит, что «вся религия римского народа разделяется на жертвоприношения и гадания». Ее считали неотъемлемым элементом гражданского строя. Человек, небрежный в ритуалах, рисковал оказаться в числе врагов государства.

Латинское слово *religio* означает «связываю»¹. Священнодействия связывали людей с богами и между собой. Но эта связь носила формальный характер. Полагали, что, соблюдая до тонкости все церемонии, человек честно выполняет условия договора с высшими силами. В этом римлянин был не меньшим педантом, чем любой иудейский законник. Жизнь его опутывали тысячи запретов и ограничений, освященных древностью. В частности, жрец Юпитера не должен был прикасаться к лошади, тесту, бобам, не имел права проводить вне дома более трех дней, завязывать узлы на одежде и т.д.

В общем, без преувеличения можно сказать, что ранняя римская религия представляла собой форму, почти лишенную содержания. Безотчетное преклонение перед Божественной Тайной не развилось в подлинную веру, а осталось в зачатке, в ожидании иных времен. Однако ни ритуальное

Эритрейская Сивилла.

Микеланджело.

1509 г. Фрагмент росписи

законничество, ни слепая преданность традиции не смогли погасить в римлянах стремления найти нечто более одухотворенное, чем их официальный культ. Это стремление в конце концов обрело свою цель в христианстве. Но прежде чем Евангелие пришло к римлянам, они пытались утолить свой духовный голод, обращаясь к верованиям этрусков и эллинов, азиатов и египтян.

¹ В традициях латинской грамматики основной глагольной формой считается 1-е лицо ед. числа наст. времени, а не неопределенная форма, как в русской и других грамматиках.

Этруски, Сивилла, Карфаген Италия, 650–204 гг. до Р.Х.

Цивилизация этрусков до сих пор остается загадкой. Они заявили о себе в Италии лет за сто до основания Рима, но никто не знал, откуда они пришли. Эти наставники римлян, смешавшись с другими италийскими племенами, исчезли как народ задолго до нашей эры. С тех пор улыбающиеся статуи и расписанные гробницы хранят молчание, подобно руинам Крита; из девяти тысяч сохранившихся этрусских надписей большая часть не расшифрована.

Фрески и мозаики в гробницах рассказывают о подземных духах и демонах, об отвратительных чудовищах, населявших этрусскую преисподнюю.

Уверенность в том, что боги могут открывать будущее, побуждала римлян относиться с величайшей серьезностью к «технике» предсказания. Этруски слыли в этом непревзойденными мастерами: их часто приглашали, чтобы узнать волю богов.

Страбон, географ из Понта, перечисляет много других обычаев и обрядов, которые Рим унаследовал от этрусков. Но ни один из них не выходит за рамки первобытных церемоний. Следовательно, контакт с Этрурией не мог по-настоящему обогатить религию римлян.

Некоторые свои очистительные обряды Рим заимствовал у греков. Юг Италии был к VI в. до Р.Х. уже густо заселен эллинскими колонистами.

Аполлон стал первым олимпийцем, покорившим римлян. Одна из причин его популярности заключалась в том, что Аполлон издавна считался богом, дарующим очищение от скверны. Поэтому Тарквиний I (615–578 гг. до Р.Х.) сам объявил себя поклонником Аполлона. При нем в Риме появились священные книги, якобы доставленные царю Сивиллой, жрицей эллинского бога.

Согласно легенде, одна из пророчиц, жившая в Эритрее, получила от Аполлона бессмертие при условии, что никогда не увидит родной земли. После этого Сивилла обосновалась в Кумах, где

ее окружили заботой и уважением, а ее предсказаниям внимали как гласу самого Аполлона. С годами Сивилла почувствовала, насколько тягостна для нее вечная жизнь. Куманцы сжалились над вещуньей и привезли ей горсть эритрейской земли. Взглянув на нее, Сивилла упала навзничь и испустила дух. Она обрела наконец желанный покой.

Вместе с книгами Сивиллы в устойчивый италийский мир проникла первая апокалиптическая струя, правда, пока еще очень слабая. Поклонники Аполлона верили, что в борьбе богов Аполлон выйдет победителем. Из намеков античных писателей можно заключить, что Сивилла предвещала конец очередного периода в десять веков и наступление новой эры.

В 609 г. до Р.Х. в Риме была провозглашена республика. Войска этрусков, пытавшиеся вернуть трон изгнанному римлянами царю Тарквинию, потерпели поражение. Постоянным правительством стал патрицианский сенат.

Даже у иудеев, которые редко восхищались языческими державами, мы находим высокую оценку республиканского строя римлян. Нравственная строгость и порядок приобретались ценой жестокого режима, в котором было тесно творчеству и таланту. Роль священной автократии заменял диктат гражданской дисциплины.

Энергия нации, сдавленная государственным механизмом, неизбежно искала выхода во внешней экспансии. От защиты Рима республика перешла к наступательным действиям. Неодолимая жажда завоеваний, казалось, заставляла римский народ постоянно расширять рубежи страны.

Еще в IV в. до Р.Х. римляне заключали союзы с карфагенской державой. Но после покорения Италии оба государства неизбежно должны были превратиться в соперников. Решался вопрос, кто будет господствовать в водах западного Средиземноморья.

Новый враг был необычен. Если прежде Рим, как правило, имел дело с родственными ему народами, то в Карфагене он встретил мир глубоко чуждый и отталкивающий.

Карфаген подчинил туземные берберские племена нумидийцев и постепенно распростра-

Сципион Старший.
III в. до Р.Х.

нил свои владения по всему северному побережью Африки.

То был настоящий оплот коммерсантов. Через огромный порт шли торговые пути со всех концов света. Сюда, на границу черного материка, везли слоновую кость и мрамор, посуду и ткани, драгоценные камни и благовония, ковры и оружие. Военная мощь Карфагена опиралась на армию наемников, которых вербовали из сицилийцев, греков и берберов.

Рим был куда беднее и слабее Карфагена, которому его плантации, таможни и флот приносили несметные богатства. Поэтому сенат долгое время предпочитал жить в мире с Африкой. Лишь когда римляне окрепли и прямые интересы держав столкнулись, война стала неминуемой.

Смертельная вражда римлян к пунам (так называли они финикийцев) объясняется, впрочем, не только политическими причинами. Им были ненавистны сам дух и религия Карфагена.

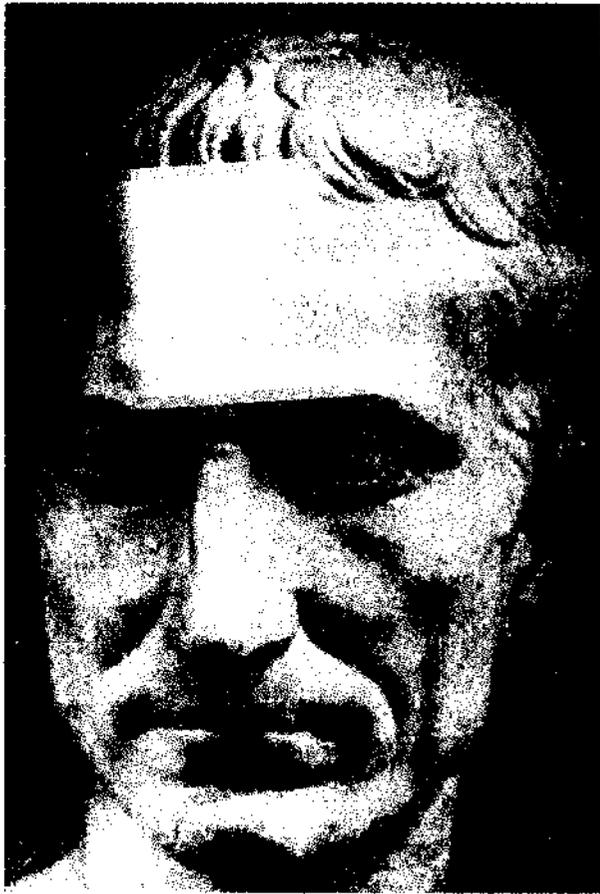
Изуверские обычаи, извращения, человеческие жертвы и ритуальная проституция сохранялись у пунов вплоть до эпохи эллинизма.

Рассказывают, что Ганнибал поверг на алтарь Ваала три тысячи имерийцев. Участь эта постоянно ждала сотни юношей и девушек из лучших карфагенских семей.

Римляне отнюдь не были людьми мягкосердечными, но все же карфагенские обычаи внушали им слишком большую гадливость, чтобы примириться с ними.

Цицерон.
I в. до Р.Х.

Гай Юлий Цезарь.
I в. до Р.Х.

Исход борьбы двух колоссов был предрешен. Когорты римских граждан заставили отступить африканских наемников.

Африка, Испания, Сиракузы оказались теперь в руках консулов. Триумфальный парад, которым был встречен победитель Ганнибала Сципион Старший, превзошел все, что прежде видели римляне. Но в те дни еще кое-кто мог праздновать победу, хотя и другого рода. Человек, сокрушивший Карфаген, был пленен греческой культурой и решил содействовать ее торжеству на латинской земле. Отныне судьба сурового Рима будет прочно связана с эллинским гением. Конец Пунических войн был ознаменовал началом греко-римской эпохи, которая принесла победителям много новых тревог и неожиданностей.

Эллинизм в Риме

Италия, 204—120 гг. до Р.Х.

Римская история уже перестала быть историей Италии. Кельты, испанцы, берберы, сирийцы, греки оказались под эгидой Капитолия. Победители сохраняли традиции покоренных народов. Как и Александр, они чувствовали, что их держава кроме насилия нужны какие-то иные объединяющие начала. Сами они могли дать миру не много. Единственное, что привлекало всех, — это права, связанные с римским гражданством, но до поры жителям провинций его давали медленно и неохотно.

Как и прежде, римляне продолжали верить, что неукоснительное соблюдение обрядов обес-

Ганнибал.
III в. до Р.Х.

Посидоний.
I в. до Р.Х.

печило торжество империи над всеми ее соперниками.

Между тем традиционная религия не удовлетворяла уже самих греков. Эллин смотрел с надеждой не столько на Олимп, сколько на таинственные культы Востока.

Прошло немного времени, и латинянам с их серьезностью в делах культа пришлось убедиться, что греки относятся к своей религии довольно легкомысленно. Светский дух лишил мифологию греков мистического ореола, а философы, хотя и пытались спасти ее, сеяли немалый соблазн, и постепенно скептицизм стал заражать само римское общество.

Рост вольнодумства сопровождался ослаблением нравственных устоев. Перемены в образе

жизни сильно повлияли на характер римлян. Навсегда прошли времена, когда послы царя Пирра могли застать римского военачальника в деревне за приготовлением похлебки из репы. Побывав в Карфагене, Коринфе и Пергаме и насмотревшись на заморскую роскошь, люди не желали больше жить, как их отцы; они полюбили комфорт, изысканный стол, увеселения. А здоровая крестьянская мораль и спартанские привычки прежних поколений забывались.

Войны снизили цены на рабов. Их было теперь много не только в рудниках и на стройках, но и на полях. Труд стал казаться презренным занятием, достойным лишь невольника. Знатная молодежь предавалась праздности, устраивала кутежи, соревновалась во всевозможных пороках, к которым Рим прежде питал отвращение. Исчезла хваленая римская честность: политики стали вероломными, воины помышляли больше всего о грабежах, купцы не брезговали ничем ради наживы.

Цирковые представления и бои гладиаторов превратились в кровавую страсть римлян. Правительство рассчитывало тем самым нейтрализовать агрессивность масс.

Но, разумеется, далеко не всегда можно было утихомирить безработных. Народные собрания нередко выливались в драки и поножовщину.

Надвигались годы переворотов, гражданских войн и диктатуры. За власть над народами Риму, как и каждой империи, приходилось платить дорогой ценой.

Попытки синтеза

Италия, 120—80 гг. до Р.Х.

Образованные римляне не хотели слепо копировать чужое, а стремились создать собственное мировоззрение на основе сплава эллинизма и латинства. В этом им помогли стоики, которые в то время вели повсюду энергичную пропаганду своего учения. Мудрецов, одетых в ветхие плащи, поборников умеренности и воздержания, можно было встретить в домах консулов и в тавернах, на базарах и в школах.

Первым проповедником стоицизма в Риме был грек *Панеций* (185—110 гг. до Р.Х.), уроженец острова Родос.

Бог и Вселенная, учил Панетций, едины и вечны. Логос, внутренний закон мироздания, пронизывает все, в том числе и человека. Гармонична жизнь, которая соответствует космическому строю, Логосу. Когда наступает смерть, все элементы человека возвращаются в круговорот природы и только память потомков хранит его образ.

Счастье мудреца — в равновесии; он должен ценить дары природы, а в час испытаний сохранять спартанскую невозмутимость.

Панетций, как и прочие философы-греки, относился к народным верованиям пренебрежительно, а его друг историк Полибий открыто заявлял, что религия создана для того, чтобы держать толпу в повиновении.

Римляне же не могли отмахнуться от этой проблемы. Им нужно было ясное и последовательное ее разрешение.

Поэтому, когда ученик Панетция Посидоний Апамейский (135—51 гг. до Р.Х.) предпринял реформу Стои¹, снова сблизив ее с религией, у него нашлось больше последователей, чем у всех других мыслителей того времени.

Жители Родоса, где поселился философ, гордились им. Слава о Посидонии гремела по всем эллинским городам. На остров отовсюду съезжались люди послушать его лекции. Среди них были и известные политики, такие, как Помпей и Цицерон. На многих производило впечатление, что столь ученый человек защищает идеи Бога и бессмертия.

Посидоний стал основоположником *религиозного стоицизма*.

Источником идей Посидония была интуиция высшего духовного Бытия, которое пребывает за видимостью преходящего. Но это Бытие, в отличие от нирваны буддистов, связано с материей. Вслед за Платоном Посидоний считал Вселенную целостным организмом, «живым, разумным, одушевленным и умопостижимым». Она насквозь пронизана «жизненной силой» Божества, или «огненной пневмой» Мировой Души. Как Бог является внутренней сущностью Космоса, так и дух человека есть посланец Логоса, гость из нездешних сфер в царстве природы. Он родствен всемирному Духу и лишь временно связан с телом.

Человек познает и Сущее, и Вселенную именно в силу своей причастности им обоим.

У Посидония космическая иерархия существ подчинена закону круговорота, и в этом философ остался истинным сыном язычества. Стремясь соединить науку и религию, Посидоний сохранил в своей системе и древний миф о мировых циклах.

Динамика вселенского вращения, по мнению философа, всецело зависит от Божества, Которое одновременно его Судьба. «Судьба, — говорит Посидоний, — это непрерывная цепь причин сущего, или Разум, согласно которому управляется мироздание». Рок действует с помощью закона всеобщей симпатии, т.е. взаимосвязи всех частей Космоса. Поскольку же она охватывает каждый уровень бытия, то движение небесных тел должно сказываться на событиях, происходящих на земле. Отсюда оставался один шаг до признания *астрологии*, шаг, который Посидоний и сделал. Учением о «симпатии» он оправдывал демотологию, ворожбу и искусство предсказания.

Когда главнокомандующего Суллу называли «Счастливым», — в это прозвище вкладывали особый смысл. На счастье смотрели как на дар светил и Рока. Сам Сулла, который, не смущаясь, грабил храмы, верил в свою звезду и не расставался с талисманами. А его соперник Марий повсюду возил с собой сирийскую прорицательницу. В авгуров больше не верили, но зато верили в магию и гороскопы.

Те десять веков, которые, согласно Сивилле, начались с Троянской войны, истекли в 83 г. до Р.Х. Для римлян это означало конец человеческого рода, последний акт драмы, предначертанной вечными звездами. Надвигалась ночь.

Те, кто прежде уповал на государство, теперь опускали руки, теряя интерес к жизни. Участились случаи самоубийств. Последователям Эпикура и стоика Панетция смерть сулила покой небытия. Цицерон откровенно высказывался в этом же духе.

Если раньше римляне видели смысл жизни в исполнении гражданских обязанностей, то теперь такой взгляд перестал их удовлетворять. Человек как бы обретал наконец самого себя, все чаще

задумываясь над собственной судьбой и ее значением. Откуда я пришел, для чего я живу, куда иду, что ждет меня после смерти?

Новый, индивидуальный характер веры требовал и новых форм общности. Повсеместно стали множиться чуждые политике братства, союзы, тайные клубы, которые сближали людей теснее, чем государство и национальность.

Одной из характерных особенностей возникающих по всей империи союзов явилось почитание восточных божеств.

Люди Запада объединились вокруг богов, чтимых в Сирии и Египте, Фригии и Персии, надеяся их новыми именами.

Приверженцы Митры собирались на молитву в подземельях и пещерных храмах. Стены их украшали знаки зодиака и космические символы. Кульминацией богослужения был момент, когда отдергивалась завеса и «братья» созерцали статую Митры; как правило, его изображали в момент заклания им гигантского быка.

Римские солдаты охотно прибегали к покровительству этого могучего бога, и возвращаясь из походов, заносили семена митраизма во все уголки империи.

И поныне в Африке, в Британии, на Дунае и Рейне сохранились остатки пещерных митреумов. Они сооружены по единому плану, что указывает на единство обрядов и учения рассеянных повсюду братств.

¹ Стоя — философски-мировоззренческая система стоицизма.

Иудейские миссионеры 140—50 гг. до Р.Х.

В Италии еврейские эмигранты, военнопленные и отпущенники стали селиться уже с III в. до Р.Х. Приглядываясь к этим людям, римляне отмечали их пуританские нравы, которые сами ценили и от утраты которых давно страдали. Бросалась в глаза нетерпимость евреев к порокам и извращениям, занесенным в Рим из греческих городов. По своему устройству ветхозаветные общины чем-то напоминали культовые братства,

Август.
I в. до Р.Х.

которые с известного времени завоевали популярность у римлян. Правда, в синагогах не совершали тайных церемоний, зато там звучали вдохновенные молитвы и гимны; там можно было вступить в беседу, познакомиться с учением, которое давало ответы на основные вопросы жизни. Молитвенные дома отличались от храмов тем, что доступ в них был открыт всем и каждому.

Многих римлян раздражало, что подвластный народ держится независимо, не теряя своего достоинства. Одни упрекали иудеев за их богатства, другие — за нищенство; одни обвиняли в «субботней лени», другие — в чрезмерной динамичности. Таким образом, антисемитизм (вопреки распространенному мнению) возник задолго до христианства, еще в античную эпоху. Нападки на евреев начались, когда религия Завета добилась

первых побед в языческой среде. Иными словами, одной из причин античного антисемитизма было появление «прозелитов».

Термин «прозелиты» есть греческий перевод слова *герим*, «пришельцы». В эллинистическую эпоху так называли всех неевреев, исповедовавших иудаизм. Прозелит иудейской религии должен был целиком преодолеть старое сознание, отказаться от жертв Олимпийцам и от гражданских ритуалов. Он безоговорочно верял себя Единому — Творцу неба и земли, о Котором учила Библия. Держаться с корректной терпимостью, поздравить язычника в день его праздника — вот самое большее, что мог позволить себе человек, принявший иудаизм. В остальном между ним и его прошлым компромисс исключался.

Именно в этом пункте и возникла главная напряженность, которая впоследствии вызвала столкновение Рима с христианами.

Иудейская миссия в Риме сопровождалась столь же острой борьбой, как и эллинизация. Но в обоих случаях ни вражда, ни меры правительства не могли создать глухой плотины: число прозелитов возрастало по всей империи.

«Наши законы, — писал Филон, — привлекают к себе всех: варваров, иноплеменников, греков, обитателей материка и жителей островов, на Востоке, Западе и в Европе». Особенно много обращенных появилось в Антиохии и Дамаске, но главным центром иудейской проповеди стала Александрия.

Прозелитизм был одним из самых удивительных явлений римской жизни. Ведь в той или иной степени он приобщал неопитов к иудеям, а доводов против этого было достаточно много. Народ Библии после ста лет свободы снова был лишен независимости и в диаспоре (рассеянии) не раз терпел притеснения. Каждый, вступивший с ним в диалог, мог рассуждать так же, как через тысячу лет князь Владимир: если вы находитесь в столь незавидном положении, не значит ли это, что религия ваша ложна или Бог отвернулся от вас? И все же вера Ветхого Завета оказалась столь притягательной, что вопреки этим соображениям прозелитизм продолжал распространяться.

Человекобог

Римская империя, 66—7 гг. до Р.Х.

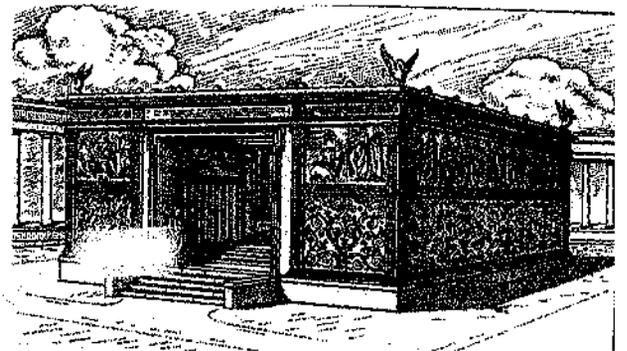
Человечество томилось перед пришествием Избавителя. Но если одни ждали в Его лице вестника иного мира, то другие были готовы искать спасения у земного повелителя и бога.

Такие фигуры, как Цезарь, Август или Наполеон, всегда становились объектами идолопоклонства, принимавшего формы массового психоза. За них были готовы отдавать жизнь и с их именами на устах шли на гибель. Секрет гипнотического влияния вождей кроется не только в их умении владеть толпой, в их неистовой энергии и обаянии. Они покоряли и тем, что в них как бы воплощалась мощь стихийного, дочеловеческого мира. Они шли к своей цели, принося в жертву целые народы, — и побеждали. Это вызывало трепет, смешанный с обожанием, и породило демоническую мистику абсолютизма. Здесь источник культа авторитарных вождей всех времен. Для них массы были лишь средством, но именно эти массы, влекомые первобытным инстинктом, шли за ними, словно послушное стадо.

В 29 г. до Р.Х. появились уже первые храмы, посвященные гению здравствующего императора. Как всегда, Август действовал с оглядкой, прикидываясь, что уступает воле народа. Сначала алтари ему воздвигали не в Риме, а в восточных провинциях, где издавна привыкли к поклонению монархам. Прошло немного времени, и египетс-

Алтарь Мира Августа.

13—9 гг. до Р.Х. Реконструкция

Богоматерь.
Феофан Грек.
1405 г. Фрагмент.

кие жрецы услужливо обосновали теорию божественности цезаря. Даже в Иудее Ирод выстроил два храма богу Августу.

Но и тогда не все пали жертвой массового безумия: есть глухие намеки, указывающие на наличие оппозиции.

В самом деле, почему цезарю под конец жизни приходилось ссылать поэтов и конфисковывать неудобные ему книги? Для чего был издан закон против памфлетистов? Значит, кого-то уже начинали раздражать безудержные славословия.

ПРЕДДВЕРИЕ

Земная власть и тайна мессиянства Иудея, 37–7 гг. до Р.Х.

Как бы в ответ на эти притязания человекобога прозвучала иная песнь, которую слышали пастухи Вифлеема. Она звала всех, кто не поклонился

лжемессии, она возвещала о наступлении подлинного Царства Божия, о мире между землей и Небесами. По словам евангелистов, Иисус Христос родился «во дни царя Ирода» (см. Мф 2:1; Лк 1:5).

Это правление было ознаменовано последней в истории Израиля попыткой создать светскую монархию, попыткой, которая потерпела крах. Через тридцать лет после коронации Ирод, прозванный Великим, все еще жил в страхе и ожидал удара в спину.

Все свои незаурядные способности Ирод отдал тому, чтобы превзойти соседних властителей и доказать, что он заслуживает царского звания. Он восстанавливал города, строил крепости, дворцы, ипподромы. Его энергия и фантазия были неистощимы. Август признавал, что Ирод создан владеть всей Сирией и даже Египтом.

Надеясь снискать любовь набожных людей, царь приступил к осуществлению грандиозного проекта: полной реконструкции Храма. Никогда еще Дом Божий не достигал такого великолепия.

Красота столицы Ирода поражала не только паломников-иудеев, но и иностранцев, приезжавших в Иерусалим. Многие из них, например консул Агриппа и полководец Вителлий, приносили жертвы в Храме, где для язычников был отведен особый двор. Сам Август присылал в дар Храму драгоценные сосуды. Жители могли гордиться своим городом и его жемчужиной — Домом Господним.

Царю были, конечно, благодарны за его заботы, особенно в дни голода или когда он очищал дороги от грабителей. Но все же и его самого считали чем-то вроде разбойника, восседающего на престоле Давида.

Жизнь царского двора — а она ни для кого не была секретом — вызывала всеобщее отвращение. Вокруг Ирода день и ночь плелись интриги. Мысль о том, что его не считают достойным власти, стала у царя навязчивой и лишала его сна.

Чем мрачнее становилось царствование Ирода, тем крепче было упование.

Среди «чающих Утешения» евангелист Лука называет старца Симеона и пророчицу Анну; к

ним же, по-видимому, принадлежали священник Захария, его жена Элишева (Елизавета) и, наконец, юная Мариам из города Назарета.

Назарет был хорошо знаком первым христианам: многие посещали это тихое селение среди холмов, где, казалось, замерло само время. Назарет не слышал тяжелой поступи легионеров и пронзительных звуков фанфар. Только цикады звенели среди оливок и рожок пастуха сзывал на заре рассеявшееся стадо коз.

Немалый смысл заключен в том, что это забытое людьми место стало точкой пересечения неба и земли. Назарет напоминает об иных мерах великого, нежели те, к которым привыкла человеческая суетность. Как вселенское пламя созвездий и галактик зарождается в глубинах микромира, так и ось духовной истории прошла в те дни не через Рим, Александрию или Иеруса-

лим, а через неприметный поселок, окруженный виноградниками.

Маршировали когорты, вопила чернь в амфитеатрах; сенаторы и шуты, вакханки и поэты, торговцы и философы рукоплескали стареющему Августу. Бродил по своему дворцу сумрачный Ирод; спорили, склоняясь над свитками, иудейские книжники. Обитатели империи внимательно следили за финансовыми сделками и ристалищами. Мало кто из них слышал о далеком Назарете, и, конечно, никто не знал о доме, где скрытая от мира и открытая Богу душа пережила неизъяснимую Встречу. Между тем спустя века мысли миллионов людей будут прикованы к Ее бедной келье. Август и Ирод уйдут в прошлое, а Она пребудет вечной Спутницей человеческого рода.

«В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу именем Иосиф, из дома Давидова; имя же Деве: Мария».

(Лк 1:26–27)

Это как бы первая вспышка света, света Славы Божией. По преданию, она застала Деву у назаретского колодца. А затем наступает безмолвие, полное трепета и священного ужаса, охватившего Мариам.

«Она же была смущена этой речью и размышляла: что же это за приветствие?»

(Лк 1:29)

И тогда приходит вторая волна — весть об избранности и призвании:

«Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца».

(Лк 1:30–33)

Симеон Праведный.

Икона.

Середина XVI в.

В жизнь Мариам вошло Нездешнее. Сама Она не тотчас смогла вместить и осмыслить этот опыт; не раз еще будет охватывать Ее страх и изумление перед лицом свершившегося.

Тайна Иисуса неотделима от тайны Девы.

Дохристианский мир сделал все доступное человеку, чтобы постичь смысл жизни и обрести Бога. Отныне же ему явлен Сам Неизреченный, и явлен воистину божественным образом — без насилия над разумом и волей людей.

Отверженный и гонимый, «не имеющий, где преклонить голову» (см. Мф 8:20; Лк 9:58), Христос влечет к Себе лишь тех, кто свободно полюбил и принял Его, кто узнал Его под «обра-

зом раба» (Флп 2:6–7). Как белый цвет поглощает спектр, так и Евангелие объемлет веру пророков, буддистскую жажду спасения, динамизм Заратустры и человечность Конфуция. Оно освещает все лучшее, что было в этике античных философов и в мистике индийских мудрецов. При этом христианство — не новая доктрина, а Весть о реальном факте, о событии, совершившемся в двух планах — земном и небесном. Ограниченное местом и эпохой, оно выходит за пределы временного.

К нему сходятся все дороги, им измеряется и судится прошлое, настоящее и будущее.

VII. ИИСУС ХРИСТОС

Начало христианства

7 г. до Р.Х. — 30 г. по Р.Х.

ВВЕДЕНИЕ

Первые исторические свидетельства о христианах мы находим у римских историков Корнелия Тацита (55—120 гг.) и Светония (70—140 гг.). Тогда же о христианах писал римский чиновник Плиний Младший (61—113 гг.). Хотя эти свидетельства написаны в пренебрежительном и даже грубом тоне, они определенно указывают на то, что при Тибериусе был казнен Христос (ок. 30 г.), что «смутнение среди римских иудеев началось из-за некоего Христа» (ок. 50 г.) и что в 64 г. при Нероне и в 112 г. при Траяне были гонения на христианские общины, которые стали уже достаточно многочисленны, так что римское правительство было вынуждено обратить на них внимание.

Однако для того чтобы узнать о самом начальном периоде христианства, нам следует обратиться к источникам, написанным самими христи-

анами. Самые древние из них — Евангелия — повествования об Иисусе Христе, написанные в период от 40 до 90 г. по Р.Х. Именно из них мы узнаем о событиях, связанных с возникновением христианства, определившего не только культуру, но и весь облик современной цивилизации. Само

слово «евангелие» в переводе с греческого означает «радостная весть». Два из четырех канонических Евангелий были написаны учениками Иисуса Христа, а два других — учениками этих учеников. Евангелия входят в состав второй части Библии, называемой Новым Заветом.

«Есть книга, — написал незадолго до смерти Пушкин, — коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни... Сия книга называется

Поклонение волхвов.

Около 1410 г.

Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

Пролог

63–4 г. до Р.Х.

Весной 63 г. до Р.Х. на дорогах Палестины появились колонны римских солдат. Командовал армией сорокатрехлетний полководец Гней Помпей. Разгневанный коварной политикой правителей Палестины, Помпей быстрым маршем двигался на Иерусалим.

После трехмесячной осады была разрушена одна из башен храмовой цитадели, и римляне хлынули в ограду Храма. Пользуясь правом победителя, Помпей решил осмотреть знаменитый Иерусалимский храм, в том числе и Святое Святых, место, куда раз в год мог входить только иудейский первосвященник. В напряженной тишине отодвинулась завеса. Удивлению Помпея и его офицеров не было границ. Они ожидали увидеть нечто необыкновенное. Но там было пусто. Там обитало Незримое... Со странным чувством смущенные римляне покинули Храм, не прикоснувшись ни к чему.

В то время собственные древние верования и мифы стали вызывать у многих римлян насмешку. Религия теряла свое влияние, превращаясь лишь в гражданскую обязанность. Поэтому, познакомившись с религиями Востока, римляне жадно потянулись к ним. Окультизм, магия, астрология и ворожба находили множество последователей. Религия Израиля — иудаизм — была единственной, почитавшей не сказочных героев и обожествленные силы природы, а Единого Бога — Творца всего видимого и невидимого. Этот Бог говорил о Себе людям через сотворенный Им мир, а также открывался мудрецам и пророкам как Духовное Начало, предъявляющее человеку высокие нравственные требования. В иудаизме были строго запрещены любые изоб-

Город Назарет

ражения, кроме растительного орнамента. Одной из главных особенностей иудаизма была вера в то, что в определенное время Бог пошлет Своему народу Мессию-Избавителя, Который освободит народ от всякого зла и будет почитаем всеми другими народами земли. В последние десятилетия перед началом новой эры это ожидание распространилось по всей Римской империи.

ОТ ВИФЛЕЕМА ДО КАПЕРНАУМА

Рождение Иисуса Христа.

Назарет 7 г. до Р.Х. — 27 г. по Р.Х.

В современной хронологии тех или иных событий время обозначается числом лет, прошедших либо до начала «новой эры», либо после: «до н.э.», «н.э.». За начало новой эры было принято время Рождества Иисуса Христа. Такой порядок летосчисления был предложен в VI в. по Р.Х. и вскоре был принят всеми европейскими странами. До этого все страны Средиземноморья вели летосчисление от времени основания Рима. Так, само рождение Иисуса Христа, как полагали, произошло в 747 г. от основания Рима. Уже в нашем веке из сопоставления всех исторических сведений о событиях того времени было уста-

новлено, что рождение Иисуса Христа произошло ранее даты, принятой в VI в. Таким образом, в настоящее время можно утверждать, что Рождество Христово совершилось в 7—6 гг. «до Р.Х.».

Евангелия от Матфея и Луки содержат рассказ о рождении Иисуса во время правления царя Ирода. Два других Евангелия, от Марка и от Иоанна, начинают свое повествование с того времени, когда Иисус уже выходит на проповедь Своего учения. Ему было около 30 лет.

Царь Ирод Великий правил Иудеей с 37 г. до Р.Х. по 4 г. по Р.Х. Захватив власть при поддержке римлян против воли народа, он тщетно стремился завоевать у него популярность. Ирод развернул большое строительство; за тридцать три года его царствования страна получила автономию. Честолюбивый и жестокий, Ирод постоянно жил в атмосфере страха, опасаясь заговоров. Жертвами его подозрительности стали жена и двое сыновей.

В правление императора Августа ему было приказано провести перепись по всей Палестине. Каждому семейству надлежало для этого прийти

Поклонение волхвов.

Джотто.

Фреска. Около 1305 г.

Рождество Христово.

Икона.

Начало XV в. Фрагмент

в город, откуда родом был глава семьи. Так Иосиф и Мария оказались в Вифлееме, небольшом древнем городе, неподалеку от Иерусалима. Мария ждала ребенка. Из-за большого скопления людей невозможно было найти места в доме. Марии и Иосифу пришлось остановиться в пещере, служившей загонем для овец. Там Мария родила своего Сына — Иисуса. Местные пастухи — первые, кто увидел Младенца, — рассказывали о необыкновенных явлениях, которые привели их в пещеру.

Когда Мария пришла с Младенцем в Иерусалимский храм для выполнения очистительных обрядов, прозорливый старец Симеон предсказал ее Сыну великое будущее. Симеон благословил изумленных родителей и добавил, обращаясь к Марии: «Вот Он лежит на падение и на восстание многих в Израиле... Тебе же самой душу пройдет меч» (см. Лк 2:34—35).

А через два года с Востока в Иерусалим пришел небольшой караван. Мудрецы-астрологи, называемые волхвами, расспрашивали у всех, где находится родившийся Царь Иудейский, так как они видели на небосклоне новую необыкновенную звезду. По их мнению, она свидетельствовала о рождении в Иудее великого Царя, Которому они и пришли поклониться. Слух об этом дошел до Ирода. От первосвященников он узнал, что,

Избиение младенцев.
Скульптура Собора Нотр-Дам.
Париж. XIII в.

согласно пророчествам, это могло произойти в Вифлееме. Призвав к себе волхвов, Ирод узнал о времени появления звезды и повелел им разузнать все о Младенце и затем сообщить ему. Властолюбивый старик планировал уничтожить неожиданного соперника. Евангелие рассказывает, что после поклонения Младенцу Иисусу волхвы не возвратились к Ироду, а отошли в свою страну другим путем.

Разгневанный царь отдал безумный по жестокости приказ уничтожить в Вифлееме всех младенцев в возрасте до двух лет. Когда речь шла о власти, он не останавливался ни перед чем.

Однако Тот, Кого искали убийцы, был уже далеко от города. Семья Иосифа скрылась вскоре после ухода волхвов. Они отправились в Еги-

Источник в Назарете

пет — один из ближайших центров, где жили иудеи вне Палестины и где нередко спасались преследуемые Иродом.

Когда спустя несколько лет известие о смерти Ирода (4 г. по Р.Х.) достигло Египта, Иосиф вернулся на родину и поселился на севере Палестины, в небольшом городке *Назарете*, где жил с Марией прежде.

Как жила семья Иосифа в Назарете? Лишь Матфей и Лука очень немного рассказывают о детских годах Иисуса. Во всяком случае, Иисус с детства постоянно видел людей, заботливо охраняющих свои стада, виноградарей, подвязывающих лозы, сеятелей на весенних полях, жнецов с серпами, срезающих колосья. Позднее эти картины послужили образами для Его притч. Как и Иосиф, Иисус стал плотником. Иосиф умер, вероятно, когда Иисусу было около двадцати лет. Во время служения Иисуса Его называли «Сыном Марии», что означало, что Иосифа уже не было в живых.

Становление любой личности, а особенно необыкновенной, всегда загадка; тем более нам не дано проникнуть в тайну души Иисуса. Одно только кажется бесспорным: Он был свободен от внутренних конфликтов, которые с детских лет терзали человека. Вероятно, в свободные от труда часы Иисус, как и позднее, в годы проповедничества, любил уходить в уединенные места для молитвы. Там, на холмах Назарета, полный духовных и телесных сил, Он только ждал знака, чтобы бросить в мир первые семена Своей проповеди. И знак был подан.

Предтеча. Иисус в пустыне 27 г.

Однажды группа людей, состоящая из представителей духовенства и религиозных учителей, вышла из ворот Иерусалима и отправилась по дороге, ведущей к берегам Иордана. Предпринять это путешествие их побудил слух о молодом пустыльнике *Иоанне*, называвшем себя «голосом вестника».

Иоанн происходил из священнического сословия. Он рано остался без родителей. Весьма вероятно, что он был усыновлен ессеями,

Иоанн Предтеча.
Икона.
XV в. Фрагмент

которые нередко брали на воспитание сирот и, укрываясь в уединенных местах, вели аскетический образ жизни.

Иоанн также вел жизнь аскета. Он одевался в грубую пастушескую одежду из верблюжьей шерсти, не стриг волос, не пил вина. Его пищу составляли сушеная саранча и дикий мед. Когда ему исполнилось тридцать лет, он покинул пустыню, пришел в долину Иордана и начал свою проповедь. «Покайтесь, — говорил пророк, — ибо близко Царство Небесное!» (Мф 3:2). Его слова сразу же нашли широкий отклик. К реке толпами шли люди из окрестных городов и сел. Пророк говорил о Суде над миром, и, казалось, все вокруг Иоанна дышало предчувствием близости великих событий.

Символом вступления в мессианскую эру Иоанн избрал обряд погружения в воды Иордана. Подобно тому как вода омывает тело, так покаяние очищает душу. Иоанн требовал от людей

переоценки всей жизни, искреннего раскаяния. Перед омовением (греч. «баптизо», рус. «крещение») люди исповедовали свои грехи.

Чего же хотел Иоанн? По свидетельству иудейского историка Иосифа Флавия, Иоанн учил народ «вести чистый образ жизни, быть справедливыми друг к другу и благоговейными перед Богом». О себе Иоанн говорил, что он послан для того, чтобы приготовить народ к приходу Божьего Посланника — Мессии, а он, Иоанн, — Его Предтеча.

Слушая Иоанна, народ постоянно находился в ожидании. Многие знали, что Мессия долго будет оставаться неузнанным. Слова Иоанна: «Он стоит среди вас» (Ин 1:26) заставляли учащенно биться сердца. В это самое время на берегу среди толпы появился Человек из Назарета. Это была символическая встреча. Отшельник во власянице с изможденным лицом воплощал собой тернистый путь дохристианской религии, а новое откровение приносил Человек, Который внешне,

Христос в пустыне.
И.Н. Крамской.
1872 г.

казалось, ничем не отличался от любого простолюдина из Галилеи.

После крещения Иисус тотчас покинул берег Иордана и углубился в пустыню. Там, среди голых безжизненных холмов, Он провел в посте более месяца. По пути на север, в Галилею, Иисус на короткое время снова побывал в том месте, где проповедовал Иоанн. Когда Иоанн увидел Его, он сказал, обращаясь к окружавшим его людям: «Вот Агнец Божий, Который берет грех мира» (Ин 1:29). Слово «Агнец» напоминало о пророках, которых преследовали и убивали. Иоанн повторил свое свидетельство в кругу учеников, после чего Андрей и Иоанн стали искать встречи с Иисусом. Они пришли в дом, где Он остановился, и провели там весь день. На следующий день Андрей отыскал брата своего Симона-Петра и с восторгом заявил: «Мы нашли Мессию...». Поразительная весть быстро распространилась среди галилеян, которые пришли на Иордан. Скорее всего, эти простосердечные люди решили, что найденный ими Царь скрывается лишь до поры до времени, но придет час, и Он займет престол, а они, узнавшие Его, стяжают великую славу в мессианском Царстве. Итак, на север, в Галилею, Иисус пришел уже не один, а в сопровождении Своих приверженцев.

Галилея. Первые ученики Весна 27 г.

Вначале могло показаться, что проповедь Иисуса была лишь продолжением миссии Иоанна Крестителя. Оба говорили о близости Царства Божьего, оба звали народ к покаянию и приняли в качестве обряда водное омовение — крещение. Но в отличие от Иоанна, Иисус Сам шел на встречу людям. Он обходил города и селения. По субботам Его речь звучала в молитвенных домах, а в остальные дни — под открытым небом. Иной раз толпа была настолько велика, что Иисус садился в лодку и оттуда обращался к расположившему на берегу народу.

Живя в Галилее, Учитель неизменно вставал рано и встречал восход, уединившись в горах. День Иисуса был заполнен напряженным трудом: до самой темноты за Ним по пятам следовали больные, ожидая облегчения недугов, уверовавшие жадно ловили Его слова, скептики задавали каверзные вопросы или вступали с Ним в споры, книжники требовали разъяснения трудных мест в Библии. Порой Иисусу и Его ученикам некогда было и поесть. Однако в Евангелиях только дважды говорится, что Учитель сильно устал. Обычно же мы видим Его неутомимым и пол-

ным энергии. «Моя пища, — говорил Он, — есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин 4:34).

Глубоко человеческим рисуют Христа евангелисты. Он скорбит, удивляется, радуется, обнимает детей, любит цветы. Речь Его дышит снисходительностью к слабостям человека, но Своих требований Он никогда не смягчает. Он говорит с нежностью и добротой, но может быть строг и даже резок. Обычно кроткий и терпеливый, Иисус беспощаден к ханжам. Тем не менее внутренний разлад Ему чужд. Он всегда остается Самим Собой. Иисус далек от болезненной экзальтации, от испуганного фанатизма, свойственного многим подвижникам и основателям религий. Просветленная трезвость — одна из главных черт Его характера.

Писателям никогда не удавалось создать убедительный образ героя, если портрет его не оттенялся недостатками. Исключение составляют еван-

гелисты, и не потому, что они были непревзойденными мастерами, а потому, что изображали непревзойденную Личность. Иисус не отворачивался от мира, не прятал от него сокровищ духа, а щедро отдавал их людям. «Когда, — говорил Он, — зажигают светильник, не ставят его под сосуд, но на подсвечник, и светит всем в доме» (см. Мф 5:15; Мк 4:21; Лк 8:16; 11:33).

Нередко слова Его звучали величественным речитативом, напоминая гимны древних пророков. Он часто говорил афоризмами, ставил вопросы, не пренебрегая и логическими доводами. Особенно любил Иисус примеры из повседневной жизни — *притчи*. В них наиболее полно запечатлелось Его учение. Рисуя перед людьми знакомые картины природы и быта, Иисус нередко предоставлял слушателям самим делать выводы из Его рассказов. Так, избегая абстрактных слов о человеческом братстве, Он приводит случаи, когда пострадавший от разбойников иудей

Искушение Спасителя

диаволом.

Г. Доре.

Гравюра

183

превзойден-
оказали не-
отворачи-
ш духа, а
урд Он,
сосуд,
м. Мф

ным
ро-
п-

на. Подоб-
сь дей-
ели Иисуса
адеяло ры-
- Симону. Иисус
ь, что по-гречески
еником был Андрей,
других ученика, братья
были рыбаками. В Ка-
гможня. Посетив ее, Иисус
ика налогов — мытаря Мат-
у. «Следуй за Мной». Матфей
нася к ученикам Иисуса. Позднее
вероятно, первым начал записывать
ста. Кроме этих пяти учеников, среди
исцев Иисуса были и другие, все они
казан из Галилеи. Южанином был только
сиди города Кернота¹ Иуда. Именно ему
ручил Иисус хранение средств общины. Тем

Гора Искушения

самым Он, быть может, хотел подчеркнуть Свое доверие Иуде.

Имя этого человека стало символом низости и вероломства. Однако сомнительно, чтобы Христос желал приблизить к Себе морального уродца, существо, нравственно безнадежное. Драма Иуды была связана с потерей веры в Учителя, разочарование породило в нем чувство озлобленности и толкнуло на предательский шаг. Во всяком случае, считать, что Иудой руководила только алчность, — значит неправомерно упрощать евангельскую трагедию.

¹ В литературе встречаются также написания *Кириот* или *Кариот*.

Благая Весть

Иисус Христос называл Свое учение Радостной, или Благой, Вестью (греч. *Евангелие*). Он принес миру не новые философские доктрины и не познание тайн потустороннего. Он в корне изменил само отношение людей к Богу. Благая Весть Иисуса говорит о высшем призвании человека и о радости, которую дарует ему единение с Творцом. Неисчерпаемое богатство Евангелия вкратце обрисовать нелегко, поэтому мы остановимся лишь на главном.

Небесный Отец и Богосыновство. Проповедь Иисуса обращена не к «массам», не к безликому муравейнику, а к каждой отдельной личности. В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов. В каждом человеке заключен целый мир, бесконечно ценный в глазах Божиих. «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не покидает девяносто девяти в пустыне и не идет за пропавшей, доколе не найдет ее?.. Говорю вам, что так на небесах радость будет больше об одном грешнике кающемся, чем о девяносто девяти праведниках, которые не нуждаются в покаянии» (см. Мф 18:12–14; Лк 15:4–7).

Из всех имен, которыми в Писании называется Творец, Иисус предпочитает слово *Отец*. От Христа люди узнают, что с Создателем Вселенной можно говорить один на один, как с любящим Отцом, Который ждет ответной любви. Ни

вое

низости
Хри-
Урода,
Иуды
разоча-
ленности
слу-
алч-
еван-

ириот

й,
и-
не
з-
гь
и
э-
г-
ся

э-
т-
э-
я,
э.
н-
я
н-
и,
а
е
и,
р
-
г
-
-
т

Проповедь Иисуса.
Г. Доре.
Гравюра

храмовое действие, ни даже совместная молитва не могут заменить общения с Богом наедине, сокровенной беседы с Отцом. В единственной молитве, которую дал Иисус ученикам, Он учит молиться простыми словами с любовью и доверием (см. Мф 6:9—13; Лк 11:2—4).

ОТЧЕ НАШ, КОТОРЫЙ НА НЕБЕСАХ!

Мы дети Твои, и у Тебя наша отчизна.

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ. Пусть пребудет в нас благоговение к Твоей священной тайне.

ДА ПРИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ, ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ И НА ЗЕМЛЕ, КАК НА НЕБЕ. Мы ждем, чтобы Ты воцарился во всем Своем Творении, чтобы исполнился Твой замысел и Ты один стал нашим Царем и Господом.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЙ НАМ СЕГОДНЯ. Поддержи нашу жизнь сейчас, ибо мы верим, что о завтрашнем дне Ты позаботишься.

И ПРОСТИ НАМ ДОЛГИ НАШИ, КАК И МЫ ПРОСТИЛИ ДОЛЖНИКАМ НАШИМ. Сыновний долг, который мы так плохо платим Тебе, есть ответная любовь. Научи нас любить и прощать друг друга, как Ты любишь и прощаешь нас.

И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ, НО ИЗБАВЬ НАС ОТ ЛУКАВОГО. Огради нас от зла, идущего извне и от нас самих.

ИБО ТВОЕ ЕСТЬ ЦАРСТВО И СИЛА И СЛАВА ВОВЕКИ. АМИНЬ.

Заметим, что на первое место в этой молитве ставятся не человеческие желания, а воля Господа. Обращаясь к Нему, люди не должны искать только своего. В Евангелии проблема зла — практическая проблема, жизненная задача.

Заповедь любви. Зло, с которым человек соприкасается теснее всего, живет в нем самом: склонность к насилию, слепая мятежность, ищущая

Похоронная процессия

щая самоутверждения за чужой счет и безграничного простора инстинктам. Это зло питается ощущением собственного «я» как единственного центра, имеющего ценность. Растворение «я» в стихии общества, в коллективе, казалось бы, ограничивает бунт индивида, но при этом нивелирует, стирает личность. Выход из тупика — в библейской заповеди, данной еще в Ветхом Завете, задолго до Иисуса Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Лев 19:18; Мф 5:43; 19:19; 22:39; Мк 12:31; Лк 10:27). Она призывает к борьбе против эгоистических начал, к признанию ценности другого «я». Заповедь любви к ближнему конкретизируется Иисусом в простом правиле: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, поступайте и вы с ними» (Мф 7:12; Лк 6:31).

Евангелие — это не формальная схема «добротетели», которая сводится к одним запретам. Блаженный Августин, живший в IV в. по Р.Х.,

писал: «Люби Бога и поступай как хочешь», то есть отношение к людям должно органично вытекать из веры. Познавший Бога не может не любить Его творение.

А как должны поступать ученики Христовы, если сталкиваются с проступками других людей? При виде слабостей ближнего человек должен не выносить ему приговор, а сострадать, памятуя о собственной греховности. «Не судите, — предостерегает Иисус, — чтобы и вы не были судимы, ибо каким судом судите и какою мерою мерите, так будет отмерено и вам» (Мф 7:2; Мк 4:24; Лк 6:38).

Приближая к Себе грешников, Иисус хотел пробудить в них раскаяние и жажду новой жизни. Нередко Его доброта и доверие совершали подлинные чудеса.

Старое и новое. Для людей, слушающих Иисуса, было важно решить, как соотносится Его учение с древним Моисеевым Законом. Религиозные учителя Израиля времен Иисуса, фарисеи и книжники, часто прибавляли к Закону сотни мелких правил. Иисус, напротив, возвращал Ветхий Завет к его истокам — к Десяти заповедям Синая, подлинному Моисееву наследию, сохраненному пророками. Иисус углубляет и дополняет этические требования Закона. Если Закон воспрещал убийство, то Иисус призывает изгонять из сердца ненависть — корень преступления. Если Закон осуждал нарушение верности в браке, то Иисус говорит об опасности порочных чувств. Если Закон требовал соблюдения клятвы, то Иисус вообще считает ее излишней: «Да будет слово ваше да, да; нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого» (Мф 5:37).

Людям свойственно ненавидеть врагов, но ученики Иисуса Христа должны побеждать зло добром. Им следует бороться с мстительными чувствами. Мало того, они должны делать добро своим обидчикам. «Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных... Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:45; 5:48). Вот захватывающая дух высота, куда Иисус призывает человека.

Еще в самом начале Своего служения Иисус утвердил новое отношение к женщине.

Для Сократа женщина была лишь тупым, назойливым существом. Будда не разрешал своим последователям даже смотреть на женщин. В дохристианском мире женщины чаще всего оставались молчаливыми рабынями, жизнь которых была ограничена изнурительным трудом и домашними заботами. Не случайно в одной из иудейских молитв были слова: «Благодарю Тебя, Боже, что Ты не создал меня женщиной...» Христос возвращает женщине отнятое у нее человеческое достоинство и право иметь духовные запросы. Отныне место ее не только у семейного очага. Поэтому среди ближайших последователей Иисуса мы видим немало учениц.

Впоследствии, когда настал час испытаний, первые женщины-христианки не покинули Господа, как другие Его ученики. Женщины были на Голгофе в момент Его смерти, проводили Учителя до места погребения, им первым была открыта Пасхальная тайна.

Евангелие разрушило преграды, разделяющие людей. Каждый, становящийся христианином, приобретает как бы второе гражданство, входит в народ, в котором «нет ни эллина, ни иудея... но все и во всем Христос» (Гал 3:28; Кол 3:11).

Земная жизнь и жизнь вечная. Уверенность в том, что существует иная жизнь, которая продолжается и после распада тела, жила в сознании людей с глубокой древности. Платон, например, утверждал, что наш земной путь есть лишь прелюдия вечности.

Ветхозаветная религия в этом отношении представляла собой исключение. Очень долго она не находила ответа на вопрос о посмертной участи человека. В Ветхом Завете было создано представление о *Шеоле*, сумрачном царстве мертвых, Преисподней. Настоящее же «продолжение жизни» видели главным образом в потмоках. Только в IV в. до Р.Х. Израиль услышал благовестие о вечной жизни. Но не «бессмертие души» открылось ему, а грядущее возрождение, воскресение всего человека — новое небо и новая земля, где будет царствовать правда и все злое будет побеждено.

Дьявол, пожирающий душу человека.

Скульптура. Франция.

XII в.

Иисус Христос полностью подтвердил веру в воскресение мертвых. Однако, постоянно указывая на реальность «будущего века», Он не проповедовал отвлеченного спиритуализма, для которого земная жизнь — призрак.

Евангелие учит не только о потустороннем, но и о том, как нам должно жить сегодня. Бессмертие, воскресение, Царство Божие, о которых говорит Евангелие, неотделимы от того, что совершается в этом мире. Если человек станет пренебрегать своим земным служением, это будет изменой его призванию. С другой стороны, тех, кто все силы отдает только материальному, ждет неминуемая катастрофа. Жизнь коротка и может оборваться в любой момент. И в любой момент человек может быть спрошен о том, как он прожил свою жизнь, на что употребил он данные ему способности и таланты.

Базарный день в Иерусалиме

Иисус призывал Своих последователей: «Не собирайте себе сокровища на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19–20).

Во времена пророков вокруг них группировались люди, которые называли себя «духовными бедняками». Они не были нищими в обычном смысле этого слова, но праведниками, желавшими освобождения от суетности и стяжательства. Такими же, по словам Иисуса, должны быть и Его ученики: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:3). «Нищие духом» — избравшие добровольную бедность, чтобы стяжать благодатные дары духовные, — нищие ради духа.

Царство Божие. Что же такое Царство Божие, Весть о котором занимает столь важное место в проповеди Иисуса? В иудаизме это понятие нередко связывали с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле. Пророки же верили, что воцарение Бога прежде всего изгонит всякое зло и преобразит Вселенную. В апокалиптической литературе, поведовавшей о конце истории, переплетались оба

воззрения. Но то, что начало Царству положит приход Мессии, было общим чаянием почти всех иудеев.

Иисус говорит о Царствии Божием, иногда называя его также Царством Небесным, как о Своем Царстве, Своем господстве в мире и в сердцах людей. Царство Божие «не от мира сего» (Ин 18:36), оно выше всего преходящего. Сокрушая власть зла, оно несет на землю законы Неба. Эту духовную реальность нельзя ставить в один ряд с каким-либо земным счастьем. Земное счастье хрупко, немного нужно, чтобы развеять его. Царство Божие — это жизнь в правде Божией, именно такая жизнь приносит человеку наивысшее удовлетворение и счастье. Царство Божие наследуют миротворцы и сострадательные, чистые сердцем и гонимые за правду. Там утешатся плачущие, обогатятся «нищие ради духа», насытятся алчущие Истины.

Таким образом, Благая Весть Иисуса Христа есть весть о спасении от духовной смерти, о приобщении мира к Божественной жизни как высшей его цели. Это Царство уже приходит в наш мир, если в душах людей *воцаряется* Господь. Оно приносит вступающим в него не забвенье, а светлое, радостное чувство близости Отца Небесного.

«А Я говорю вам...» Возможно ли, возможно ли для людей то, к чему зовет Евангелие? Ведь человек, даже полюбив идеал, часто не находит в себе сил подняться до него. Другое могучее притяжение владеет им, пригибая к земле: человек стремится к богатству, носит на шее камень заботы, проводит отпущенное ему драгоценное время жизни, погрязая в мелочах.

Кто же может проложить путь к Царству? Кто подведет к нему человека?

Но вот люди слышат слово Иисуса Назарянина: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них...» (Мф 18:20). Значит, Он — Мессия? Долгожданный Утешитель Израиля? Все видели, что Иисус проповедует «как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф 7:29; Мк 1:22). Как понимать Его слова: «А Я говорю

вам...»? Иисус не только Пастырь; Он — Дверь, Врата, через которые входят овцы. Так учил Он о Себе Самом.

Он — Посредник, соединяющий Небо и землю. «Никто, — говорит Иисус, — не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин 14:6). Но почему же тогда Он действует столь осторожно, почему скрывает от народа Свой сан, запрещает называть Себя Мессией?

МЕССИЯ

«Не мир, но меч»

Весна 28 г.

«Жизнь Иисуса, — говорит Гилберт К. Честертон, — стремительна, как молния. Это прежде всего драма, прежде всего — осуществление». Действительно, ученики не могли не чувствовать, что у Иисуса есть некий план, подобно далеко идущему плану полководца. Он требовал от них решимости стоять до конца. Его Евангелие не имело ничего общего с мечтательным благодушием и расслабленностью.

Бой с царством зла будет нелегким. Против Мессии восстанут все грехи и предрассудки, укоренившиеся в людях. Целеустремленность Иисуса одновременно пленяла и страшила учеников. Впрочем, Его слова они истолковывали по-своему, думая, что Учитель намекает на революционный взрыв, за которым последует Его коронация в Иерусалиме. И когда Иисус направился туда на Пасху, они решили, что настанет день, когда Царствие Божие будет «взято силой» (Мф 11:12).

Иерусалим в те годы был под властью посланца Римского императора — прокуратора Понтия Пилата. Его жестокость, алчность и самодурство были известны повсюду. Инциденты, вызванные беззакониями прокуратора, не раз кончались массовой резней. Каждую Пасху правитель ждал восстания и потому на праздник каждый раз приезжал из своей резиденции, Кесарии, в Иерусалим, где мог лично следить за порядком. Опасения Пилата были вполне основательны. Он располагал небольшим войском в три тысячи человек, а националисты-зелоты и их сторонники

только ждали вождя, который поднял бы народ против римлян.

По-видимому, ученики Иисуса втайне хотели, чтобы именно Он стал этим вождем. Однако Учитель, казалось, полностью игнорировал проблему чужеземного владычества. Его тревожило не политическое, а духовное состояние народа. Появившись в Иерусалимском храме, новый Учитель сразу привел всех в замешательство. Свив из веревок бич, Он выгоняет за ограду Храма овец и волов, предназначенных на продажу для жертвоприношения. Он властно требует покончить с бесчинством вблизи святыни: «Не превращайте дома Отца Моего в дом торговли!» (см. Ин 2:16).

Первый визит в Иерусалим закончился лишь столкновением с религиозными вождями. Когда Иисус толковал Закон в духе учения пророков, книжники обвиняли Его в покушении на «предания старцев». Когда Он говорил, что милосердие угоднее Богу, чем обряды, в глазах фарисеев это был подрыв всей системы ритуалов благочестивой жизни.

Может показаться странной такая слепая преданность букве и форме. Однако нужно учитывать, что обрядоверие — упорный недуг, коренящийся в глубине человеческой психики. Потому-то в истории бушевало столько страстей вокруг ритуалов и было пролито столько крови из-за разногласий в религиозных церемониях. Сходная болезнь, подобная навязчивому неврозу, поражала нередко и христиан, которые забывали, что для Христа любовь к Богу и людям несравненно выше любых внешних предписаний.

Приверженцы буквы, ритуала и старины во все времена отличались косностью. Драма фарисеев связана с типичным проявлением того, что впоследствии стали называть «фарисейством». Иерусалимские старейшины, как брахманы Индии или русские староверы, жили в постоянном страхе «осквернения». Про них говорили, что они готовы «очистить само солнце». Но, думая своей набожностью приблизить времена Мессии, вожди Израиля, сами того не сознавая, отвернулись от Того, Кто принес им Весть о спасении.

С тех пор Иисус еще не раз посетит Иерусалим, но признан там не будет. В его общину

войдут преимущественно галилеяне, жители северной части Палестины, а жителям юга Он останется чужд.

Знаки присутствия Царства Мессии Весна-лето 28 г.

Авторы Евангелий свидетельствуют, что народ «дивился» учению Иисуса; но не меньшее впечатление производила Его сила, побеждающая стихии и недуги. О Нем рассказывали в первую очередь как о Чудотворце. Впоследствии и христиане нередко готовы были видеть в чудесах главное доказательство сверхчеловеческой природы Иисуса. Однако Сам Он отклонял подобную мысль. Иисус давал понять, что власть над природой входит в замысел Божий о человеке. Если человек достигает единения с Духом, для него нет ничего невозможного. В чудесах открывается глубина вещей, иное измерение, где преодолены законы тленного мира и царствует свобода. Когда люди соприкасаются с этим измерением, то, по слову Христа, их «достигло Царство Божие» (Мф 12:28).

Тот, кто хочет доказать, что явления, называемые чудесами, немислимы, не учитывает, как мало еще известно о тайнах бытия. Но почему даже люди, которые склонны верить самым удивительным сообщениям о йогах, рассказы Нового Завета воспринимают скептически? На это есть духовная причина. Принятие Евангелия требует внутреннего выбора, перемены всех жизненных установок.

Иисус нередко указывал на тесную связь между состоянием тела и души. Исцелив паралитика, Он предупредил его: «Вот, ты выздоровел; не грешь больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин 5:14).

В ту бурную переломную эпоху широкое распространение получили психические болезни. Если Ветхий Завет почти не знает их, то Евангелия наводят на мысль о какой-то эпидемии душевных недугов. Особенно страшен был загадочный вид безумия — одержимость, или беснование. Больной кричал неестественным голосом, говорил от лица бесов, живущих в нем, уверяя иногда, что в нем живет целая армия демонов. Христос одним

Своим присутствием поразительно действовал на этих несчастных; иной раз достаточно было одного Его властного слова или прикосновения, — и душа освобождалась от владевших ею темных сил.

Слух об исцелениях в Галилее с самого начала стал вызывать беспокойство у иерусалимских блюстителей Закона. Когда Учитель во второй раз посетил Иерусалим, Своими поступками и речами Он вызвал еще большее негодование. На этот раз Он уже открыто возвестил, что чудеса есть знак Его Высшего посланничества. Жизнь и благословение исходят от Бога, поэтому и Тот, Кто послан Им на землю, призван исцелять и давать жизнь.

Этих речей правоверные уже не могли стерпеть. Мало того, что Назарянин нарушает Закон, Он еще и называет Себя Сыном Божиим. Книжники обступили Его и потребовали, чтобы Он дал такое «знамение с неба» (см. Мф 12:38; 16:1; Ин 2:18), которое убедило бы всех. Но Иисус отверг это требование. «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения, — сказал Он, — и знамение не дается ему, кроме знамения Ионы пророка» (Мф 12:39). В этих словах содержался намек на события, о которых рассказано в ветхозаветной Книге пророка Ионы. Проповедь Ионы среди жителей ассирийской столицы Ниневии имела своим результатом раскаяние ниневитян, наказание Божие было отменено, и город был спасен от неминуемой гибели. Смысл слов Иисуса в том, что сама Его проповедь есть знамение, то есть знак призыва Бога, обращенного к людям. Для тех, кто этого не видит, будут бесполезны и любые другие знаки любви Божией.

Двенадцать учеников. Смерть Иоанна Крестителя

Осень 28 г. — весна 29 г.

Если не считать коротких путешествий в Иудею, Иисус в течение года не покидал Галилеи. Но уже с самого начала Иисус готовил учеников к мысли о более широкой проповеди Евангелия. Для этой цели и были избраны Двенадцать. Иисус назвал их посланниками, по-гречески — «апостолами». Каждый их день и каждый шаг

Четыре апостола.

А. Дюрер.

Диптих. 1526 г.

отныне будут принадлежать только Богу и людям. Они пойдут к страждущим, неся им духовное и телесное исцеление. Кров и хлеб они получают от тех, кто примет их как посланцев Иисуса Христа.

Когда Двенадцать, разделившись по двое, ушли в соседние города, Иисус остался один. А вскоре Ему сообщили о гибели Иоанна Крестителя. Ирод Антипа, властитель северной части Палестины, вступил в брак с женой своего брата Иродиадой. Для этого Ироду пришлось развестись со своей первой женой, дочерью союзного набатейского царя, что вызвало разрыв дипломатических отношений с Набатеей. В самой Иудее поступок Ирода вызвал единодушное осуждение.

Иоанн Креститель, еще будучи на свободе, открыто высказывался против этого кровосмесительного брака. Он не переставал упрекать Ирода и после того, как тот заточил его в крепость. Поэтому узник продолжал быть опасным для Иродиады. В день рождения Ирода, когда пир был в разгаре, Саломея, дочь Иродиады, к неописуемому восторгу всех гостей, исполнила зажигательный сирийский танец. «Проси у меня, что хочешь!» — кричал пьяный царь. Саломея, по совету матери, потребовала: «Подай мне сейчас же на блюде... голову Иоанна Крестителя». Лицо Антипы помрачнело. Однако, желая сдержать слово, данное при гостях, он приказал телохрани-

телю спуститься в темницу. Скоро тот вернулся с окровавленной головой Иоанна в руках. Ее положили на блюдо, а Саломея отнесла страшный дар матери.

Так погиб предшественник, Предтеча Иисуса. Ему было немногим более тридцати лет. Но он умер, как жил, — несгибаемым свидетелем правды Божией.

С тех пор Ирода Антипу стал преследовать страх. Услышав об Иисусе, он уверял окружающих, что это восстал из мертвых казненный им праведник.

Тайна Иисуса

Лето-осень 29 г.

Однажды после молитвы Иисус обратился к Двенадцати с вопросом: «За кого почитают Меня люди?». «Одни за Иоанна Крестителя, — отвечали они, — другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков». «А вы за кого Меня почитаете?» От лица всех ответил Симон-Петр: «Ты — Мессия (греч. — Христос), Сын Бога Живого!». «Блажен ты, Симон, — торжественно проговорил Иисус, — потому что не плоть и кровь (т.е. не человеческая природа) открыли тебе это, а Отец Мой, Который на небесах. И Я говорю тебе: Ты — скала (греч. «петрос»), и на скале этой построю Мою Церковь, и врата адовы не одолеют ее» (см. Мф 16:13–18).

Вопрос Иисуса: «За кого почитают Меня люди?» — звучит и сегодня; и сегодня многие готовы видеть в Нем только пророка или учителя нравственности. Но в чем же тогда заключалась неповторимая притягательность Иисуса Христа? Только ли в Его моральной доктрине? Ведь возвышенную этику предлагали и Будда, и Соократ, и Сенека.

Здесь мы вступаем в область наиболее таинственного и решающего во всем Новом Завете. Здесь внезапно разверзается пропасть между Иисусом Христом и всеми философами, моралистами, основателями религий. Любой из них осознавал себя всего лишь человеком, обретшим истину и призванным возвещать ее. Они ясно видели дистанцию, отделявшую их от Вечного. А Иисус? Со спокойной уверенностью этот Учитель, чуж-

дый фальши и экзальтации, провозглашает Себя Единственным Сыном Божиим. Он говорит не как пророк от имени Сущего, а как Сам Сущий.

Чтобы лучше понять суть исповедания Петра: «Ты — Христос, Сын Бога Живого», — следует вернуться к далекому прошлому.

Согласно Библии мир уже давно пребывает в состоянии упадка и нуждается в исцелении. Осознание несовершенства мира привело к развитию «учений о спасении»¹. Их можно свести к трем типам. Для одних (Платон) выход заключается в лучшей организации общества. Для других (Будда) — в мистическом созерцании и бегстве от жизни. Третий путь был открыт в Израиле и Иране. Там существовала уверенность, что зло одолимо, что в грядущем наступит преобразование, которое есть высшая цель жизни человека.

Писание изображает духовную катастрофу, поразившую мир, в рассказе о грехопадении первых людей, которые пожелали властвовать над миром *независимо* от их Создателя, иными словами, «быть, как боги». Грех уничтожил или ослабил многие дарования человека, он распространился, как эпидемия, всюду пуская свои ядовитые корни.

Центральное благовестие Библии заключено в том, что Бог не покинул падшего мира. Он призывал праведников, которые среди тьмы и безумия сохраняли верность Ему. Они знали, что наступит день, когда падет преграда, отделившая мир от Бога. Создатель мира Сам войдет в мир, станет явным и близким людям. Предварит же вселенский переворот явление Мессии-Христа. Но когда пророки пытались описать явление Мессии-Спасителя, то Он рисовался большинству из них в образе могучего триумфатора. Лишь немногие изображали Его без внешнего блеска.

Иисус открыл, что Богоявление совершилось в Нем Самом, что именно Он есть обещанный Мессия. Безмерное и Всеобъемлющее обрело человеческий лик и голос в Плотнике из Назарета, «Сыне Бога Живого».

Он проходил по земле, не подавляя людей силой Своего могущества, сохранив неприкосновенной человеческую свободу. Не рабов, а сынов искал Иисус, братьев, которые *бескорыстно* по-

любят Его и пойдут за Ним. Если бы Мессия явился «во славе», если бы никто не смог отвернуться от Него, это было бы принуждением.

Камнем преткновения явилось и то, что проповедь Иисуса не была одобрена официальными церковными властями. Наставники и иерархи ветхозаветной Церкви остались глухи к Евангелию. Они оказались в плену традиции, данной, по их мнению, раз и навсегда. Они не допускали сомнений в своей непогрешимости, а в результате стали врагами дела Божия. Сам факт приговора, вынесенного Христу религиозными вождями Израиля, — величайшая трагедия человечества.

В христианском богословии учение о спасении называют сотериологией (от греч. Сотер — Спаситель).

НАВСТРЕЧУ ГОЛГОФЕ

Много званых — мало избранных
Сентябрь-декабрь 29 г.

Чудеса, творимые Иисусом, Его смелая проповедь, само обаяние Его Личности привлекали к Нему множество народа. В Евангелиях имеется даже несколько указаний на то, что люди хотели сделать Его царем. Но Иисус пришел не для того, чтобы установить земное царство, основанное на внешнем могуществе, а для того, чтобы открыть сердца людей Богу, добру. Этим объяснялась холодность Иисуса к шумным проявлениям народного восторга. Массовый энтузиазм вспыхивает легко и легко делает своей добычей тех, кто жаждет подчинения и ищет кумиров. Не таковы должны быть дети Его Царства. Христос ждал от каждого духовного и нравственного подвига.

Отказ Иисуса идти навстречу страстям толпы и согласиться на роль популистского вождя, по видимому, вызвал упадок Его влияния в Галилее. Было ясно, что чья-то рука направляет против Него людей. Его уже не допускали, как прежде, свободно проповедовать в синагогах. Иисус был вынужден навсегда покинуть Капернаум. В Назарет путь Ему был также закрыт. Кольцо быстро сжималось. Осенью Иисус идет в Иерусалим на праздник Кущей, но не явно, а как бы тайно.

Праздник длился уже четыре дня и был в самом разгаре. Неустанно звучала музыка, трубили трубы, перекрывая людской гомон; над жертвенниками, Храма поднимались клубы дыма от сжигаемых приношений. Отмечался конец жатвы, народ веселился и пел, пировал и молился. Все свободные места в Иерусалиме были усеяны шатрами, наскоро сооруженными из веток. Рядом стояли верблюды, повозки и мулы. Во время праздника вспоминалось также то время, когда народ скитался по пустыне и жил в шатрах (церк. слав. «кущах»).

Внезапно внимание присутствующих привлек спор, который вели книжники в одном из углов галереи. Всех поразил неизвестный человек с галилейским выговором. «Не Тот ли это, Кого ищут убить?» — догадывались иерусалимляне. Но почему Он действует открыто?

«Если пребудете в Слове Моем, — учил Иисус, — то вы воистину Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными! (Ин 8:31–32). Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин 8:34). По видимому, людей, которые признали в Иисусе посланца Божия, нашлось немало, и это предотвратило покушение на Него в праздник Кущей. Исцеление слепого от рождения человека поколебало и некоторых фарисеев. То, что этот странный Учитель обладал такой силой, не могло быть случайностью. Но, упоенные чувством собственного превосходства, эти люди не могли распознать Живую Истину, пришедшую к ним в лице Иисуса Назарянина.

До середины декабря Иисус беспрепятственно приходил в Храм, окруженный толпой учеников. Ночи Он проводил у своих друзей в селении Вифании в окрестностях Иерусалима, а днем проповедовал в притворе Соломоновом. Однако в праздник Хануки произошло новое столкновение. В этот день праздновали победу восстания Маккавеев над язычниками. Героические подвиги прошлого давали пищу мечтам о могучем вожде, который опрокинет власть римлян. Толпа ожидала от Иисуса решительных политических действий. Вместо этого Иисус говорил: «Вы не верите, ибо вы не из овец Моих (Ин 10:26)...

Вифания. Могила Лазаря

Я и Отец — одно» (Ин 10:30). Ропот ужаса прошел по толпе. Он делает Себя Сыном Божиим! Нужно немедленно покарать Его за богохульство. На этот раз Иисус лишь чудом избежал смерти.

Час близится

Декабрь 29 г. — 2 апреля 30 г.

До Пасхи оставалось около трех месяцев, но жить вблизи столицы Иисус уже не мог. Он ушел на время зимних дождей в Заорданье. Учитель и ученики находились за Иорданом в сравнительной безопасности.

Весной пришло известие, что опасен болен Лазарь, брат Марфы и Марии. В доме этих людей в Вифании Иисус нередко останавливался, когда бывал в Иерусалиме. Потребовалось не более двух дней, чтобы достигнуть Вифании. Иисус еще не вошел в селение, как навстречу Ему выбежала Марфа. «Господи, — плача говорила она, — если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». «Где похоронили его?» — спросил Иисус. Люди повели Его к склепу, заваленному по обычаю каменной плитой.

«Отвалите камень», — приказал Учитель. Вход в пещеру открыли, Иисус поднял глаза к небу и погрузился в молитву... «Лазарь, выходи!» — воскликнул Иисус, и голос Его, словно удар грома, отозвался в иных мирах. Когда у порога пещеры показался умерший, закутанный в погребальный саван, люди в ужасе попятнулись. «Развяжите его и пустите идти» — сказал Иисус в наступившей тишине (см. Ин 11).

В этом событии Иисус показал ученикам Свою власть над жизнью и смертью. Воскрешение Лазаря должно было подготовить их к Пасхальной Тайне.

Однако нашлись люди, которые сочли своим долгом донести о происшедшем в Синадрион. Немедленно был созван совет высшего иудейского духовенства. Саддукеи, правящая священническая аристократия, опасались, что движение вокруг Назарейского Учителя перерастет в мятеж и вызовет карательный поход римлян. Иосиф Кайафа, первосвященник, заявил, что «ажемессию» следует устранить без колебаний. Лучше смерть одного человека, чем бедствие, которое обрушится на весь народ. Повидимому, дело отложили, узнав, что Иисус покинул деревню.

Могила Лазаря

Воскрешение Лазаря.

Джотто.

Около 1305 г. Фреска

Дней за десять до Пасхи Иисус объявил ученикам, что намерен прибыть в Иерусалим раньше праздника. В путь собрались быстро и шли почти не останавливаясь. Иисус словно спешил навстречу смерти. Дорога вилась среди холмов. Кое-где стали появляться люди, направляющиеся в Иерусалим. Постепенно Иисус оказался во главе большой толпы богомольцев. Многие узнавали Его и радостно приветствовали. А иные приближались и просили принять их в число учеников.

В пятницу 31 марта путники вошли в Вифанию, где был устроен праздник в честь прибытия Учителя. Собрались многие Его друзья. Когда миновала суббота, Иисус стал готовиться к вступлению в город. Иисус выбрал для этого ослика, животное, которое издавна было символом мира. Вместо седла на спину ослика положили одежды, и, сев на него, Иисус стал приближаться к въезду в Иерусалим. Царь, возвещающий мир. Он ехал безоружным, в окружении паломников, которые кричали: «Осанна Сыну Давидову!». Ученики ликовали. Наконец-то настал долгожданный день!

Иерархи пришли в полную растерянность. Такого бурного проявления народной любви к Галилеянину они никак не ожидали. Между тем Иисус проехал по праздничным улицам и, сойдя с ослика, вошел с учениками в ограду Храма. От Него ожидали каких-то слов и поступков, но Он молча осмотрел святилище, как Царь, желающий проверить Свои владения. Утром, в понедельник, снова придя в Храм, Он сделал то же, что и три года назад: велел торговцам покинуть пределы Дома Божия. Когда продающие и покупающие стали возмущаться, Иисус опрокинул столы менял с деньгами и скамьи с птицами, предназначенными для продажи.

Это было первым делом Мессии, открыто явившегося народу. Оно было обращено против унижения Храма. Вторым делом стало исцеление больных, которые со всех сторон облепили Иисуса.

Однако с каждым днем апостолы все яснее осознавали, что Мессия находится в Иерусалиме, как во враждебном лагере. Ночь они проводили

Поцелуй Иуды.

Джотто.

Около 1305 г. Фреска

чаще всего в Гефсиманской роще на окраине города. Но по утрам Иисус снова приходил в шумный город, где Его ждали слушатели и подстерегали противники.

В среду Иуда тайно проник во дворец первосвященника Кайафы. Он предложил иудейским властям свой план: схватить Иисуса ночью вне города, не привлекая внимания толпы. Вероятно, Иуда сообщил, что Иисус, по его мнению, намерен провозгласить Свое Царство в день Пасхи. Теперь Иуда вознамерился даже извлечь выгоду из своей измены и взял предложенные ему тридцать серебряников. Получив деньги, он как ни в чем не бывало вернулся к Учителю.

Пасха Нового Завета

С вечера 5 до ночи на 7 апреля 30 г.

Утром в четверг Иисус велел апостолам готовиться к Пасхальной трапезе — празднику, ежегодно совершаемому в воспоминание об избавле-

нии от египетского рабства. Он хотел успеть встретить Пасху в кругу учеников и придавал большое значение этому последнему в Его земной жизни празднику. Иисус послал учеников в город к одному из Своих тайных последователей, чтобы те в его доме все приготовили к священной трапезе.

Когда настал вечер, Иисус и ученики по тогдашнему обыкновению возлегли на низких ложках: Иоанн рядом с Иисусом, напротив Него — Петр; поблизости находился и Иуда. Священное событие Великого Четверга, которому предстояло стать главным таинством христианской Церкви, запечатленным в молитвах и гимнах, в творениях Джотто, Дионисия и Леонардо, происходило в обстановке непритязательной простоты.

Иисус произнес молитву над пресным хлебом. «Это хлеб страдания, который ели отцы наши в земле Египетской», — повторил Учитель традиционные слова священной ветхозаветной

Взятие под стражу.

А. Дюрер.

Гравюра

трапезы. На сей же раз Пасха возвещает о страдании Иисуса Христа, Мессии. Как разломлен этот священный хлеб, так будет отдана Его плоть в руки палачей. «Возьмите — это тело Мое, ломимое за вас, — проговорил Христос и добавил: — Это совершайте в воспоминание обо Мне».

Но вот Иисус взял в руки общую чашу с вином и сказал: «Пейте от нее все. Это есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая для прощения грехов... Совершайте это всегда в воспоминание обо Мне». Апостолы передавали чашу по кругу. Так совершалась Пасха Нового Завета. Воспоминание об избавлении от египетского рабства стало воспоминанием об из-

бавлении от рабства греха, избавлении, которое получает человек, верующий в Иисуса Христа и соединяющийся с Ним в своей жизни. Важнейшим знаком этого соединения стало таинство хлебопреломления или благодарения (греч. Евхаристия). С пением псалма они покинули дом и по спящим улицам направились к воротам (см. Мф 26:26–28; Мк 14:22–24; Лк 22:17–20).

Ночь в Гефсимании

С 6 на 7 апреля 30 г.

Иисус с учениками направился из города к Елеонской горе. Перейдя Кедронский овраг, они вошли в Гефсиманский сад. Это было небольшое

частное владение, обнесенное стеной, где находилась оливковая роща. Войдя в ограду, ученики стали располагаться на отдых. Иисус отошел в сторону и, упав на колени, начал горячо молиться. Он молился. Апостолы спали. А на улицах Иерусалима уже раздавались шаги стражи.

Спустя некоторое время сад осветился фонарями и факелами, послышались шум и голоса. У входа показалась толпа людей. Впереди шел римский офицер с солдатами, за ним — вооруженные храмовые служители. Вперед протиснулся Иуда. Он обещал дать знак, чтобы при аресте в ночном саду не произошло ошибки.

«Приветствую Тебя, Равви!» — сказал он, целуя Учителя. «Друг, вот для чего ты здесь, — промолвил Иисус. — Поцелуем ли предаешь Сына Человеческого?» (см. Лк 22:47–48).

Стража немедленно окружила Иисуса. Грубые руки опутывали Его веревками.

ЧЕРЕЗ СТРАДАНИЯ И СМЕРТЬ К ВЕЧНОМУ ТОРЖЕСТВУ

Суд Синедриона

Ночь и утро 7 апреля 30 г.

Конвой доставил Узника к первосвященнику Кайафе. Остаток ночи Иисус терпел издевательства архиерейской челяди. Наступило утро. У Кайафы был собран «Малый Синедрион», состоящий из двадцати трех человек. В него входили священники со старейшинами. Судьба Иисуса была предопределена заранее при полном единодушии всей коллегии.

Выступали свидетели с обвинениями типа: Он хотел разрушить Храм, Он запрещал платить подать кесарю. Но все это не давало повода для вынесения смертного приговора. Сам Иисус не произнес ни слова. Ждать дальше Кайафа не мог. «Заклинаю Тебя Богом Живым, — воскликнул он, — скажи нам: Ты ли Мессия, Сын Благословенного?» — «Я», — был ответ. Это было беспримерное свидетельство, Иисус редко столь прямо говорил о Своем мессианстве (см. Мф 28:3–64; Мк 14:61–62).

Разодрав одежду, как было принято делать при горестном известии или кощунстве, Кайафа вскричал в лицемерном ужасе: «Какая нам еще нужда в свидетелях? Вы слышали хулу? Как вам кажется?» — «Повинен смерти», — решили члены Синедриона. Но совет не имел права казнить кого бы то ни было. Оставалось предать Иисуса в руки Пилата для суда по римским законам.

Суд прокуратора. Голгофа 7 апреля 30 г.

Утром в пятницу Пилату доложили, что мятежник, который был арестован накануне вечером, доставлен. «Какое обвинение вы выставляете против этого Человека?» — спросил Пилат. Когда он понял, что Иисус является в их глазах проповедником ложных теорий, он сказал: «Я не нахожу вины в этом Человеке». Он понял, что имеет дело с Проповедником, Который едва ли опасен для римской власти. Пилат решил наказать Иисуса плетьюми и затем отпустить ради праздника Пасхи. Однако народ, подговариваемый архиереями, стал требовать, чтобы отпустили Варавву, бунтовщика, известного в городе. Варавву не только знали,

Христос перед Пилатом.
Скульптура собора в Наумбурге.
Германия. XIII в.

Христос перед народом.
И. Босх.

но и считали героем, а Иисус был пришелец, имя Которого мало что говорило горожанам.

Едва на помосте появился Иисус, жестоко избитый плетью, над площадью пронесся крик: «На крест! Распни Его!», «Отпусти нам Варавву!». Обвинители Иисуса выдвинули новый, самый веский аргумент: «Он называл Себя Мессией — Царем. Если ты его отпустишь, ты не друг кесаря». Пилат понял, что речь идет о его собственном благополучии. Желая показать, что он действует не по закону, а в угоду просьбам, прокуратор велел принести воды и, как требовал восточный обычай, демонстративно умыл руки: «Не виновен я в крови Праведника». Осужденный был передан в руки солдат.

По узким улицам Иерусалима двигалась процессия, вышедшая из претории, резиденции прокуратора, в полдень пасхальной пятницы 7 апреля 30 г. По жестокому правилу осужденные сами

несли перекладины крестов, на которых их распинали. Истерзанный бичами, Иисус шел медленно. Выйдя из города, повернули к холму, недалеко от дороги. За свою форму он получил название Голгофа — «Череп». На его вершине должны были поставить кресты. Римляне всегда распинали осужденных вдоль людных путей, чтобы их видом устроить непокорных.

Распятие было одной из самых бесчеловечных казней, изобретенных древним миром. Осужденного нагим прибивали к столбу с перекладиной и оставляли на медленное умирание. Нестерпимо болели раны, солнце жгло голову, мучило удушье.

Солдаты сорвали с Иисуса одежду, оставив лишь набедренную повязку. Осужденного положили на крест. Послышался страшный стук молотков, которыми в запястья рук и в ступни вгоняли огромные гвозди. Стоявшие рядом услышали слова Иисуса: «Отче, прости им, ибо не знают они,

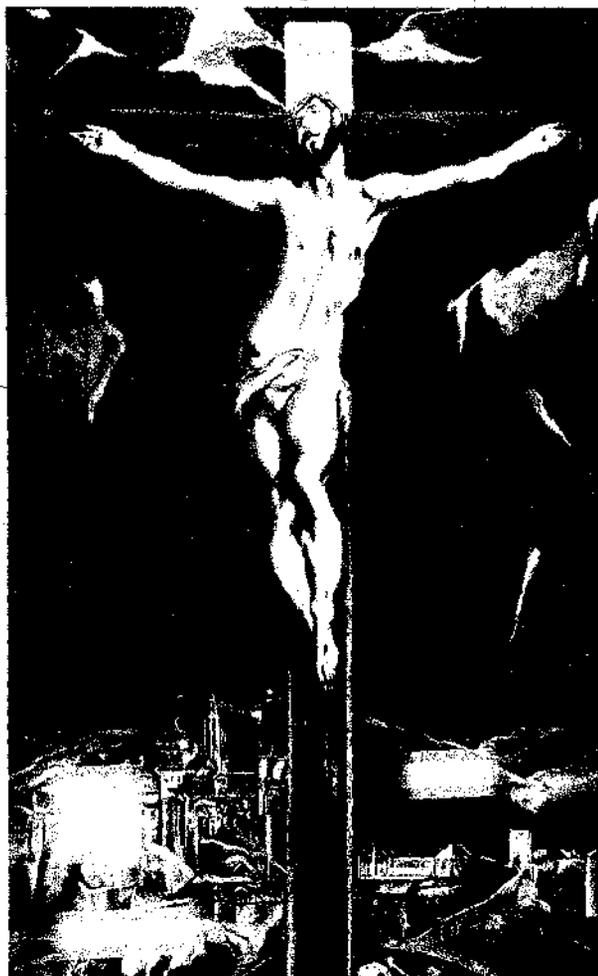
что делают» (см. Лк 23:34). После того как кресты с распятыми были подняты вертикально, конвою предстояло ждать последнего вздоха осужденных. Между тем подул ветер. Хмурые тучи заволокли небо. Казалось, само солнце скрылось, чтобы не видеть безумия людей. К трем часам дня стало темно, как в сумерках.

Последние слова Иисуса были: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой...» (Лк 23:46). Внезапно у Страдальца вырвался крик. Потом голова Его упала на грудь, сердце остановилось, Он был мертв. Сын Человеческий выпил Свою чашу до дна. Голгофа опустела. Двое тайных учеников Иисуса, Иосиф и Никодим, богатые, уважаемые люди, получили у Пилата разрешение взять тело Иисуса. При помощи слуг тело сняли с креста и перенесли в соседний сад. Участок принадлежал Иосифу, который заготовил здесь себе склеп.

Несение креста.

А. Дюрер.

Гравюра

Распятие.

Эль Греко.

После 1606 г.

Усопшего завернули в погребальные пелены, внесли в пещеру и завалили вход круглой каменной плитой. Две женщины из числа близких учеников присутствовали при этом.

А апостолы? Они ничего не знали о месте погребения. Ужас сковал их. Пока их не трогали. Но долго ли это продлится? Еще больше их терзала мысль, что Тот, Кто свидетельствовал об истине и обещал привести их в Царство Божие, лежит теперь бездыханный. Значит, Иисус не Тот, за Кого они Его принимали, не Мессия, не Божий Посланник?

Оплакивание Христа.
Гуго ван дер Гус.
Правая часть диптиха

Победа над смертью 9—14 апреля 30 г.

Много непостижимого хранят анналы¹ истории, но самое невероятное в ней — жизнь Иисуса Назарянина. Справедливо считают, что тайна смерти и воскресения Христа выходит за пределы, доступные человеческому знанию. Однако есть факты, находящиеся в поле зрения историка. В тот самый момент, когда дело Иисуса Христа, едва зародившись, казалось, навсегда погибло, а Его ученики потеряли веру, — все внезапно и корен-

ным образом меняется. Те, кто только что покинул Учителя и отрекся от Него, смело возвещают о Воскресении Иисуса Христа. Свидетельства апостола Павла вместе с пасхальными повествованиями Евангелий демонстрируют реальный факт духовного воскресения учеников и подвиг их на проповедь Благой Вести.

Синедриону понадобилась своя официальная версия. Было объявлено, что ночью ученики Иисуса похитили Его тело и стали говорить, будто Он жив.

Но если бы апостолы участвовали в подлоге или знали о нем, откуда взялась бы у них сила духа и смелость отстаивать сознательный обман даже перед лицом смерти? А не могло ли

Положение во гроб.

Икона.

Конец XV в.

Неверие Фомы.
Конец XV в.

случиться, что тело Иисуса было унесено кем-то другим? Сторонники этого мнения забывают, что то же самое думали ученики и впали в еще большее уныние. Перемена в них произошла лишь после того, как они увидели Воскресшего Иисуса.

Выражение апостола Павла «тело духовное» (1 Кор 15:44) является, по-видимому, ключевым для понимания Пасхальной Тайны. Оно означает, что в саду Иосифа произошла единственная в своем роде победа Духа, которая, не уничтожив плоти, дала ей новую, высшую форму существования. Для апостолов Воскресенье стало залогом неодолимости Добра, олицетворенного в Иисусе.

Евангелия рассказывают нам, как Иисус приходил к ученикам, когда они находились в запечатом доме, присоединялся к ним на пути в сосед-

нее селение, появлялся на берегу Галилейского моря. Каждый раз это была реальная встреча, открывавшая ученикам глаза на присутствие Иисуса. В эти светлые дни апостолы окончательно утвердились в вере. Из Двенадцати только Фома не видел Господа. Когда он слушал восторженные слова других учеников, ему трудно было разделить их чувства. Не произошло ли ошибки? В один из последних дней Пасхи ученики собрались вместе в одном доме. Двери были плотно запечатаны: страх преследований еще не утих. И опять все внезапно увидели Иисуса. Он обратился к Фоме: подойди, протяни руку, проверь!

«Господь мой и Бог мой!» — только и мог вымолвить апостол. Он не помышлял больше о доказательствах. «Ты потому уверовал, — сказал

Спас.
Андрей Рублев.
Икона. Начало XV в.

Христос, — что увидел Меня. Блаженны не видевшие и поверившие» (см. Ин 20:24–29).

Последними словами Воскресшего Господа на 40-й день после Пасхи были: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и вот, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28:19–20).

Пронеслись века...

Возникали и рушились империи, гибли цивилизации, менялся облик земли, но Церковь, основанная Иисусом Христом Назарянином, возвышается, как скала, среди этого клочкующего моря. Вера, которую в первые дни исповедовало всего несколько десятков человек, движет сегодня миллиардом жителей земли, говорящих на разных языках и создавших бесчисленные формы культур.

Христианство соединило мудрость Афин и чаяния Востока с мечтой Рима о всеобщем «согласии»; оно осудило угнетателей, возвысило женщину, способствовало искоренению рабства. Христианская «закваска» превратилась в Европе и Новом Свете в источник динамизма, которого не знали все предшествующие пятьдесят тысяч лет существования человека.

Грозы и ураганы проносились над Церковью, внешние и внутренние опасности подстерегали ее. Властолюбие вождей и язычество толпы, мирские и аскетические соблазны, натиск открытых противников и грехи христиан, распри и расколы — все это порой, казалось, ставило под удар само существование Церкви. Но она выдержала все исторические битвы и кризисы.

Тайна ее неодолимости в Сыне Человеческом, Который, по слову апостола, «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8).

Непросветленное сознание человека ищет внешнего величия, покоряется зримой силе; но не это дает ему Евангелие. Каждая душа, обретшая Иисуса Христа, отныне знает, что человек — не одинокий скиталец в черной космической пустыне, а дитя Божие, соучастник Божественных замыслов. В Нем сокровенный и непостижимый Творец стал близок нам, и это наполняет жизнь радостью, красотой, смыслом. Нет больше «пугающего безмолвия бездны», над всем — свет Христов и любовь Небесного Отца.

¹ *Анналы* (лат. «ежегодники») — название хроник-летописей; в переносном смысле — исторические материалы, информация (фактическая).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Сотворение света. Г. Доре. Гравюра
2. Четвертый день творения. Ю. Карольсфельд. Гравюра
3. Бог создает Адама. У. Блейк. Иллюстрация к Книге Бытия. 1795 г.
4. Софийский собор в Киеве. XI в.
5. Синагога «Слава Израиля» в Иерусалиме
6. Собор Нотр-Дам в Реймсе
7. Мечеть в Стамбуле
8. Благовещение. Икона. XIV в.
9. Богоматерь Владимирская. Икона. Фрагмент. Начало XII в.
10. Жертвоприношение Авраама. Ю. Карольсфельд. Гравюра
11. Сцена жертвоприношения. Римский рельеф. I в.
12. Сцена жертвоприношения. Роспись саркофага. Крит. Конец XV в. до Р.Х.
13. Царь Саргон II, несущий жертвенного козленка. VIII в. до Р.Х.
14. Человек-рыба. Рельеф из Телль Халафа. Около 900 г. до Р.Х.
15. Сфинкс из Аттики. Начало VI в. до Р.Х.
16. Храм ягуаров. Центральная Америка. Чичен-Ица. X—XVI вв.
17. Бог Солнца. Центральная Америка. Тикаль. II—IX вв.
18. Бог огня. Сосуд. Центральная Америка. Чипаль. X—XVI вв.
19. Воин-орел. Сосуд. Центральная Америка. Чипаль. X—XVI вв.
20. Большой Сфинкс фараона Хафра в Гизе. Первая половина III тысячелетия до Р.Х.
21. Крылатые сфинксы. Панно из дворца в Сузах. VI в. до Р.Х.
22. Статуя крылатого божества Ашшура. VIII в. до Р.Х.
23. Южноскандинавские наскальные культовые изображения эпохи бронзы
24. Человек-ягуар. Роспись сосуда. Тикаль. XV в. до Р.Х. — II в. по Р.Х. Фрагмент
25. Идол. Навершие штандарта
26. Статуя шумерийского бога Аб-У. Середина III тысячелетия до Р.Х.
27. Бог Солнца. Иероглифическая лестница. II—IX вв. Фрагмент
28. Голова идола с острова Аморгос. Киклады. 2500—2000 до Р.Х.
29. Зиккурат в Уре. Конец III тысячелетия до Р.Х.
30. Молитва под пальмой. Роспись гробницы Амоннахта в Фивах. XIV—XIII вв. до Р.Х.
31. Статуэтки жреца Аменхотепа и его жены Раннаи. Вторая половина XV в. до Р.Х.
32. Переселение Израиля в Египет. Г. Доре. Гравюра
33. Поклонение фараона Эхнатона Солнцу. Рельеф из храма в Ахетатоне. Начало XIV в. до Р.Х.
34. Голова царицы Нефертити. Первая половина XIV в. до Р.Х.
35. Голова Эхнатона. Начало XIV в. до Р.Х.
36. Кносский дворец. Нижний ярус светового колодца. Крит. XVI в. до Р.Х.
37. Богиня со змеями. Из сокровищницы Кносского дворца. Крит. 1700—1600 гг. до Р.Х.
38. Голова прорицателя. Статуя восточного фронтона храма Зевса. Олимпия. 460 г. до Р.Х. Деталь

39. Собрание богов (Гера, Гермес, Афина, Зевс, Ганимед, Афродита, Арес). Роспись килика. Тарквиния. Около 510 г. до Р.Х.
40. Пак. Золотая монета. Пантикапей. 350–320 гг. до Р.Х.
41. Голова Зевса. Отриколь. IV в. до Р.Х.
42. Сосна на алтаре Зевса. Пергам
43. Гора Синай
44. Статуя фараона Рамсеса II. XIII в. до Р.Х.
45. Колоссы Рамсеса II. Абу-Симбел. XIV в. до Р.Х.
46. Дочь фараона перед младенцем Моисеем. Г. Доре. Гравюра
47. Моисей заступается за своего соплеменника. Ю. Карольсфельд. Гравюра
48. Израильтяне перед Синаем. Г. Доре. Гравюра
49. Моисей спускается с горы Синай. Г. Доре. Гравюра
50. Алтарь
51. Скиния в пустыне. Модель
52. Разрушение стен Иерихона. Г. Доре. Гравюра
53. Битва израильтян с филистимлянами. П. Брейгель. 1562 г.
54. Самуил благословляет Саула. Г. Доре. Гравюра
55. Помазание Соломона на царство. Ю. Карольсфельд. Гравюра
56. Соломон строит Храм. Ю. Карольсфельд. Гравюра.
57. Храм Соломона и его окрестности. Модель
58. Грехопадение. Ю. Карольсфельд. Гравюра
59. Жертвенник пророка Илиа на горе Кармил
60. Илиа на горе Хорив. Ю. Карольсфельд. Гравюра
61. Явление Ангела Илиа Пророку. Г. Доре. Гравюра
62. Илиа воскрешает сына вдовы. Г. Доре. Гравюра
63. Храм Неба. Пекин. 1420 г.
64. Лао-цзы уезжает на Запад. Статуэтка
65. Четырехликий Шивилингам. V в.
66. Кришна, поднимающий гору Говардхан. Миниатюра. XVIII в.
67. Кришна, поднимающий гору. Рельеф. XII в.
68. Голова Будды. Таиланд. XV–XVI вв.
69. Сидящий Будда. 110 г.
70. Голова Будды. VI в.
71. Статуя Будды. Пещера Юньган. Китай. V в.
72. Пещерный храм Юньган. Китай. V в.
73. Будда, увенчанный короной. XI в.
74. Будда, произносящий проповедь. VIII в.
75. Будда врачующий. Корея. Иконостас. XVIII в. Фрагмент.
76. Гомер. IV в. до Р.Х.
77. Артемида. Восточный фриз Парфенона. 447–432 гг. до Р.Х. Фрагмент
78. Гомер. Монета из Хиоса. IV в. до Р.Х.
79. Дионис. Роспись амфоры. Около 500 г. до Р.Х.
80. Герма бога Диониса. V в. до Р.Х.
81. Дионис в ладье. Роспись килика. Фрагмент. Около 530 г. до Р.Х.
82. Дионис с сатирами и менадами. Роспись кратера. Фрагмент. Около 440 г. до Р.Х.
83. Фавн с тирсом. I в.
84. Орфей у фракийцев. Роспись кратера. Фрагмент. Около 450 г. до Р.Х.
85. Орфей, играющий на лире. Мозаика. III в.

86. Пифагор. Середина V в. до Р.Х.
87. Античные театральные маски
88. Эсхил. 460–450 гг. до Р.Х.
89. Софокл. V в. до Р.Х.
90. Перикл. Около 440 г. до Р.Х.
91. Развалины греческого форума
92. Гераклит. V в. до Р.Х.
93. Сократ. Статуэтка
94. Сократ
95. Платон. IV в. до Р.Х.
96. Храм Посейдона
97. Афина. Роспись амфоры. Фрагмент. 490–480 гг. до Р.Х.
98. Ника Самофракийская. Около 190 г. до Р.Х.
99. Пророк Амос. Г. Доре. Гравюра
100. Пророк
101. Завеса
102. Сеятель
103. Пророк Исая. Г. Доре. Гравюра
104. Видение пророка Исая о разрушении Вавилона. Г. Доре. Гравюра
105. Господь поражает Левиафана. Г. Доре. Гравюра
106. Поражение Синаххериба по молитве Езекии. Ю. Карольсфельд. Гравюра
107. Поражение войск Синаххериба. Г. Доре. Гравюра
108. Пророк Иеремия. Микеланджело. Фрагмент росписи. 1511 г.
109. Плач Иеремии. Ю. Карольсфельд. Гравюра
110. Пророк Иеремия. Г. Доре. Гравюра
111. Пророк Иезекииль. Икона. Конца XV в.
112. Пророк Иезекииль. Г. Доре. Гравюра
113. Пророк Иезекииль. Микеланджело. Фрагмент росписи. 1511 г.
114. Страшные видения пророка Иезекииля. Г. Доре. Гравюра
115. Разрушение Иерусалима и пленение израильтян. Ю. Карольсфельд. Гравюра
116. Пророк Исая. Ю. Карольсфельд. Гравюра
117. Алтарь бога огня. Иран
118. Иона проповедует ниневитянам. Г. Доре. Гравюра
119. Избавление Ионы. Г. Доре. Гравюра
120. Сурья, бог Солнца. XII в.
121. Рождение Ситы. XV в.
122. Хари Хара. Божество с атрибутами Шивы и Вишну. 1730 г.
123. Воплощение Вишну в виде вепря. X–XI вв.
124. Вишну, спускающийся с небес (Избавление слона). VI–VII вв.
125. Триера. VI–V вв. до Р.Х.
126. Александр Македонский. Мозаичная картина в Помпеях. Фрагмент. II в.
127. Эпикур. IV–V вв. до Р.Х.
128. Диоген и Александр Македонский. Рельеф. Копия картины. IV в. до Р.Х.
129. Улица в Иерусалиме
130. Несчастья Иова. Г. Доре. Гравюра
131. Иов на гноище. Г. Доре. Гравюра
132. Антиох IV. Монета
133. Пророк Даниил. Г. Доре. Гравюра

134. Пророк Даниил во рву львином. Г. Доре. Гравюра
135. Три отрока в печи огненной. Г. Доре. Гравюра
136. Семисвечник. Рельеф на арке Тита. Фрагмент. После 81 г.
137. Священники
138. Первосвященник, ковчег, алтарь и священные сосуды в Святая Святых
139. Стол для хлебов предложения
140. Юпитер. I в.
141. Дьявол (демон подземного царства). Этрусский надгробный рисунок. IV—III вв. до Р.Х.
142. Эритрейская Сивилла. Микеланджело. 1509 г. Фрагмент росписи
143. Сципион Старший. III в. до Р.Х.
144. Цицерон. I в. до Р.Х.
145. Гай Юлий Цезарь. I в. до Р.Х.
146. Ганнибал. III в. до Р.Х.
147. Посидоний. I в. до Р.Х.
148. Август. I в. до Р.Х.
149. Алтарь Мира Августа. 13—9 гг. до Р.Х. Реконструкция
150. Богоматерь. Феофан Грек. 1405 г. Фрагмент.
151. Симеон Праведный. Икона. Середина XVI в.
152. Поклонение волхвов. Мастер венского «Поклонения Младенцу». Около 1410 г.
153. Город Назарет
154. Поклонение волхвов. Джотто. Фреска. Около 1305 г.
155. Рождество Христово. Икона. Начало XV в. Фрагмент
156. Избиение младенцев. Скульптура Собора Нотр-Дам. Париж. XIII в.
157. Источник в Назарете
158. Иоанн Предтеча. Икона. XV в. Фрагмент
159. Христос в пустыне. И.Н. Крамской. 1872 г.
160. Испытание Спасителя дьяволом. Г. Доре. Гравюра
161. Гора Испытания
162. Проповедь Иисуса. Г. Доре. Гравюра
163. Похоронная процессия
164. Дьявол, пожирающий душу человека. Скульптура. Франция. XII в.
165. Базарный день в Иерусалиме
166. Четыре апостола. А. Дюрер. Диптих. 1526 г.
167. Вифания. Могила Лазаря
168. Могила Лазаря
169. Воскрешение Лазаря. Джотто. Около 1305 г. Фреска
170. Поцелуй Иуды. Джотто. Около 1305 г. Фреска
171. Взятие под стражу. А. Дюрер. Гравюра
172. Христос перед Пилатом. Скульптура собора в Наумбурге. Германия. XIII в.
173. Христос перед народом. И. Босх.
174. Несение креста. А. Дюрер. Гравюра
175. Распятие. Эль Греко. После 1606 г.
176. Оплакивание Христа. Гуго ван дер Гус. Правая часть диптиха
177. Положение во гроб. Икона. Конец XV в.
178. Неверие Фомы. Конец XV в.
179. Спас. Андрей Рублев. Икона. Начало XV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия с приложениями. Брюссель: Жизнь с Богом, 1973—1977 и др. годы.
2. Мифы народов мира. Т. 1—2. М., 1980—1982.
3. Философская энциклопедия [ФЭ]. Т. 1—5. М., 1961—1970.
4. Абрамова Э. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М., 1966.
5. Аверинцев С. С. Эсхатология. — ФЭ. Т. 5. М., 1970.
6. Его же. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
7. Александрийская поэзия. Сост. М. Грабарь-Пассек. М., 1972.
8. Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1960.
9. Его же. Находки у Мертвого моря. М., 1964.
10. Античная драма. Сост. С. Апт. М., 1970.
11. Античная лирика. Сост. С. Апт и Ю. Шульц. М., 1968.
12. Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1972.
13. Асмус В. Ф. История античной философии. М., 1965.
14. Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.
15. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
16. Его же. Смысл истории. М., 1990.
17. Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. М., 1969.
18. Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
19. Его же. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980.
20. Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В. Мудрецы и философы Древней Индии. М., 1975.
21. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
22. Боннар Ш. Греческая цивилизация. Т. I—III. М., 1958—1962 (М., 1992).
23. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
24. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1970.
25. Вулли Л. Ур Халдеев. М., 1961.
26. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. Т. 1—2. М., 1976—1977.
27. Геродот. История, в девяти книгах. Пер. Г. Стратановского. М., 1972 (М., 1993).
28. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. М., 1991.
29. Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967.
30. Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970.
31. Де Бройль Л. По тропам науки. М., 1964.
32. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М., 1963.
33. Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1963.

34. Дьяконов И. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
35. Еврипид. Трагедии. Пер. И. Анненского. Т. I—II. М., 1969.
36. Зеньковский В., прот. Апологетика. Рига, 1992.
37. Его же. Основы христианской философии. Т. 1—2. М., 1992.
38. Златковский Т. У истоков европейской культуры. М., 1961.
39. Ильин Г. Ф. Религия Древней Индии. М., 1959.
40. Индийская культура и буддизм: Сб. статей. Под ред. Н. И. Конрада и Г. М. Бонгард-Левина. М., 1972.
41. Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
42. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. М., 1972.
43. Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976.
44. Косамби Д. Культура и цивилизация Древней Индии. М., 1968.
45. Кравчук А. Закат Птолемеев. М., 1973.
46. Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1965.
47. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957.
48. Лосев А. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
49. Его же. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979.
50. Его же. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980.
51. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. М., 1991.
52. Маркин С. Гомер и его поэмы. М., 1962.
53. Матье М. Древнеегипетские мифы. М.-Л., 1956.
54. Ее же. Искусство Древнего Египта. М., 1964.
55. Ее же. Во времена Нефертити. М., 1965.
56. Матье М., Афанасьев В. К., Дьяконов И. М. Искусство Древнего Востока. М., 1958.
57. Махабхарата. Рамаьяна. М., 1974.
58. Нарайан Р. К. Боги, демоны и другие. М., 1974.
59. Паскаль Б. Мысли о религии. М., 1974 (Библиотека всемирной литературы, т. 42).
60. Перепелкин Ю. Тайна золотого гроба. М., 1968.
61. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1—3. М., 1961—1964.
62. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
63. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1—2. М., 1956.
64. Расмуссен К. Великий санний путь. М., 1958.
65. Редер Д. Мифы и легенды Древнего Двуречья. М., 1965.
66. Ривкин Б. И. Античное искусство. М., 1972.
67. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964 (М., 1992).
68. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 1—2. М., 1975—1976.
69. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
70. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т. 1—2. М.: Мысль, 1988.
71. Его же. Сочинения в двух томах. Т. 1—2. М.: Правда, 1989.
72. Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1—2. Л., 1969.
73. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1989.
74. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.

75. Тексты Кумрана. Пер. И. Д. Амусина. Вып. I. М., 1971.
76. Токарев С. Первоначальные формы религии. М., 1963.
77. Его же. Религия в истории народов мира. М., 1964.
78. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. М., 1958.
79. Трубецкой Е. Смысл жизни. М., 1918.
80. Фаррар Ф. Жизнь Иисуса Христа. М., 1990.
81. Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. М., 1990.
82. Франк С. Л. Сочинения, М., 1990.
83. Его же. Духовные основы общества. М., 1992.
84. Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1980.
85. Хайтун Д. Тотемизм, его сущность и происхождение. Душанбе, 1958.
86. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.
87. Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964.
88. Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1962.
89. Церен Э. Библейские холмы. М., 1986.
90. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1—2. М., 1991.
91. Чайлд Г. Древний Восток при свете новых раскопок. М., 1956.
92. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
93. Эпос о Гильгамеше. Пер. И. Дьяконова. М., 1961.
94. Эсхил. Трагедии. Пер. С. Апта. М., 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5
I. ИСТОКИ РЕЛИГИИ	7
Введение	7
Природа веры	9
Бытие и вера	9
На пороге последней тайны	10
Человек перед Богом	13
Человек во Вселенной	16
Творение, эволюция, человек	16
Образ и подобие	17
Человек: смерть и бессмертие	20
Перед лицом Сущего	23
II. МАГИЗМ И ЕДИНОБОЖИЕ	25
Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей	25
Доисторический мир	25
Зарождение религии	25
В мире демонов и духов	26
Доисторические мистики	28
Магическое мирозерцание	29
Первые цивилизации	31
От магов к обожествленным царям	31
Земля Сennaарская	33
Восток и Запад во втором тысячелетии до Р.Х.	35
Пастушеские народы. Арии в Индии	35
Люди, стихии и боги	37
Начало Ветхого Завета. Авраам	39
Сыны Израиля	40
Божественное Солнце. «Еретик из Ахетатона»	42
Тайна Лабиринта	44
Утро Элады. Олимпийцы	46
Борьба богов и титанов	47

Народ Завета	49
«Дом рабства». Моисей	49
Путь к Синаю	52
Десять заповедей	54
Земля Обетованная	56
Бог Израилев и язычество	57
Теократическое царство. Сионский завет	59
Священная история	62
Борьба за веру. Пророк и царь	67
III. У ВРАТ МОЛЧАНИЯ	
Духовная жизнь Китая и Индии в середине первого тысячелетия до Р.Х.	69
Китайская философия	69
На берегах Хуанхэ	69
По заветам предков	71
Индия от брахманизма до Будды	73
«Тайное учение»	73
Провозвестие Кришны. Бхагавад-Гита	74
Жизнь и проповедь Будды Гаутамы	77
Шакийский отшельник	77
IV. ДИОНИС, ЛОГОС, СУДЬБА	
Религия и философия Древней Греции	83
Древнегреческая религия	83
Очеловеченные боги	83
Дионис	86
Орфики	88
Пифагор	90
Греческая трагедия	91
Эсхил	91
Софокл	92
Древнегреческая философия	96
Возникновение философии	96
Гераклит	97
Сократ	98
Смерть мудреца	100
Платон. Поиск истины	101
Идея двух миров	102
Государство	104
Логос и Хаос	106

V. ВЕСТНИКИ ЦАРСТВА БОЖИЯ

Библейские пророки от Амоса до эпохи реставрации, VIII—IV вв. до Р.Х.	107
Введение	107
До плена	108
Пастух Амос	108
Откровение любви Божией. Пророк Осия	111
Исайя и «бедняки Господни»	113
Слово о Мессии	116
Самария и Сион	117
Языческая реакция. Сокровенная Тора	120
Возрождение пророчества. Призвание Иеремии	120
Иерусалимская реформа	122
Иеремия против Иерусалима	123
Небесная колесница. Иезекииль	126
Крушение	128
И на развалинах живет надежда	129
Плен и реставрация	130
«На реках вавилонских»	130
Видение Града Божия	131
«Ветхозаветный евангелист»	132
Пророк Авесты и пророк Библии	135
Конец неволи	139
Возвращение. Первые трудности	140
Второй Храм	142
VI. НА ПОРОГЕ НОВОГО ЗАВЕТА	
От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя	145
Буддизм, йога и индуизм	145
Ашока	145
«Царственная йога» Патанджали	146
Инданизм	147
Греческая мысль	149
Человек в меняющемся мире	149
Эпикур и скептики	150
«Жить согласно природе!»	152
Первые стоики	153
Мудрецы Ветхого Завета	153
Человеческая мудрость и Премудрость Божия	153
Иов	155
Экклезиаст	157
Иудейство и эллинизм	158
Эллинизация. Книга Даниила	158
Отделившиеся	162

Рим, греки и восток	165
Душа и вера римлянина	165
Этруски, Сивилла, Карфаген	167
Эллинизм в Риме	169
Попытки синтеза	170
Иудейские миссионеры	172
Человекобог	173
Преддверие	174
Земная власть и тайна мессианства	174
 VII. ИИСУС ХРИСТОС	
Начало христианства 7 г. до Р.Х. — 30 г. по Р.Х.	177
Введение	177
Пролог	178
От Вифлеема до Капернаума	178
Рождение Иисуса Христа	178
Предтеча. Иисус в пустыне	180
Галилея. Первые ученики	182
Благая Весть	184
Мессия	189
«Не мир, но меч»	189
Знаки присутствия Царства Мессии	190
Двенадцать учеников. Смерть Иоанна Крестителя	190
Тайна Иисуса	192
Навстречу Голгофе	193
Много званых — мало избранных	193
Час близится	194
Пасха Нового Завета	196
Ночь в Гефсимании	197
Через страдания и смерть к вечному торжеству	198
Суд Синедриона	198
Суд прокуратора. Голгофа	198
Победа над смертью	201
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	205
ЛИТЕРАТУРА	209

Александр Вольфович Мень

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

Книга первая

В поисках Пути, Истины и Жизни

Художник:

П.П.Ефремов

Фото:

Ранет Матказин

Редакторы:

Н.В.Вербицкая, В.А.Дементьев,

Т.И.Краузова, М.С.Федорова

Корректор:

Т.И.Сергеева

Подбор иллюстраций:

Т.Н.Макарова

ЛР № 070824 от 21.01.93

Подписано в печать 25.09.97

Формат 84 x 108/16. Печать офсетная

Гарнитура «Академическая». Объем 13,5 п. л.

Доп. тираж 5000 экз.

Заказ № 1728

Цена договорная

Издательский Дом «ФОРУМ»

103001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 4, строение 1

Издательский Дом «ИНФРА-М»

127214, Москва, Дмитровское ш., 107

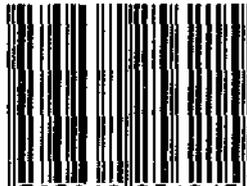
Тел.: (095) 485-74-00; 485-70-63. Факс: (095) 485-53-18.

E-mail: books@infra-m.ru

<http://www.infra-m.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-86225-621-0

9 785862 256215

Р

елигия неразрывно связана с человеческим миром, с мировой культурой. Египетские храмы и вавилонские гимны, Библия и Парфенон, музыка Баха и Бриттена — все это коренные формы культуры, которая вносит в земную жизнь высший смысл, связывая ее с Непреходящим...

Формы культуры определяются в первую очередь тем, как воспринимает человек окружающий мир, что он думает о себе, о жизни, о Высшем, какие этические принципы руководят его поступками, какие идеалы вдохновляют его творчество.

Александр Мень